

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

БРАТЯ

Книга 1. ТАЙНЫЙ ВОИН

Волкодав и его мир

Мария Семёнова

Тайный воин

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Семёнова М. В.

Тайный воин / М. В. Семёнова — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Волкодав и его мир)

Прошло семь лет после Беды – вселенской катастрофы, погрузившей весь мир в бесконечную зиму. От могущественной империи, угодившей под удар кометы, уцелела только периферия и независимые племена вдоль внешних границ. В одном из этих племён, в нищей лесной деревне, подрастает маленький царевич, чудом спасённый в момент Беды. Родительский сын становится его старшим братом, лучшим другом, защитником и героем. Однако трагические обстоятельства разлучают мальчишек. Родной сын насильственно уведён из семьи. Маленький царевич решает посвятить свою жизнь поискам и возвращению пропавшего. Но не всё так просто! Уведённый юноша попадает в своего рода школу, где умный и харизматичный учитель принимается лепить из него тайного воина – изошрённого убийцу для негласных дел...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Семёнова М. В., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Начин	6
Ветка рябины	6
Доля первая	12
Через реку	12
В гостях	20
Скоморохи	26
Котляры	38
Взаперти	45
В дороге	54
Верёвка	65
Доля вторая	72
Последний приказ	72
Растрёпанные рукавицы	79
Рында	88
Столб	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Мария Семёнова

Тайный воин

© М. Семёнова, 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Автор сердечно благодарит:

Аллу Земцову
Юлию Зачёсову
Сиражудина Магомедова
Марата Гаджиева
Рабадана Магомедова
Екатерину Мурашову
Павла Молитвина
Дмитрия Тедеева
Юрия Соколова
Ольгу Савину
Владимира Бородина
Наталью Карасёву
Ольгу Ксенофонтову
Ольгу Скибину
Татьяну и Александра Урбанских
Татьяну Шевченко
Петра Абрамова
Екатерину Полянскую
Леона Абрамова
Елизавету и Константина Кульчицких
Вадима Платонова
Вадима Шлахтера
Евгения Голынского
Светлану и Валерия Сазоновых
Александра Кутукова
Виктора Краснова
Дину Дорофееву
Александра Теплова
Игоря Крашенинникова
Людмилу Седову
Наталью Попову
Анну Гурову
Ульяну Недосекову
Наталью Полийчук
Татьяну Буравцеву
Александра Соколовского

Начин

Ветка рябины

– Наша девчушка гоит¹ ли? – спросил мужчина. – Всё из памяти вон, Айге, как ты её назвала?

Женщина улыбнулась:

– Больше ругаю Баламошкой, потому что она умница и опрятница. А так – Жилкой.

Мужчина рассеянно кивнул:

– Жилкой... ну да. Привезёшь однажды, покажешь.

Если бы не разговор, ускользавший от посторонних ушей, они выглядели бы самыми обычными странствующими торгованами, каких много в любом перепутном кружале. Двое крепких молодых парней, скромно помалкивавших в уголке, сошли бы за сыновей.

– Привезу, – пообещала Айге. – Вот наспеет, и привезу. Ты, Ветер, едешь ли за новыми ложками по весне?

Он снова кивнул, поглядывая на дверь:

– В Левобережье... за Шегардай.

– А я слышала, гнездари бестолковы, – поддела Айге.

Ветер усмехнулся, с уверенной гордостью кивнул на одного из детин:

– Вот гнездарь!

В большой избе было тепло, дымно и сыровато. В густой дух съестного вплетались запахи ношенных рубах, сохнущей кожи, влажного меха. По всем стенам сушилась одежда. Снаружи мело, оттепель раскачивала лес, ломала деревья, забивала хвойник густыми липкими хлопьями. Хорошо, что работники загодя насушили целую сажень дров. Все знают, что печь бережливее греет скутанная, но гостям по сердцу, когда в отворённом горниле лопаются поленья и дым течёт живым коромыслом, ныряя в узенький волок. А гости были такие, что угодить им очень хотелось. В кружале третий день гулял с дружиной могучий Ялмак по прозвищу Лишень-Раз. С большого стола уже убрали горшки и блюда с едой, воины тешили себя игрой в кости.

– Учитель... – подал голос парень, сидевший рядом с наставником.

Вихры у него были пепельные, а глаза казались то серыми, то голубыми.

Ветер не торопясь повернул голову:

– Что, малыш? Спрашивай.

– Учитель, как думаешь, где они всё это взяли?

За стеной, в просторных сенях, бойко шёл торг. Отроки продавали добычу. Да и старшие витязи у стола, где выбивали дробь костяные кубики, ставили в кон не только монету. Зарево жирников скользнуло по тёмно-синему плащу, расшитому канителью. Сильные руки разворачивали и встряхивали его, стараясь показать красоту узорочья – да притаить в складках тёмное пятно с небольшой дыркой посередине.

Айге положила ногу на ногу и заметила:

– Вряд ли у переселенцев. Те нищebroды.

¹ Автор, отнюдь не занимавшийся придумыванием новых слов или удивительных толкований, всего лишь пытался **писать эту книгу по-русски**. Честно предупреждаю: в тексте встретится ещё немало замечательных старинных слов, возможно выходящих из зоны привычного читательского комфорта. Полагаю, незаинтересованный читатель сумеет их с лёгкостью «перешагнуть». Заинтересованного – приглашаю в самостоятельное путешествие по сокровищнице русского языка. Поверьте, это может стать захватывающим приключением. А найдёте вы гораздо больше, чем предполагали...

Ветер пожал плечами. В серых глазах отражались огни, русую бороду слева пронизали морозные нити.

– Источница Айге мудра, – сказал он ученикам. – Однако в поездах, плетущихся вдоль моря, полно варнаков и ворья. Мало ли как они плату Ялмаку собирали.

За столом взревели громкие голоса. К кому-то пришла хорошая игра. Брошенные кубики явили два копыя, топор и щит против единственных гуслей. Довольный игрок, воин с как будто вмятой и негоже выправленной левой скулой, подгрёб к себе добычу. Кости удержали при нём плащ, добавив резную деревянную чашу с горстью серебра и тычковый кинжал в дорогах ножнах.

Ветер задумчиво проводил взглядом оружие:

– А могли и с соищущей дружиной схватиться...

Беседа тянулась вяло, просто чтобы одолеть безвременье ожидания.

– Отважусь ли спросить, как нынче мотушь? – осторожно полюбопытствовала Айге.

Ученики переглянулись. Ветер вздохнул, голос прозвучал глухо и тяжело:

– Живёт, но не знает меня.

– А о единокровных что-нибудь слышно?

Ветер оторвался от наблюдения за игрой, пристально посмотрел на Айге:

– Двоих, не желавших звать меня братом, уже преставила Владычица...

– Но младший-то жив?

Глаза Ветра блеснули насмешкой.

– Говорят, Пустоболт объявился Высшему Кругу и вступил в след отца.

– Пустоболт, – с улыбкой повторила Айге.

– Если не врёт людская молва, – продолжал Ветер, – старый Трайгтрен ввёл его в свиту. Может, ради проворного меча, а может, надеется, что Болт ещё поумнеет.

Над большим столом то и дело взлетал безудержный смех, слышалась ругань, от которой в ином месте давно рассыпалась бы печь. Здешняя, слыхавшая и не такое, лишь потрескивала огнём. Канительный плащ так и не сменил обладателя, увенчавшись витой гривной и оплетённой бутылкой. Щедрый победитель тут же распечатал скляницу, пустил вкруговую. Как подбало, первым досталось отхлебнуть вожаку. Под хохот дружины Лишень-Раз сделал вид, будто намерился одним глотком ополовинить бутылку. Он выглядел вполне способным на это, но, конечно, жадничать не стал. Отведал честно, крикнул, передал дальше. Два воина за спиной воеводы стерегли стоячее копьё, одетое кожей. Из шнурованного чехла казалась лишь чёлка белых волос и над ней – широкое железко.

– Учитель, Мятой Роже везёт шестой раз подряд, – негромко проговорил второй парень. – Как такое может быть? Ты сам говорил, кости – роковая игра, не знающая ловкости и науки...

Волосы у него были белёсого андархского золота, он скалывал их на затылке, подражая наставнику.

Ветер зевнул, потёр ладонью глаза:

– Удача своевольна, Лихарь. Ты уже видел, что делает с человеком безудержная надежда её приманить.

– А вот и он, – сказала Айге.

Через высокий порог, убирая за пояс войлочный столбунок и чуть не с каждым шагом бледнея, в повалушу проник неприметной внешности середович. Пегая борода, пегие волосы, латаный обиванец... Как есть слуга в небольшом, хотя и крепком хозяйстве. Ступал он бочком, рука всё ныряла за пазуху, словно там хранилось сокровище несметной цены.

Зоркие игроки тотчас разглядели влезшего в избу.

– Прячь калитки, ребята! Серьга отыгрываться пришёл!

Ученик, сидевший подле наставника, чуть не рассмеялся заодно с кметями:

– А глядит, как тухлое съел и задка со вчерашнего не покидал...

– Не удивлюсь, если вправду не покидал, – сказал Ветер.

Томление бездействия сбежало с него, взгляд стал хищным. Глядя на источника, подобрались и парни.

Мужичонка по-прежнему боком приблизился к столу, словно до последнего борясь с погибельной тягой, но тут его взяли под руки, стали трепать по спине и тесней сдвинулись на скамье, освобождая местечко.

– Удачными, – обращаясь к ученикам, пробормотал Ветер, – вас я сделать не властен. А вот удачными... умеющими привести на службу Владычице и удачу мирянина, и его неудачу...

Игра за столом оживилась участием новичка. В прошлые дни Серьга оказал себя игроком не особенно денежным, но забавным. Стоило поглядеть, как он развязывал мошну и вытаскивал монету, которую, кажется, удерживала внутри вся тяга земная. Долго грел в ладони, словно что-то загадывая... потом выложил на стол. Когда иссякли шуточки по поводу небогатого кона, в скоблённые доски снова стукнули кости. Пять кубиков подскакивали и катились. Игроки в очередь вершили по три броска; главней всего были гусли, вторыми по старшинству считались мечи. Когда сочлись, Серьга из бледного стал совсем восковым. Его монета, выдавший виды медяк с изображением чайки, заскользила через стол к везучему ялмаковичу.

Лишень-Раз вдруг поднял руку – трезвый, несмотря на всё выпитое. Низкий голос легко покрыл шум кружала.

– Не зарься, брат! Займи ему, с выигрыша отдаст. А проиграется, всё корысть невелика.

Взятое в игре так же свято, как боевая добыча, но слово вождя святей. Мятая Рожа рассмеялся, бросил денежку обратно. Серьга благодарно поймал её, поняв случившееся как знак: вот теперь-то счастье должно наконец его осенить!

Стукнуло, брякнуло... Раз, другой, третий... Словно чьё-то злое дыхание поворачивало кости для Серьги кверху самыми малопочтенными знаками: луками да шеломами. Медная чайка снова упорхнула на тот край. Серьга низко опустил голову. Если он ждал повторного вмешательства воеводы, то зря. Ялмак не зря носил своё прозвище. А вот ялмаковичу забава полюбилась. Монетка, пущенная волчком, вдругорядь прикатилась обратно. Серьга жадно схватил её...

– Бороду сивую нажил, а ума ни на грош, – прошипел Ветер.

...и проиграл уже бесповоротно. Дважды прощают, по третьему карают! Витязь нахмурился и опустил денежку в кошель.

Ближний ученик Ветра что-то прикинул в уме:

– Учитель... Ему правда, что ли, двух луков до выигрыша не хватило? Обидно...

Ветер молча кивнул. Он смотрел на игроков.

Серьгу у стола сочувственно хлопали по плечу:

– Ступай уж, будет с тебя. И обиванец свой в кон вовсе не думай, застынешь путём!

Серьга, однако, уходить не спешил. Он медленно покачал головой, воздел палец, двигаясь, словно вправду замёрзший до полусмерти. Рука дёрнулась туда-обратно... нырнула всё же за пазуху... вытащила маленький узелок... Серьга развернул тряпицу на столе, будто не веря, что вправду делает это.

– Как же Ты милостива, Справедливая, – шепнула Айге.

На ветошке мерцала серебряной чернью ветка рябины. Листки – зелёная финифть, какой уже не делали после Беды, ягоды – жаркие самограннички солнечно-алого камня. Запонка в большую сряду красной госпожи, боярыни, а то и царевны! Воины за столом чуть не на плечи лезли друг дружке, рассматривая диковину. Сам Ялмак отставил кружку, пригляделся, протянул руку. Серьга сглотнул, покорно опустил веточку ему на ладонь. Посреди столешницы уже росла горка вещей. Недаровое богатство, кому-то достанется!

Воевода не захотел выяснять, какими правдами попало сокровище к потёртому мужичонке. Лишь посоветовал, возвращая булавку:

– Продай. Сглупишь, если задаром упустишь.

Серьга съёжился под тяжёлым взглядом, но ответил как о решённом:

– Прости, господин... Коли судьба, упусти, а продавать не вели...

Ялмак равнодушно передёрнул плечами, снова взялся за кружку.

И покатились, и застучали кости... На Серьгу страшно стало смотреть. Живые угли за ворот сыпь – ухом не поведёт! И было отчего. Диво дивное! Им с Мятой Рожей всё время шли равные по достоинству знаки. Кмети, уже отставшие от игры, подбадривали поединщиков. Остался последний бросок.

Вот кубиками завладел ялмакович. Коснулся оберега на шее, дунул в кулак, шепнул тайное слово... Метнул. Кмети выдохнули, кто заорал, кто замолотил по столу. Мятой Роже выпало четверо гуслей и меч. Чтобы перебить подобный бросок, требовалось истое чудо.

Серьга, без кровинки в лице, ословелые глаза, принял кости и, тряхнув кое-как, просто высыпал на стол из вялых ладоней.

И небываемое явилось. Четыре кубика быстро замерли... гуслиями кверху. Пятый ещё катился, оказывая то шлем, то щит, то копьё. Вот стал медленнее переваливаться с боку на бок...

...лёг уже было гуслиями... Серьга ахнул, начал раскрывать рот...

...и кубик всё-таки качнулся обратно и упокоился, обратив кверху топор.

Серьга проиграл.

Крыша избы подскочила от крика и еле встала на место, дымное коромысло взялось вихрями. Мятой Роже со всех сторон предлагали конаться ещё, но ему на сегодня испытаний было довольно. Он сразился грудью на выигранное богатство, подгрёб его к себе и застыл. Потом встрепенулся, поднял голову, благодарно уставился на стропила, по-детски заулыбался – и принялся раздавать добычу товарищам, отдавая судьбу. Серьга тупо смотрел, как рябиновая веточка, в участи которой он более не имел слова, блеснула камешками перед волчьей безруквой вождя.

– Спасибо за вразумление, воевода, твоя мудрость, тебе и честь!

Ялмак отхлебнул пива. Усмехнулся:

– На что мне девичья прикраса? Оставь у себя, зазнобушке в мякитишки уложишь.

Воины захохотали, наперебой стали гадать, какой пышности должны оказаться те мякитишки...

Ветер кивнул ближнему ученику:

– Твой черёд. Поглядим, хорошо ли я тебя натерил.

Парень расплылся в предвкушении:

– Учитель, воля твоя!

Обманчиво-неспешно поднялся, выскользнул за порог. Разминулся в дверях с кряжистым мужиком, казавшимся ещё шире в плечах из-за шубы с воротом из собачьих хвостов. Лихарь понурил белобрысую голову, пряча полный ревности взгляд. Айге отломил кусочек лепёшки, обмакнула в подливу.

– И надо было мне тащиться в этакую даль, – шутливо вздохнула она. – Кому нужны скромные умения любодейки, когда у тебя встают на крыло подобные удалцы!

Ветер улыбнулся в ответ:

– Не принижай себя, девичья наставница. Кости могли лечь иначе...

Веселье в кружале шло своим чередом. Витязи цепляли за подолы служанок, хвалили пиво, без скупости подливали Серьге: не журишь, мол, день дню розь, выпадет и тебе счастье. Он кивал, только взгляд был неживой.

Черева у дружинных вмещали очень немало. Обильная выпивка всё равно отзывала наружу то одного, то другого. Мятая Рожа было задремал у стола, но давняя привычка непустила осрамиться. Воин протёр глаза, вынул из-под щеки ставший драгоценным кошель и на вполне твёрдых ногах пошёл за дверь отцедить. Миновал в сенях отроков, занятых торгом, кивнул знакомым коробейникам из Шегардая и Сегды...

Наружная дверь отворилась с мучительным визгом, в лицо сразу ринулись даже не хлопья – сущее крушье, точно с лопаты. Мятая Рожа не пошёл далеко от крыльца. Повернулся к летящей пади спиной, распустил гашник, блаженно вздохнул... Он даже не отметил прикосновения к волосам чего-то чуть более твёрдого, чем упавший с ветви комок. Ну проросла в том комке остренькая ледышка, и что?..

Ялмакович открыл глаза, кажется, всего через мгновение. Стоя на коленях в снегу, тотчас бросил руку за пазуху, проверить, цел ли кошель. Кошель был на месте. Только... только не ощущались сквозь мягкую замшу самогранные ягодки под зубчатыми листками, которые ему уже понравилось холить...

Другой витязь, в свой черёд изгнанный пивом из тепла повалуши, едва не наступил на Мятую Рожу. До неузнаваемости облепленный снегом, тот шарил в сугробе, пытался что-то найти. Боевые побратимы долго рылись вместе, споря, достойно ли во избежание насмешек умолчать о пропаже – либо, наоборот, позвать остальных и раскопать всё до земли.

Серьга волокся заметённой, малохожей тропой, плохо понимая куда. В глазах покачивался невеликий, но тяжёленький ларчик. Доброго старинного дела, из цельной, красивейшей, точно изнутри озарённой сувели... ларчик, ключ от которого посейчас висел у него, Серьги, кругом шеи, гнул в три погиба... Из метельных струй смотрели детские лица. Братец Эрелис и сестрица Эльбиз часто открывали ларец, выкладывали узорочье. Цепочки финифтевых незабудок – на кружевной платок матери. Серебряный венец, перстни с резными печатями – на кольчугу отца.

Он знал, как всё будет. Ужас и непонимание в голосах:

«Дядюшка Серьга... веточку не найти...»

И он пойдёт на поклёп, а что делать, ведь Космохвост за утрату их пальцем не тронет, ему же – голову с плеч.

«А вы, дитятки, верно ли помните, как всё назад складывали?»

И – две горестно сникшие, без вины повинные головёнки...

И – раскалённой спицей насквозь – взгляд жуткого рынды...

И – нельзя больше жить, настолько нельзя, что глаза уже высмотрели над тропой сук покрепче, а руки вперёд ясной мысли взялись распутывать поясок. Длинный, с браным обережным узором, вытканый на бёрде старательными пальчиками, все бы по одному перецеловать: «Носи на доброе здоровье, дядька Серьга...»

– Постой, друже! Умаялся я тебя настигать.

Злосчастный слуга не сразу и понял, что голос прозвучал въяве и что обращаются вправду к нему. Вздрогнул, обернулся, только когда ворот сжали крепкие пальцы.

Незнакомец годился ему в сыновья. Серые смешливые глаза, в бровях застряли снежные клочья, на ногах потрёпанные снегоступы... Серьга успел решить, что нарвался на лиходея, успел жгуче испугаться, а потом обрадоваться смерти, только подивившись: да много ли у него, спустившего хозяйское достояние, надеются отобрать? – но против всякого ожидания человек вложил ему в ладонь маленькое и твёрдое и замкнул руку, приговорив:

– Утрись, не о чем плакать.

Серьга стоял столбом, пытаясь поверить робкому голосу осязания. И таки не поверил. Мало ли что причудится сквозь овчинную рукавицу. Послушно утёрся. Бережно расправил

ладонь... Света, гаснувшего за неизмеримыми сугробами туч, оказалось довольно. Серьга упал на колени, роняя с головы столбунки:

– Милостивец... отец родной...

Всё качалось и плыло. Возвращаться с исподнего света оказалось едва ли не тяжелее последнего безвозвратного шага.

– Встань, друг мой, – сказал Ветер. Нагнулся, без большой надсады поставил Серьгу на ноги. – Мне будет довольно, если ты вернёшь булавку на место и никогда больше не подойдёшь к игрокам, искушающим Правосудную. Служи верно Эрелису и Эльбиз, а я рядом буду... – Он выпустил Серьгу и улыбнулся так, словно вечный век его знал. Собрался уже уходить, но вспомнил, подмигнул: – Да, смотри только, Космохвосту молчи... Он добрый малый, Космохвост, одного жаль, недалёкий. Да что с рынды взять! Никому не верит, не может в толк взять, кто истинные друзья.

Серьга опустил взгляд всего на мгновение – убедиться, что рябиновая гроздь вправду переливается в ладони. Когда он снова поднял глаза, рядом никого не было. Лишь деревья размахивали обломанными ветвями, стена и жалуюсь, точно скопище душ, заблудившихся в междумирье.

Доля первая

Через реку

– Стой, ребятки!

Первым хозяйскому оклику внял пёс. Уселся, задышал, вывалив из пасти язык. Обвис верёвочный потяг, гружёные санки накатили ещё пядь и замерли, не достигнув откинутого хвоста. Потом остановились мальчишки.

– Что, атя? – спросил старший.

Жог смотрел на сыновей, переводя дух. Он торил путь, ломал снегоступами наст. От шерстяной верхней рубахи шёл пар, тёплый кожух вовсе ехал на санках.

Мальчишки, румяные от ходьбы, одинаково опирались на кайки.

– Оглянитесь, – велел отец.

Они стояли на самой середине реки. Позади, за оплывшими нагромождениями торосов, под серым куполом неба высился матёрый северный берег. Отвесные, обросшие ледяными бородами кручи, тянущиеся на множество вёрст. Рослый лес наверху выглядел седоватой щетинкой.

Жог коснулся пальцами снега, кланяясь далёким утёсам:

– Прости, батюшка Коновой Вен.

– Не поминай лихом, – отозвались дети.

Жог невольно улыбнулся, глядя на два лохматых затылка, темноволосый и золотой. Добрые сыновья. Не стыд людям показать.

Когда двинулись дальше, младший догнал отца:

– Атя, дай буду тропить?

Ему было десять лет, он помнил солнце и считал себя взрослым. Он совсем недавно подарил печному огню прядь волос, заплёл косы и привесил к поясу нож, а это обязывало.

Жог кивнул:

– Давай, Светел.

Сын обошёл его, захрустел снегоступами, начал крушить льдистую корку. Жог чмокнул губами, поднимая улёгшегося пса. Зыка послушно вскочил, на потяге звякнули колокольцы. Старший сын, Сквára, лукаво щурил глаза, поглядывая в спину братишке. Не иначе прикидывал, надолго ли того хватит.

Здесь, кажется, было самое морозное место на перегоне между двумя зеленцами. Тело начало остывать. Жог повёл плечами, рукавицей сбил окидь с рубашки, взял из саночек кожух.

Тропить было нелегко. Светел сгоряча положил себе дойти до левого берега, но уже через полверсты засопел, тяжело отдуваясь. Взрослый мужской почёт требовал немаленькой платы.

Ещё через несколько сотен саженей показалось впору просить смены, но Светел всё продолжал тащить пуды, повисшие на ногах. А каждую подними, да не зацепив носком ледяной край. Переставь, навались – и наракуй опять у колена... Светел чуть не плакал, упрямо отказываясь сдаваться. Мимо прохрустел лыжами Сквара:

– Пусти погреться, братище.

И пошёл колоть лапками ледяной череп. Любо-дорого посмотреть, как ставил ноги. Светел завистливо вздохнул, сваливаясь назад. Это ж Сквара. Его на лыжах уморить мог только отец, и то с натугой.

Жог посмотрел, как проворно мелькают заплатки на кожаных штанах старшего сына. Ближе к зеленцу надо будет парню напомнить, чтобы натянул новые. А то ввалится во двор каков есть, сраму не оберёшься.

Обрывы Конового Вена помалу отодвигались, истаявали, пропадали в тумане. Трое походников рассчитывали вновь поклониться им дней через пять-семь.

Левый берег Светыни был низменным. За невысокой грядой лежали топи, торфяники и заболоченные озёра. Прежде здесь были шумные птичьи угодья. То кликуны присядут на отдых, то утки птенцов выведут. Дальше начинались отлогие холмы, поросшие лесом, но во время Беды лес сгорел, подожжённый упавшим сверху огнём. Теперь до самого окоёма простирался бедовник. Зимой, в крепкий мороз, по снежной пустоши славно бежалось бы на больших лыжах. Сейчас стояла середина лета, самые долгие дни.

– Атя, а дядька Подстёга придет? – спросил Светел, когда остановились передохнуть и отец начал стружить рыбу. – С тёткой Дузей и... ну...

Он досадливо притопнул обутой в лапку ногой. Имя сверстника, виденного полтора года назад, ускользло из памяти.

– Ознобишей, – подсказал Сквара.

– Я помнил!

– Приедут, – кивнул Жог. – Захотят же узнать, как там Ивень.

Светел спросил:

– Вдруг Ивень сам с котлярами пожалует? Свидеться?

– А позволят? – пробормотал Сквара. – Им там, люди сказывают, велят родню позабыть...

«Мало ли что велят!» – хотел возразить Светел, но такие слова с набитым ртом не говорят. Он принялся торопливо жевать. Зубы тотчас заломило от холода. Вот что получается, когда жадничаешь и неправильно ешь.

– Ты за восемь лет позабыл бы? – спросил Жог.

Сквара помолчал, негромко ответил:

– Ни за что.

«А Лыкасик? – подумал Светел. – Забудет своих?..»

Отец покачал головой:

– Люди разное бают о том, что с увядшими становится. Может, и не врут, что они мать родную потом идут убивать.

Светел наконец проглотил рыбу, но хвалиться памятью стало вроде незачем. Он нахмурился, сказал другое:

– Праведные цари не посылали матерей губить.

Жог тоже свёл брови, но по другой причине.

– Ты вот что, – строго напомнил он младшему. – Как придём, смотри, поменьше болтай. И в мыльню с чужими не соблазняйся!

Светел опустил голову, уронил золотые вихры на глаза:

– Не соблазнюсь, атя.

На самом деле за время дороги отец успел повторить наставление семьдесят семь раз. Всё знал младшего бессмысленным дитяtkом, неспособным усвоить сказанное однажды.

– А ты присмотри, – велел Жог старшему.

– Присмотрю, атя, – пообещал Сквара и взъерошил голову брату.

Сам он выглядел настолько близким подобием отца, насколько вообще это возможно. Только пока не вытянулся в рост и не нажил надо лбом серебряных прядей. Ничего: зато видно, каков станет красавец. Если доживёт, подобно Жогу Пеньку, до тридцати восьми лет.

– Не всех в воинское обучение берут, – сказал он больше затем, чтобы подбодрить младшего брата. – Да что впусте гадать. Вот придём, сами увидим.

Светел долго молчал, потом перестал хмуриться, спросил:

– А как думаешь, тётка Дузя пряничков напекла?..

У всякой матери болит сердце о детях. Даже если сама она уплывает в печальное белое небытие.

Когда случилась Беда, тяжело раненная Мать Земля напрягла последние силы – и населённая твердь растворилась множеством живородных ключей. Эти кипуны и теперь били сквозь погребальные пелены снега, источая вар, согретый сердцем глубин. Ключища, особенно крупные, собирали кругом себя всякую жизнь, звериную и людскую. В первый год после Беды целые деревни переползали ближе к теплу. Люди разбирали вековые избы, бревно за бревном везли на новое место. Теперь жизнь вошла в русло, худо-бедно наладилась.

То, что в Левобережье опять наехали котляры, иные толковали как верный знак возвращения спокойных, мирных времён. Кому был черёд собирать в дальний путь сына, гордились, устраивали веселье. Гнездари созывали в гости родню, ближнюю и не очень. Приглашали друзей. Даже дикомытов с правого берега.

Походники собирались заночевать в небольшом, удачно расположенном зеленце меж холмов. Родники здесь были несильные, жилую весь с банями и зелёными прудами вытянуть не могли. А вот хорошая зимовьюшка в распадке стояла. Как раз до утра переждать странствующему человеку. С печкой и запасом дров, который совестливый гость обязательно возобновит перед тем, как на прощание поклониться порогу.

Уже падали сумерки, иначе над чащей виднелись бы завитки пара. Лес, уцелевший со времени Беды, начинался двумя большими ёлками. Они стояли рядом, трогая одна другую ветвями. Не поймёшь, из одного корня растут или из разных: место, где ствол проникал землю, таилось под пятью аршинами снега.

– Смотри! – сказал Сквара младшему брату. – Как есть мы с тобой!

Жог улыбнулся. Идти до зимовья оставалось не более полутора вёрст.

Светел обернулся к отцу:

– А вдруг дядька Дёждик вперёд нас прошёл?..

Ответил Сквара, чья очередь была прокладывать путь:

– Может, как раз встретимся, – сказал он, поглядывая на лес.

Свет быстро уходил с неба, но путники вступили в длинный ложок, и Сквара высмотрел под деревьями чужую ступень. Светел вымотался уже до того, что думал только о лежаке под кровом избушки, но при этих словах у него разом прибавило сил. Он живо догнал старшего брата, потом даже выскочил вперёд прямо по целине. Склонился над следами, с торжеством выпрямился:

– Подстёгины лапки! И тёткины, и...

– Ознобишины, – ехидно встрял Сквара.

Светел гневно повторил:

– И Ознобишины!

Однако держать сердце на брата долго не мог. Оба расхохотались.

Может, где-то витали лыжные делатели получше Жога Пенька, но здесь про них не слышали. Люди снаряжались издалека, чтобы купить у него быстрые лыжи для торных дорог или охотничьи лапки. Сыновья уже помогали Пеньку плести снегоступы, а следы узнавали едва не лучше отца.

Потом Сквара потянул носом воздух, удивился:

– Ступень утренняя, а дымом не пахнет.

– Может, сразу дальше пустились? – предположил Светел. – Там всего ничего...

– Может, и пустились, – сказал Жог. – Вы вот что, оба, тишкните.

Зыка в упряжке вдруг заворчал, насторожил уши. Жог остановился, глядя вперёд. Потом нагнулся к саням, вытащил свой лук и надел тетиву. Повесил на правое бедро тул, открыл

берестяную крышку. Сумерки сделали цветные перья одинаково серыми, но Жог и ощупью знал, где какая стрела.

Он отстегнул потяг и поставил сыновей тащить санки, а сам взял Зыку, вышел вперёд.

Левобережье – это не своя чаша. Дома по окликам птиц, по дальнему вою можно определить, где в лесу человек. И даже иногда – кто таков. Здесь всё не то, всё не так. Здесь никакая предосторожность не помешает.

У последней горки перед зимовьем ворчание кобеля перешло в глухой рык, злой и угрюмый. Жог потянулся за стрелой, но убрал руку. Врагов впереди не было. Только чувство беды, осязаемо плотное, как запах. Походники молча, скорым шагом одолели последний подъём.

Тёплые ключи журчали и булькали, вызванивая свою мирную песенку. Над кипуном, одевая инеем сосны, вихрился густой пар. Больше ничего мирного на поляне не было. Между родниками и приоткрытой дверью зимовья чистый снег обтаял и потемнел. Посреди лужи, раскинув руки и ноги, белело наготой женское тело.

Сверху к нему бесстыдно и властно приникло тело мужчины.

Деждик Подстёга и его жена Дузя.

Остолбеневший Жог узнал старинных друзей и успел дико подумать, с чего это они взялись «играть» не у печки, а в холодном снегу. Ему понадобилось мгновение, чтобы понять: супруги не двигаются.

– Тётя Дузя... – заикаясь, выговорил Светел.

Все трое живо скатились с горки. Ещё на что-то надеясь, побежали к Подстёгам. Надеяться оказалось поздно. Тела уже остывали. Кто-то, очень лихо управлявшийся с самострелом, всадил меткий болт Деждику под лопатку. Потом добил ударом копья, точно лося на охоте. Женщине досталось в сердце ножом. С обоих спорили одежду и бросили в снег, как на брачное ложе.

Вот и все пряники...

Между прочим, санки с подарками, почти такие же, как у Пеньков, стояли под стеной избушки совершенно нетронутые. Кто-то глумливо помочился на них, а полсть даже не взрезал. Этот кто-то пришёл не разбой творить – убивать и желал всем послать про то весть. Один упряжной пёс лежал у полозьев, второй, похоже, вскинулся на врагов. Самострельный болт отбросил его, пригвоздил к брёвнам. Там он и висел, распахнув пасть в оскале последней ярости.

– Ознобиша!.. – позвал Сквара вполкрика.

Он помнил: младший сын Подстёги нрава был не отчаянного. А ну влез с перепугу на ёлку да так там и мёрзнет, не смея спуститься?..

Никто не откликнулся.

Ознобиши не оказалось ни в избушке под лежаком, ни на крыше, ни где-нибудь за наледями.

Жог высек огня. Не для костра, не для печки – какая тут печка! Растеплил свечу, забранную стёклышком походного светильничка. Сквара, лучший следопыт, низко пригнулся к земле.

Пенёк первым придумал ковать лапки ледоходными шипами, чтобы на косогорах, до блеска выглаженных ветром, не скользила нога. Он же взялся устраивать в плетёнке отверстие под носком валенка, чтобы свободнее качалась ступня. На снегоступах убийц не было ни шипов, ни отверстий. Четверо явились издалека.

Один вершил расправу, второй наблюдал, стоя у окраинных сосен. Может, держал самострел наготове, но тетиву не спускал. Двое других ещё прежде убийства свели прочь Ознобишу. Малец уходил оглядываясь, правда, бежать не пытался и подавно в драку не лез. Сделав дело, первые двое тоже ушли.

Тут вспомнишь, чем бабка в детстве страшила. Левый берег левый и есть, чего здесь доброго ждать!

Жог с сыновьями долбили мёрзлый снег складными лопатками, взятыми из саней. Светел трясся и кусал губы, но не хныкал. Семь лет назад он уже видел смерть. Очень близкую. Очень страшную. Такую, что не сразу выдумаешь страшней.

Дно ледяной ямы застелили одеждой, собранной на поляне.

На полсти, взятой в избушке, перетащили Деждика.

Уложили рядом жену.

Скутали той же полстью беззащитную наготу.

Пепельные женские косы в узорных лентах замужества, растрёпанные, набрякшие кровью... Лицо мужчины, казавшееся сосредоточенным и спокойным...

Потом долго носили из ключища мокрые камни, выворачивая какие потяжелей.

Может, доберутся горностаи и вездесущие мыши. Но не росوماхи с волками. А медведей здесь давно никто не видал. Это временная могила. Вот кончится праздник, уедет с котлярами Лыкастик, тогда и можно будет сложить Подстёгам честный погребальный костёр...

Сквара что-то бормотал насчёт того, чтобы пройти по следам и выручить Ознобишу, но сам понимал: пустошное мелет. Похитчики были воинами, наторевшими убивать. Куда против них лыжному делателю с двоими мальчишками. Только самим сгинуть, чтобы Подстёгам не скучно было одним на Звёздном Мосту.

Кончив тягостный труд, походники уже не чуяли ни рук, ни ног. А ничего не поделаешь, пришлось вновь завязывать путца и уходить. Не здесь же ночевать, у осквернённых смертью ключей.

Сквара повёл младшего к санкам:

– Садись, я толкать буду.

Светел в ответ то ли заскулил, то ли зарычал. Отпихнул брата, пошёл сам. Жог молча тропил.

Они-то радовались готовому следу, они-то ждали встречи, тёплого ночлега и разговоров, а утром – весёлого, с прибаутками, совсем не тяжёлого последнего перехода...

Ведать бы заранее, как всё обернётся.

А и ведали бы, что толку?..

Жог беспощадно гнал ещё не меньше трёх вёрст. Сквара временами сменял отца. Светел тоже пытался, но не выстаивал долго.

Наконец Пенёк воткнул посох в снег.

Взялся было за рыбу, но оставил. Ни у кого горло не принимало.

Сквара молча покормил пса. Наконец улеглись.

Повозились в просторных кожах, утянули руки из меховых рукавов. Заправили внутрь мягкие куколи: и ворот замкнут, и подушка готова. Так и свернулись на снегу возле саней, словно в спальных мешках.

Всё как в прежние ночи, да немного не так. Мальчишки сразу заснули, Жог остался стеречь.

И не только затем, чтобы никто не проспал погибельного онемения.

У Рыжика была мягкая-мягкая шёрстка: щенячий пух, ещё не проросший жёсткой щетиной. И несоразмерные, неуклюжие крылья с нежными перепонками. Мальчи кувыркалися в тёплом песке, ёрзал вверх пузом. Аодх всё боялся, не повредил бы хрупкие крылья. Друзья только учились внятно беседовать, но мальчик ощущал весёлое удивление щенка. Ты же, мол, не боишься пальцы сломать, когда за ухом чешешь?..

Взрослые сука и кобель кружили высоко в небе: что-то вдалеке привлекло их внимание. Синими-синими были глубокие небеса в россыпи стоячих кучевых облаков...

Смотреть бы в них и смотреть, пока возможность была.

Солнце вдруг померкло. Гранитные скалы за лукоморьем из красных сделали чёрными. Издали, стелясь по земле, ударили чудовищные лучи багрового, огнистого света. Сплохи, застревавшие на зубцах крепостных башен, испускала великая туча, внезапно вставшая у небоската. С берега моря она казалась мелко-бугристой, как туго завитое руно, но некоторым образом даже издали ощущалась неимоверная сила, ворочавшаяся внутри. У тучи не было макушки. Она уходила куда-то в небо – сквозь небо – на непредставимую высоту, прямо туда, где по ночам горят звёзды. Дымный, чуть выгнутый хвост истаявал вдали не оттого, что рассеивался, просто в те горние сферы глаз человеческий уже проникнуть не мог. Низ тучи понемногу начинал оплывать... Растекаться на стороны, заполнять оком, набухать кровавым свечением... Медленно-медленно валиться прямо на город...

Пасть матери сомкнулась на загривке щенка. Кобель схватил за рубашку маленького Аодха. Громадные крылья с неистовой яростью гребли под себя воздух. Симураны пытались разминуться со смертью, стремительно мчавшейся на Фойрег.

Они были уже высоко, так высоко, что недоставало воздуха ни для дыхания, ни на опору крыльям, когда палящая туча надела на город. Она клубилась и текла по земле, столь плотная, что куски холмов плыли и кувыркались в ней, точно поплавки в бурной реке. Огненное дыхание испепеляло всё сущее. И лес на корню, и брёвна стен, и живую плоть. Попадавшееся на пути даже не вспыхивало – испарялось бесследно, лёгкими хлопьями, подлетевшими к кузнечному горну...

Туча прокатилась над Фойрегом, и Фойрег перестал быть. Остались завалы мёртвого пепла, насухо выкипевшая гавань да кое-где каменные, точно облизанные, багрово светившиеся подклеты домов. Небо над останками города дрожало от непредставимого жара. Жар достиг высоты, где уходили прочь два симурана, и опалил им шерсть, но симураны продолжали лететь...

Кобель в последний миг успел прикрыть собой подругу и обоих детей. Полуослепший от незримого пламени, уже понимая, что гибнет, он не сдавался. Несколькими бешеными взмахами сумел нагнать суку и опустить трёхлетнего Аодха ей на спину. Тот сразу вцепился, вжался всем телом в опалённую гриву. Подтянул к себе Рыжика, вынутаго из материнских зубов... Какое-то время кобель ещё держался внизу, принимая на себя волну за волной смертельного жара. Потом перепонки на его крыльях пошли кровавыми волдырями и почернели. Он стал проваливаться вниз, вниз, вниз, в раскалённое небытие. А ещё через несколько невыносимых мгновений израненную суку подхватил и спас могучий поток ледяного сивера, пытавшегося противостоять вселенской Бед...

Светел ощутил падение в жуткую бездну и проснулся, дрыгнув ногами.

Ночная темень уже синела, понемногу рассеиваясь. Сквара сидел на санях и щипал себя, чтобы не падала на грудь голова. Рядом, вытянувшись в снегу, спал отец.

Его третий отец после спасителя-симурана и седого величественного человека, носившего в волосах каменную звезду.

Светел широко раскрыл глаза, стал смотреть на Жога и Сквару. Так, словно у него ещё и этих прямо сейчас хотели отнять.

«Надо было небом любоваться, пока оно не исчезло. И Ознобиша, родителей обнимая, небось знать не знал, что больше не доведётся. А я о чём думал, когда атя сказал кланяться Вену?.. Вот возьмут налетят... с самострелами... тоже за тридцать земель в неволю сведут... буду вспоминать, как последний раз оглянулся. Как на маму серчал, что за валами при всех, точно маленького, гладила по головке...»

Со вчерашних казней жаловалось всё тело, но сон рассеялся без следа. Сквара заметил взгляд младшего, подобрался к нему, обогнув санки. Спросил шёпотом:

– Опять приснилось, братище?

Светел со всхлипом втянул воздух.

– Я не попрощался... – кое-как выговорил он. – Перед Бедой...

И потянул носом, отчаянно стиснув зубы.

Сквара обнял его. Он был на два года старше. Светелу временами казалось, что вдвое.

– Никто тогда не успел.

Светел не выдержал, вцепился в него, ткнулся лбом в грудь. Он очень хотел рассказать Скваре, что хуже смерти боится потерять его, атю и маму. И ещё, что станет лекарем и будет всех лечить, чтобы подольше не умирали. Много чего хотел сказать, только слова наружу не шли.

Сквара легонько встряхнул его, нагнулся к уху:

– Брат за брата, встань с колен...

– И не надо каменных стен, – проглотив горячий комок, так же тихо шепнул в ответ Светел.

Это были их особенные, заветные слова, оклик и отклик, зов и отзыв. Светел как-то сразу понял, что всё будет хорошо.

Сквара стащил с левой руки варежку:

– На вот, лекарь, попользуй.

Светел схватил его руку своими двумя и некоторое время гладил и грел. На указательном пальце не гнулся последний сустав. Сквара не шутя уверял: без «братища» весь перст так и отсох бы. Светел подозревал про себя, что мать была права и лекарь из него никудышный, ведь сгиб так и не заработал.

Поднявшись, Опёнки стали потихоньку начинать день. Сквара тонким лезвием снял кожу с мёрзлого шокурового бока, поставил рыбину головой на чистую доску и ловко взялся стружить. Подошёл Зыка, уселся в сторонке. Стал глядеть несатыми глазами, до того умильно облизываясь, что, конечно, получил кусочек на пробу. Светел тщательно размял зелёный ком горлодёра. Чеснок на Коновом Вене давно уже не вызревал, но мать и бабушка умели так квасить мох с водорослями из тёплых прудов, что люди узнавали истовый чесночный запах и вкус. Даже хвори зелёный чеснок отгонял настолько же люто.

Всё приготовив, разбудили Жога.

– Ешь, атя, – сказал Сквара.

Придвинул отцу горку самых жирных и лакомых стружек: с горба и пупка. Они не просто вкусны. Они дают силу тому, кто себя трудит больше других.

Пенёк хмыкнул в бороду. Однако угощение взял.

Рыбью шкурку и кости с кишками оставили на снегу, зверям здешнего Лешего.

Надели на пса шлейку-алык, так и не высушенную в зимовье. Пристегнули потяг, двинулись дальше.

Ледяной череп, прихваченный ночным морозом, был сущие кары. Светел сразу вышел тропить. Ему тоже досталось немного шокурового жира, добрый вкус ещё держался во рту. Мать перед походом всё шпыняла Сквару, наказывала, чтобы в дороге младшенького не обидел: вот, мол, ужо я тебе!.. Сквара улыбался, молчал...

Аодх тогда ещё дичился в новой семье. Он совсем не знал языка и трудно привыкал к чужому имени: Светел. Так хвалили его Пеньки, не надеявшиеся правильно выговорить андархское рекло мальчишки. Золотоголовый, золотоглазый приёмши таился в углу, обхватив руками колени. Вздрагивал от громкого голоса. Живмя жил в избе, не шёл даже во двор. Всё боялся, вдруг небо снова падать начнёт.

Сквара показывал ему игрушечный лук, но он ёжился и прятал лицо.

Когда все разошлись, Аодх начал оглядываться. Почти сразу заметил под сыпучой, возле самой божницы, одну из немногих покупных вещей в избе, выставленную на погляд. Красивую голубую чашу с тонкими стенками, сквозистыми на просвет.

Дома было много таких чаш... И не только таких...

Захотелось прикоснуться, погладить. Попросить чуда о возвращении неворотимого... Мальчик влез на лавку, как мог вытянул руку, поднимаясь на цыпочки. Достал наконец... Движение вышло неуклюжим. Посудина закачалась. Словно бы потопталась на полице – и обманчиво медленно опрокинулась вниз. Аодх не успел её подхватить.

Чаши фойрегского дела не зря славились прочностью. Она, может, и уцелела бы, угодив на берестяной пол, на толстые половики. Но конечно, должно было случиться как есть худшее. Чаша попала на твёрдый край лавки и с коротким звоном распалась на две почти равные доли.

Аодх смотрел на них, придавленный немым ужасом. Вот всё и пропало. Сгнуло насовсем. Расточилось...

В это время из сеней в дверь сунулся родительский сын, Сквара. Аодх немного побаивался его, такого сильного, уверенного и... диковатого, что ли, если с бывшими сверстниками равнять. Сквара увидел, что произошло. Быстро глянул на приёмышу, взял обломок чаши. Выскочил вон.

Почти тотчас снаружи донёсся сердитый крик матери.

Сейчас войдёт, схватит винного и...

Аодх, приученный, что справедливой кары не бегают, зачем-то поднял другую половинку чаши, бросился через порог.

Мать, красная от досады и гнева, голосила на весь двор, таская за ухо Сквару. Тот кривился, прыгал с ноги на ногу, но вырываться не смел.

Аодх невнятно вскрикнул, побежал к ним. Он заливался слезами, показывал осколок и тыкал себя пальцами в грудь. Вот, вот я, казните!

Мать обернулась. Тут же всё поняла. Выпустила намятое ухо, обняла сразу обоих и тоежь расплакалась.

Отец выглядывал из ремесленной, держа в руках заготовку для снегоступа. Дедушка закрывал утиный хлевок...

Поздно вечером, когда все улеглись и затихли, Аодх пригрелся под боком у старшего брата. И впервые за долгое время уснул спокойно и крепко.

Он ещё не умел понять: как того ни желей, минувшее не вернётся. Клади новое начало на пепелище бывшего – вот единственный путь.

Чашу отец склеил яичным белком. Она и теперь отсвечивала голубыми боками, красуясь рядом с божницей. Пеньки в шутку называли её братиной...

В гостях

Зеленец, куда вёз подарки Пенёк, назывался просто и хорошо: Житая Ростоць. Сразу видишь сильное ключище, занятое богатой, крепкой семьёй. Там, где тёплое дыхание вара давало бой многолетней зиме, туман клубился стеной. Сероватые клубы неспешно ползли вверх, утекая в низкие облака.

– Светелко, – окликнул Жог.

Он даже остановился. Светел подбежал, с готовностью кивнул:

– Не пойду в мыльню с ними, атя.

– И ты, Скварко, – продолжал отец. – Воробьи машисто живут, лакомо, не нам верста. Могут ласково принять, но и загордовать могут...

– Звигуры, – пробормотал старший, выговорив прозвище хозяев так, как предпочитали они сами, на андархский лад.

– Вот именно, – кивнул Жог. – На вас моя надея, ребятки.

Светел повернулся идти, но всё-таки буркнул:

– Что же в гости звать, чтобы смеяться потом.

Жог несильно шлёпнул его концом кайка пониже спины:

– А ты, как придём, покрепче молчи. Особенно когда котляры наедут. И леворучье своё, смотри, не очень оказывай.

Глаза у Светела стали круглые.

– Не то заберут?..

Сквара нахмурился:

– Мы им так заберём...

Брови у него были длинные и прямые, гладкие у висков и пушистые к переносью. Оттого хмурился он грозно, по-взрослому. Светел привычно и крепко надеялся на заступу старшего брата, но в этот раз вдруг подумалось: «Ознобише, поди, тоже так сказывали...»

Пенёк твёрдо приговорил:

– Горшок котлу не товарищ! Мы никогда царям обязаны не были, а нынешним царевичам и подавно. Ни мехами, ни кровью. И сирот, чтобы котлярам с рук сбывать, у нас не ведётся, не наш это обычай. Просто... Тебя нам вверили, чтобы на Коновом Вене возрос. Вот велик поднимаешься, сам за себя и решишь. А до тех пор зачем людям языками болтать?

Светел кивнул с облегчением. Отец был, по обыкновению, прав.

– Хорошо, атя.

Жог, спохватившись, окликнул:

– Скварко! Штаны новые вздень!

Когда-то давно, когда ещё светило солнце, Берёга Звигур приехал в правобережье на большой торг. Привёз жену Обороху и младшего на ту пору сына. Они уже знали, что судьба Лыкасику – котёл, царская чадь. Мать баловала его, как умела. И допестовалась беды: дитяtko подавилось тестяным шариком, варенным в меду. Женщина растерялась, начала уже выть... Суровая Ергá Корениха, Скварина бабушка, перехватила у неё малыша. Да так ловко тряхнула, что шарик выкатился наземь.

После оказалось, что Воробей доводился кровником Деждику, давнему другу Пенька.

С тех пор левобережная семья водилась с правобережной. Съезжались, правда, хорошо если раз в год, если у кого-то опять ладили торг.

Походников заметили издалека. В тыне распахнулись ворота, Берёга Воробей сам вышел навстречу.

– Здорово в избу, – как подобало, приветствовал его Пенёк.

– Поди пожалуй! – ответил Берёга.

Они обнялись.

Тёплый воздух целовал щёки. В кожихах понемногу делалось жарко. Братья Опёнки смиренно стояли у саночек. Утишали Зыку, чувашшего других кобелей. Зыка, сердитый не только в труде, нёс хвост копьём. У себя расправу держал – и здесь утвердится, если задирать станут.

Народу во дворе было полным-полно. Из-за спин хозяев и гостей любопытно выглядывали чернавки.

Глаза разбегались от обилия чужих лиц, но Лыкаша Светел высмотрел и узнал сразу. Тот, ровесник Скваре, выглядел крепким, гладким, холёным. Не диво. Сколько помнил Светел, Обореха всё вздыхала, глядя на сына, всё подкладывала ему кусочки послаще. В чужой, мол, сторонushке кто же сироте поднесёт?.. Небось совсем окормышем стал бы, но в котёл таких не берут.

Хозяйка тоже выбежала во двор. Упыхавшаяся, с набрякшими веками. Звигурова земля была добрая, кругом дома ни снега, ни грязи, бросай валенки, радуйся босиком. Так ведь нет. С голыми пятками шастали одни чернавки. Хозяйка, понятно, первая выхвалялась достатком. Даже у хлбпота стояла в красных сапожках.

– Будь здорова, как вода, тётянька Обореха, – вежливо поклонились Сквара и Светел. – Будь богата, как земля, плодovита, как свинья!

Она что-то ответила, махнула рукой.

Светел толкнул локтем брата:

– Мука! Настоящая...

По вышитому запонцу тётки Оборехи в самом деле рассыпалась многоценная привозная мука. Ничего не жаль ради прощального почестного пира! Будут небось на столе правские блины с пирогами, а повезёт – и горячие белые калачи...

Светел проглотил слюну. Дома размалывали клубни болотника, высушенные в печи, а настоящей муки давным-давно не видали.

Мать посунула Воробыша вперёд: иди поздоровайся.

– А Подстёги разве не с вами? – спросил он, толком не отведя черёд расспросам о житье-бытье на Коновом Вене, о малой тётке Жиге-Равдуше и великой тётушке Коренихе.

– Они... – ляпнул было Светел, но вовремя прикусил язык.

– Про них атя скажет, – выручил Сквара.

Отец от самого зимовья наказывал им, чтоб не смели портить Звигурам праздник. Хорошо, Лыкастик ничего не заметил. Кажется, мысли у него скакали белками по дереву. Не успевали ни на чём скучиться. Ещё бы! Котляров ждали всего через день.

– Жалко, – сказал он. – Вот бы пряничков привезли.

Светелу было ещё жальче. Он успел наметать себе совсем другую встречу с Воробышем. Тот с минувшего лета как перемытился. Светел, по обыкновению, примерил увиденное на себя. Возьмёшься перебираться пером, если вся привычная жизнь вот-вот канет и утечёт... Уже послезавтра Лыкашке, чего доброго, даже от домашнего имени отрешиться велят. Страшно, голова вкруг!

И сани с подарками разбирали не так, как представлял Светел, затягивая перед походом шнуры. Думалось, лыжи прославленной Пеньковой работы поплывут по рукам на всеобщее любование, а тётка Обореха примется спрашивать, как поступать с чёрными камешками из плетёного коробка... Настал делу черёд, а Воробыш к саням едва подошёл. На сей раз его сунул в спину отец.

– И не красиво, да спасибо, – всё-таки обиделся Светел, но шёпотом, чтобы только брат слышал.

Рассудительный Сквара пожал плечами и ничего не сказал, хотя обижаться следовало ему. Опрятные звёзды на снегоступах для Лыкашки выплетал именно он.

Правду люди говорят: где естно, там тесно. Народу в Житую Ростоць съехалось столько, что не стало места какое в избах, даже в клетях. Левобережникам хотелось приобщиться к великому делу, взглянуть на андархов, ощутить себя частичками могучей древней державы.

Берёга, вслух каясь, повёл Пеньков в просторный собачник. Надворные ухожи, предназначенные для ездовых собак, стали рядить лишь после Беды. Потому и называли отлично от былых псарен. Внутри было шумно и не очень тепло, зато просторно и чисто.

Пристегнув Зыку, отец поманил хозяина дома в сторонку, стал что-то тихо рассказывать. Звигур ахнул, всплеснул руками. Оглянулся на мальчишек.

– Во двор подите, – сказал им Жог. – Поиграйте.

Снаружи впрямь неслись задорные оклики. Передний двор был полон ребятни: шла игра в «ворона». Хозяйский сын бегал вокруг, взмахивал руками, изображал хищника. Получалось, надо сказать, схоже. Время от времени «ворон», каркая, бросался на стайку малышни, пытался кого-нибудь сцапать. Дети с визгом шарахались, удирая под защиту «клуши» – девочки постарше.

«Курята» обернулись на скрип двери. Лыкасик воспользовался этим и сцапал оплошного. Хватка вышла чересчур злая. Мальчонка трепыхнулся, заныл. Лыкасик его выпустил.

– Ну тебя совсем, хнюня. – И весело позвал: – Скварка! Иди, вороном будешь.

Тот проводил взглядом плачущего «курёнка»:

– Не... Вороном не хочу.

Девочка крикнула задорно, со смехом:

– Тогда клушей иди!

Сквара улыбнулся:

– Это пожалуй.

Звигур закаркал, возобновил ловлю. Светел устроился в углу двора и сразу пожалел, что не взял из саней веретено да кужёнку хорошо выбитой шерсти: на основу, когда бабка с матерью затеют ткать. От непривычной праздности было тревожно. Светел знал себя слишком взрослым, чтобы бегать с малёхами, а «вороном» или «клушей» казалось чуточку боязно. В сторонке посидеть, оно верней будет.

Лыкашу тем временем вовсе перестало спорить в игре. «Клуша» из Сквары получилась, про какую сказывают: за своих цыпят лютый зверь. На «ворона» он вроде и не очень смотрел, но тот всё никак не мог миновать его. А попытался сшибить силой – сам наелся земли.

– Не ворон, воробыш!.. – забила в ладоши девочка, спутавшая, кого собиралась подымать на зубки.

Лыкаш озлился, отбежал, назвал Сквару диким дикомытом и ушёл со двора.

– От гнездаря слышали, – пробормотал Светел, когда тот уже скрылся.

– Мог бы и уступить, – строго сказал Жог, вышедший со Звигуром из собачника. – Его праздник.

Сквара виновато улыбнулся:

– Мог, атя. – Оглянулся на малышей. – Так эти... пискуны. Жалко...

Жог для порядка дал ему подзатыльник и следом за Берёгой поднялся на крыльцо.

– Смотри! – Светел вытянул руку.

С неба раздалось карканье.

Пробив завесу тумана, со стороны леса к усадьбе летел ворон-тоскунья. Не игорочный, взаправский. Большая птица, чёрная с синевато-зелёным отливом по низу тела, высматривала добычу у людского жилья. Блестела умными недобрыми бусинками, хрипло бранилась. А иначе, мол, накаркаю вам смерть!

Незачем вещуну летать через двор, тем паче в праздничный день! Сквара сдёрнул с пояса пращу, выхватил из кармана голыш. Снаряд лёг в кожаное донце, закружился, взмыл.

Ворон кувырнулся в воздухе, испуганный камнем, свистнувшим на расстоянии пяди. Каркнул последний раз, выправился, торопливо захлопал крыльями, уносясь обратно за тын.

Братья было заспорили, где искать голыш. Тут оказалось, что за мальчишками наблюдали не только Жог и Берёга.

– Мазила! – прозвучал насмешливый голос. – В овин с трёх шагов попадёшь?

У входа во двор стоял парень в хорошей суконной свите и таких же штанах. Незнакомец был отменно сложен и выглядел сильным. Светлые волосы убраны со лба и сколоты по-андархски, усы ровно подстрижены, челюсть выбрита. На Коновом Вене таких звали скоблёными рылами и говорили, что у них всей красы – одни скулы да усы. А у этого на левой скуле ещё и краснел недавний шрам, словно кто метил глаз ему выткнуть, да чуток оплошал.

Сквара ответил:

– Я не промазал.

– Так убеди.

Детина казался взрослым. Но не настолько, чтобы почтительно слушать, что он ни скажи.

Сквара хмуро спросил:

– Сам чей будешь?

– Лихарем люди зовут, – не очень понятно отмолвило скоблёное рыло. И вдруг указало на Светела: – Сшиби у него с головы лучинку – поверю.

Сквара пожал плечами:

– Да не верь.

Взял брата за руку и ушёл с ним к Зыке в собачник. Нужно было ещё вынести оставшийся съестной припас в каменный амбар, устроенный на морозе.

– Рано пташка запела, как бы кошка не съела, – хмыкнул вслед Лихарь.

Кошка вправду выскочила под ноги, когда открыли амбарную дверь. Но никого, конечно, не съела, метнулась, удрала к дому. Светел оглянулся за ней. Бывая в гостях, он всегда высматривал кошек. Надеялся увидеть похожую на тех, которых помнил. В его первом доме велась особенная порода – царская дымка. Светел нигде больше не встречал такой шерсти. Туманно-таинственно-голубой, как предрассветная мгла над морем. Люди гордились, если им дарили котёнка...

Здесьняя кошка была, конечно, вовсе иная. Простенькая серо-полосатая с белыми опрятными лапками. Светела удивило другое. Она не подошла познакомиться, сразу порскнула прочь.

– Ну его, Лихаря этого! – сказал он Скваре, когда шли обратно. – Сам мазила!

Старший брат удивился:

– Ты что, обиделся?

Глаза колют только правда с полуправдой. Полная чушь не обижает, она смешит.

Из тумана высунулась чернавка. Кошка с разбегу прыгнула ей на грудь. Девушка обняла любимицу, унесла в зеленец.

Добраться до веретён снова не удалось. Во дворе на братьев Опёнков наскочила молодая Лыкашкина тётка с лубяным коробом в руках:

– В клеть волоките!

Сквара принял короб. Светел подхватил с другого конца.

– В которую?

Женщина указала рукой и сразу исчезла.

Кажется, последние дни в эту клеть без разбора сваливали всё подряд: пусть лежит пока, там видно будет. В том числе – привезённые гостями подарки. Светел сразу рассмотрел дивные беговые лыжи. Он следил, как отец гнул их в станке, помогал обшивать камысами. Одна лыжа косо торчала из-за сундуков, вторая лежала на полу, придавленная большой кадкой, распор подевался неизвестно куда. Лапок совсем не было видно, зато плетёнка с чёрными камнями опрокинулась и раскрылась, целебные самородки высыпались на пол. Братья поставили короб. Светел присел на корточки, стал собирать знакомые камешки.

Сквара присмотрелся к очень красивой корзине, сплетённой из соснового корня.

– Матери бы такую, – сказал он. – И бабушке понравилась бы... Вернёмся, надерём?

Корень для плетения теперь добыть было проще, чем лозу. Вётлы почти не росли, зато беговников – на каждом шагу. Другое дело, чтобы управляться с неподатливым корнем, мочь в пальцах требовалась изрядная.

– Эй! – окликнул возникший на пороге Лыкаш. – Глазы ямы, руки грабли! Не трожь, не твоё!

С другой стороны двора пристально наблюдал Лихарь.

Сквара обернулся к брату:

– Пошли.

Хозяйский сын прищурился сквозь потёмки:

– А ты там чего полные жмени набрал?..

Светел так выронил камни, словно горячих углей черпанул.

Воробыш злорадно пообещал:

– Всё батюшке расскажу!

– Беги рассказывай, – кивнул Сквара. – Других дерут, тебе сидеть мягче.

Лыкашка вдруг покраснел, сморщился... действительно убежал.

Братья вышли из клетки. Лыкаш ревмя ревел на заднем крыльце, мать его утешала. Рядом, комкая рукотёр, мялась с ноги на ногу Оборохина сестра, Облуша. При виде правобережников она устремила к ним, замахиваясь ширинкой.

Сквара, шедший впереди, не стал ни уворачиваться, ни заслоняться ладонями. Остановился и лишь прижмурил глаза, чая шлепка. Ему было не привыкать. У матери он тоже выходил всегда во всём виноват.

Наказывать Жогова сына Облуша всё-таки постыдилась.

– Идите-тось, шатуны, повесть к празднику помогайте светлить!

Братья переглянулись. У них дома сказали бы «идите-ка». И не стали бы помыкать детьми гостей, когда свои есть. Ну ладно.

– Пошли, жадобинка моя, ты уж посиди, полежи... – проводил их больной голос хозяйки.

Опёнки бегом кинулись прочь. Хоть заходы скрести, лишь бы долой с глаз.

Вечером, когда затеяли пир, просторная повесть, где прежде хранили на зиму сено, мало не расщелилась по углам. Гости тесно расположились на новеньких, нарочно вытесанных скамьях. Чернавки сбивались с ног. Детвора, своя и приезжая, толклась во дворе. Один Лыкастик сидел среди взрослых, между матерью и отцом. Принимал почести. Думать о нём было чуточку завидно, однако местами меняться не хотелось.

Когда наружу вытаскивали очередное блюдо с обрезками, ребячья сарынь бросалась, несито расхватывала куски. Сквара было сунулся добыть вкусного себе и младшему брату, но вернулся смущённый. Толкаться за еду он не умел. Дома не приучили.

– Как есть дикомыты, – засмеялась чернавушка-полугодница, та, которой на грудь прыгала кошка.

– Эти взяхари, – рассудила другая, постарше. Она уже носила понёву и цветную ленту в косе. – Не дашь – просят, дашь – бросят.

Девки обидно засмеялись, скрываясь за дверью. Унесли за два конца тяжёлый поддон с озерком душистой подливы. У Светела запело в животе. То-то бы славно корки макать...

Он проглотил слюну:

– И ничего мы не бросали!

Сквара нахмурился:

– И не просили.

Кошкина хозяйка вдруг выскочила обратно. Огляделась, торопливо сунула мальчишкам долблённую деревянную мису. В мисе дымилась ячная каша. Правская, не из водорослей! И без скупости сдобренная той самой подливой!..

– Спасибо, красёнушка, – поклонились братья.

– За вкус не берусь, а горяченько да мокренько будет, – хихикнула девушка и снова исчезла.

Опёнки вытащили из поясных кошель дорожные костяные ложки. Светел сперва забылся, взял левой. Потом спохватился, даже глазами по сторонам метнул: не видать ли где Лихаря с его тревожащим любопытством? Тот веселился среди гостей. Сквара, глядя на младшего, фыркнул и, наоборот, переложил ложку в левую руку. Такая у них водилась игра. Опёнки принялись за еду.

Старшая девушка вынесла плошку с высокой стопкой блинов. Она торопилась, но отказать себе в удовольствии оговорить дикомытов всё-таки не смогла. Сквара как раз поднял глаза, и она ему улыбнулась:

– Не ешь масляно, ослепнешь.

Сквара досадливо опустил ложку. Что за радость иным людям гордовать, обижая других? Особенно от кого ответа не ждут?

Довольная чернавка заторопилась дальше, но злой язык не довёл до добра. У самой вострени девушка споткнулась на ровном месте, вскрикнула... не удержала блинов. Упало – пропало! Шустрая ребятня, обжигаясь, мигом всё похватила.

– Здорово ты её, – похвалил Светел.

Сквара моргнул.

– Не, – сказал он. – Я так не умею. – Подумал, рассудил: – Пошли, братище, не то опять кому под руку попадём.

Была уже непроглядная ночь, когда веселье наверху помалу затихло. Вернулся отец.

Сыновья не спали, шушукались, пощипывали сытого и выгулянного Зыку.

Жог обнял мальчишек, притиснул к себе и не стал ничего говорить.

От его рубашки пахло всем тем, что таскали на блюдах чернавки, дыхание отдавало пивом.

Потом он сунул руку за пазуху и вынул калач, припасённый с застолья. Остывший, чуть-чуть помятый... но всё равно настоящий. Сразу пошёл дух, лучше которого не бывает на свете.

– Домой бы сvezти... – вздохнул Сквара.

Калачи, если сразу из горнила да на мороз, ещё не такое путешествие выдержат. Но это коли угостят. А не угостят – не просить стать.

Жог разделил лакомство натрое. Животок с губой – сыновьям, ручку – Зыке. Посмотрел на жующих Опёнков и приговорил, как о решённом:

– Своих напечём, получше.

Скоморохи

На другое утро ещё на брезгу проводили мужчин, снарядившихся к Подстёгам на их стылый погост. Едва они скрылись, как рассвет обратился вспять. С северо-востока, цепляя лесные вершины, выползла непроглядная туча. Она двигалась очень медленно, обещая навсегда накрыть Житую Рostочь.

Во дворе стали шептаться. Многим уже казалось – это внуки Небес вняли Оборохину молению, пытались отогнать котляров. Ну... Совсем их, конечно, не остановишь, но хоть задержать...

Другие не верили шёпотам, потому что летом часто бывают такие ненастья. И даже выюги хуже зимних.

Скоро над зеленцом пошёл дождь. Утоптаный двор сразу размок. Вместе с каплями сквозь купол тумана проваливались сырые липкие хлопья.

В самый разгар непогоды у тына снова поднялась суета. На торной дороге, что тянулась в южную сторону, появились большие крытые сани, запряжённые косматыми оботурами.

У Воробыша аж щёки позеленели. Не иначе котляры? Уже?!

Но это оказались не котляры.

Облоки саней, остановившихся на последнем снегу, был поваплен многими красками. Радость и удивление глазу среди серого да чёрного под вечно пепельным небосводом. На передке кутались в шубы два седых человека. Один – лысеющий середович, второй – белым-белый дединька. Из-за стёганой полсти выглядывала рыжая кудрявая девочка.

– Мы люди почестные, скоморохи проезжие, – громко объявил середович. – Будем петь, гудить, народ веселить.

– Что, сильно играть собрались? – подбоченилась Обороха, вышедшая встречать незваных гостей. – Знаем мы вас, объедов, по чужим застольям шатунов!.. – Подумала, добавила с торжеством: – А и веселье наше вчера было, опоздал ты, потешник!

Она поправляла бисерный пояс, чтобы никто не сомневался в её праве решать. Вымокшие чернавки держали над хозяйкой большую рогожу, сшитую углом. Здесь, за пределами зеленца, крышка быстро тяжелела от снега.

На мордах оботуров таял иней, принесённый с мороза. Из ноздрей вырывались облачка пара.

Скомороший вожак, которого, надо думать, в иных местах ещё не так привечали, ответил с достоинством:

– Играть-то будем, на радость людям, а силком смотреть не заставим, никому хлопот не добавим. Кто добром отблагодарит, тому и спасибо.

– Ладно, заезжай, всё равно тебя и пестом в ступе не утолчёшь, – смилостивилась хозяйка. Но тут же строго предупредила: – Смотри мне, вздумаешь баловать, живо путь покажу.

– Мы люди почестные, – повторил скоморох. – Не ошеулы какие.

Косматые быки влегли в упряжь и, упираясь раздвоенными копытами, потащили сани сквозь туман, на голую землю.

Здесь скоморошню взяли в кольцо ребятишки и молодятник, даже взрослые, кто не ушёл в зимовье.

– Прозываюсь Кербóгой, устал немного, – сказался середович. – Это моя дочка Арéла, всюду поспела, а дедушка у нас Гудím, уж вы поласковой с ним.

Словно желая пояснить своё прозвище, старик вытащил длинную пилу. В его ловких руках она согнулась, задрожала, запела. К тому времени, когда оботуры остановились у тына, мелюзга уже тянула вместе с пилой всем известную песенку, девочка метала из ладони в ладонь

сразу пять раскрашенных колобашек, а Кербога рассказывал мужикам новости, подхваченные в украинских городах Андархайны.

Послушать его, жить там было весело. Наместники бдели вполглаза и оглашали указы, составленные то ли попивая вино, то ли после ссоры с женой. В храмах молились о возвращении небесного света и так говорили про это, словно торгуя небесные сферы за подношения верных. Купцы то по-настоящему смело дрались сквозь дебри одичавшей страны, то стервенели, пытаясь семь шкур содрать за товары, что любому нужны. Воры знай себе плутовали, даже дубинки один у другого крали, потом – корчились под кнутом, проклиная на кровавой кобыле всё, что крадью накопили. Работающий народ, от толмачей до палачей, правил всяк своё ремесло, мздоимцам на зло, с ухмылкой слушал священство и придерживал кошельки.

А ждать ли порядка в стране, если праведный царь с ближним домом пропал в небесном огне, покинув державу отцов на третьестепенных царевичей, занятых грызнёй из-за венцов?

Кербоге внимали жадно, мужчины смеялись, девки повизгивали. Речи скомороха словно приоткрывали дверцу в незнакомый и яркий мир. Там стояли большие города, а в них жили невиданные здесь люди: властолюбивые вельможи, бесстрашные воины, святые жрецы...

Волей-неволей поглядывали на Воробыша. Уже завтра все разъедутся по домам, в обычную жизнь. Необыкновенного мира из рассказов Кербоги причастится только Лыкаш. Назовётся новой ложкой в котле. Получит настоящее андархское имя. Натренируется в умениях, о которых даже не слышали в Левобережье. Таков котёл! Сиротки становятся полководцами, выходят в советники при державноимённым мужам. Может, всего через несколько лет и Лыкашик встанет на службу к кому-нибудь из высокостепенных людей, о ком так складно бает заезжень... И страшно, и завидки берут!

Братья Опёнки стояли поодаль, прижавшись под одной широкой рядниной. Понятно было не всё. Только то, что вечерять из своих припасов странникам навряд ли придётся. Тех, кто веселит народ складными разговорами, да к угощению не позвать?..

Несомненно, потешники были бы рады немедля затеять хоть малое представление, зарабатывая пироги и подарки. Однако непогода разошлась уже так, что начало замечать даже двор.

Лыкашик продержался у скоморошны дольше иных.

– А кочет плясать будет? – спросил он Кербогу.

Братья наострили уши. Они тоже разок видели на торгу, как под звуки дудочки прыгал, кружился, задира лапы петух.

– Нет, – покачал головой Кербога. – Такого не держим.

– Был один, да слопали, пока сюда топали, – засмеялась девчушка.

Северной речью отец с дочерью владели очень неплохо. Хотя на лицо были, как и Гудим, чистые андархи.

– Ну-у... – разочарованно надул губы Воробыш.

Ему хотелось, чтобы на его праздник собралось всё самое дивное и знаменитое, что на свете ведётся.

Когда почти все разошлись, Опёнки наконец подобралась ближе к возку.

– А вы почто? – не слишком ласково повернулся к ним Кербога. Теперь было видно, что он и правда устал. Куда сильнее, чем объявлял вслух. Хорошо, если не всю ночь погонял оботуров, опаздывая на веселье. – Других дел нету, опричь как глазеть?

Сквара вытряхнул забитую снегом ряднину.

– Да мы не глазеть пришли, – сказал он. – Мало ли, с дороги чем пособить... Вы с дедушкой старые, а девка соплива.

Девчонка фыркнула:

– Сам сопуля!

Сквара фыркнул в ответ:

– Не сопуля, а сопливец. Толку не знаешь по-нашему, а туда же, браниться.

Вожак скоморохов прищурился, взгляд был зоркий и пристальный.

– Да вы дикомыты никак? – спросил он затем. – То-то, смотрю, и хижам нипочём! Долго добивались?

– Не, – сказал Сквара. – Две седмицы всего.

– А прозываетесь как?

Сквара ответил гордо:

– Опёнками, лыжного источника сыновьями, Жога Пенька. Меня Скварой хвалят, а его Светелом.

– Братья, что ли? – удивился Кербога. – Вот уж схожи так схожи!.. Прямо близнецы, бровь в бровь, глаз в глаз... Слышь, меньшей, твоя мамка в Андархайне часом не гостевала?

Светел вздрогнул. Сквара нахмурился, дерзко проворчал:

– Мамка дома сидела. А вот отец, случалось, гостил.

Он не по всякому поводу открывал рот, но, если уж открывал, мало никому не казалось.

Кербога так хлопнул себя по бедру, что с мокрых штанов полетели брызги.

– Тебе, парень, на роду означено глумцом быть! А поехали с нами?

Он настолько легко и весело произнёс эти слова, что невозможное на миг стало возможным.

– Не, – помотал головой Сквара. – Я лыжи буду уставлять, как атя.

«А я – всех лечить», – добавил про себя Светел, но думалось ему совсем про другое. Уехать со скоморохами. Увидеть далёкие города. Побывать в самой что ни есть коренной Андархайне, близ Фойрега. А вдруг где-нибудь там...

«Вот велик поднимусь...»

Кербога же с пробудившимся любопытством разглядывал стоявших перед ним мальчишек. Одинаковыми у братьев были разве только пятна под глазами и на щеках. Покусы мороза, где плещей зимой меховая харя примерзала к живой коже. Старший, худоватый, но сильный, доброго плетева, выглядел истинным северянином. Прямые волосы цвета чёрного свинца, нос с тонкой горбинкой, белая кожа. Глаза под строгими бровями – очень светлые, впрозелень голубые, точно камни верилы. Паренёк был так хорош, что его не портила ни челюсть, немного выдвинутая вперёд, ни даже шрамик в левой брови, отчего та казалась надломленной. Младший... Рыжаком его нельзя было назвать. Однако волнистые кудри вместо обычной желтизны горели дивным огненным золотом: гнездари называли такие волосы рудо-жёлтыми, а дикомыты – жарыми. И глаза были не карие, не ореховые, переливались густым медовым расплавом...

– Эх, ребятёнки, были бы вы постарше годков на пять! – вырвалось у Кербоги. – Я бы нарочно для вас кощуну сложил. Про Бога Грозы и Бога Огня...

– Это как?.. – пискнул младший.

Кербога, не слушая, переводил взгляд с одного на другого:

– Только имена бы вам наоборот... Сквара – это ведь по-вашему «пламя»?

Братья переглянулись. Первое имя Светела тоже означало огонь.

– Отцу с матерью лучше знать, – буркнул Сквара.

Кербога, неожиданно вдохновившись, щёлкнул пальцами:

– А что пять лет ждать? Боги небось не сразу бородатыми родились...

Это он произнёс по-андархски, наполовину намеренно. Маленький правобережник попался. Понял сказанное и не сумел того скрыть. Сообразил свою оплошку, почему-то перепугался.

Старший на него покосился. Выговорил неожиданно правильно:

– Нам ли не разуметь, как молвят великие соседи!

Мокрый снег продолжал сыпаться на головы. Кербога отряхнулся, смешно, почти по-собачьи.

– Вот что, ребятёнки, недосуг болтать! Взялись помогать, помогайте, а нет, не мешайтесь! С оботурами управляться умеете?

Когда братья в надежде поесть сунулись к поварне, доброй девушки нигде не было видно. По счастью, злая чернавка тоже куда-то ушла. Лишь пожилая стряпка беседовала с государыней-печью. Пламя негромко рокотало, облизывая глиняный свод, последняя закладочка дров разваливалась позванивающими углями. Все голоса отдавались под куполом, сливаясь в почти осмысленный ропот. Прозрачный голубоватый дым извергался из устья, чтобы обтечь наверху завёрнутые в мох лопасти мяса. Потом выгибался, падал в крохотное задвижное оконце.

Печь дышала теплом. Даже с порога было видно, что сажа на своде почти вся выгорела. Скоро пламя иссякнет, оставив рдеющую стихию углей. Тогда стряпка скутает печь. Та помалу утихомирится, выстоится, слегка отдохнёт... И хоть опять бросай в неё калачи. А потом сажай гуся, чтобы дошёл к вечеру. И ещё завтра горнило в охотку будет томить кашу, зелья, мясные хрящи... Как не захлебнуться слюной?

Стряпка не глядя взяла длинный ухват, поддела тяжёлый горшок, перенесла на печной верх. Тем же ухватом ловко сдвинула крышку прогара. Говорок печи сразу изменился, окрашиваясь волнением. В дышало прозрачной струёй вырвалось пламя, затрепетали в воздухе искры. Горшок скрежетнул глиной о глину, плотно сел в отверстие, перекрыл выход драгоценному жару. Огонь деловито вздохнул, вновь повёл речи о чём-то домашнем и добром.

Мальчишек с неодолимой силой тянуло к печи.

Они так привыкли к снежным ночёвкам, что счастьем был даже холодный собачник. Хоть ветер не поддувает. И ледяной дождь не начинается среди ночи вмораживать в настыль... А тут!..

Откуда-то выскочила приспешница, сразу сунула братьям по плетёнке для дров:

– Ну-ка живой ногой за поленьями, пендери!

– Ты грейся, – сказал Сквара брату. – Я натаскаю.

Светел надулся, крепко схватил плетёнку, побежал следом за ним. Где дровник, они уже знали.

Таскать пришлось порядочно: не меньше полусажени. Про запас, чтобы вылежались в сухом тепле и горели споро и весело. Когда раскрасневшиеся братья вернулись с последними бременами, в поварне их встретили горькие слёзы.

Добрая девушка, что накануне поднесла им каши, давилась и надрывалась, съёжившись в уголке. Она что-то укачивала на руках. Светел, приглядевшись, заметил серенький хвост.

Братья поставили плетёнки, подошли.

– Дай мне её, – сразу сказал Светел. Протянул руки.

Черनावушка подняла мокрое лицо, оглянувшись, ничего не поняла.

– Дай ему кошку, – сказал Сквара.

Девушка почему-то поверила. Всхлипывая, бережно уступила Светелу любимицу. Светел взял податливое тельце, сел на дрова.

Кошка, изувеченная жестоким пинком, была ещё жива, но огонёк дотлевал. Он слабел и еле держался, грозя изникнуть совсем. Светел потянулся к нему, обнял своим пламенем, ровным и сильным. Тут же вспомнилось, как угасал огонёк дедушки Корня. Светел тоже пытался его удержать, но дедушка был совсем ветхий, а Светел – маленький. Теперь он вырос.

– Ой, мамоньки! – вдруг испугалась стряпка.

Она услышала, как словно бы закашлялась печь. Нагнулась проверить... Увиденное в горниле кому угодно могло дать напужку. Поленья прогорели ещё не вполне, но весёлый рыжий огонь почему-то опал синеватыми язычками. Они едва озаряли свод. Женщина взялась дуть в угли.

Кошкин огонёк перестал меркнуть. Ободренный, обласканный, он заплясал, ухватился, начал уверенно разгораться. Светел улыбнулся и отступил, выпуская его радоваться на воле.

Печь рывкнула. Огонь так и планул в самый свод, даже пыхнул из устья, опалил брови стряпке. Женщина отшатнулась, грузно села на пол, запоздало прикрываясь руками. Сквара бросился поднимать.

Кошка подняла голову, тихо мяукнула, потёрлась мордочкой о ладонь.

– А ты плакала, – сказал Светел чернавушке.

И мысленно поклонился печному огню: «Спасибо, братейко!»

Уже хорошо за полдень вернулись мужики, ходившие на Подстёгин погост. Детвору стало не отогнать от избы, где рассказывали и рядили. Братья Опёнки в толкотню опять не полезли. Была охота слушать докучливое нытьё Лыкаша, раздосадованного, отчего санки с тёти-Дузынными пряничками не привезли.

– Придёт атя, расскажет, – решил Сквара. – Давай опять к скоморохам!

Светел обрадовался. Ему не терпелось ещё посмотреть на девочку, метавшую пёстрые колобаши.

Они только заглянули в собачник. Сквара хотел проведать Зыку и на всякий случай взять из санок куклы, вдруг пригодятся.

Внутри, к своему неудовольствию, братья вновь увидели скоблёное рыло.

Лихарь стоял возле их санок с одним из гостей, приехавшим на большой упряжке. Оба разглядывали Зыку. Близко, впрочем, не подходили, потому что без хозяев кобель знал себя охранником и становился суров.

– Слышь, малый? – обернулся гость к старшему Опёнку. – Может, пустим с Бурым? Всё забава.

– Выводи пса, – поддержал Лихарь. – Как раз снег перестал.

Сквара отмолвил не приветливо:

– Бурый ему лапу прокусит, ты нам санки через Светынь повезёшь?

– А я тебе о чём, Поливан? – обернулся Лихарь к мужчине. – Дикомыты и есть, учтись со старшими не учёны.

Гость покачал головой, не спеша сердиться:

– Малый прав. Это мы с тобой не подумавши разлетелись.

Взял Лихаря за плечо, увёл вон. Братья переглянулись, сели по обе стороны Зыки и долго не решались уйти, словно кто только и ждал без них обидеть его.

– Он чей, Лихарь этот? – тихо спросил Светел. – С кем пришёл?

– Не знаю, – сказал Сквара. – То одних держится, то других... Ладно, братище. Вот проводим завтра Лыкашку, и домой.

В большом шатре, примыкавшем к болочку саней, стучали молотки. Двое парней, заглянувшие помочь, под началом деда Гудима возводили деревянную подвысь.

Лежачие доски нужно было сажать на деревянные гвозди в непременно порядке, чтобы посередине вышел четырёхугольный лаз, только вскочить человеку. В сторонке стояла деревянная западня.

Нужно было видеть, как объяснял Гудим работу парням. Не произносил ни слова, обходился движениями рук и улыбкой. Улыбка у него была очень славная. А руки толковали понятней, чем у иных вышло бы словами.

Светел не сразу, но всё же набрался смелости к нему подойти:

– Дединька, а на что прорубь?

Гудим хитро посмотрел на него... и вдруг зашагал на одном месте, тревожно озираясь, словно чая погони. Заметил кого-то – и внезапно присел, как провалился. Немного обождал... Выпрямился неожиданно ловким движением, схватившись за невидимые края. По-прежнему

не сходя с места, машисто и весело зашагал дальше, посмеиваясь над одураченными преследователями.

– Ух ты!.. – сказал Сквара.

– Дединька, а что не говоришь? – спросил Светел.

Гудим коснулся пальцами губ, виновато развёл руками. Дескать, рад бы, да не могу.

Светел почти решился спросить ещё, но в это время пособники начали что-то делать вкрово. Почтенный скоморох мигом забыл о мальчишках, устремился на выручку.

– ...Брови у тебя дугами: ты чувствуешь, что сердце велит, – негромко доносилось из угла. – Сидят высоко: другим людям незачем знать твоих помыслов... – При лучине одна против другой расположились кудрявая Арела и старшая лихая чернавка. – У тебя маленький нос: ты думаешь о том, чего тебе хочется сегодня...

– А длинный был бы? – не иначе вспомнив кого-то, спросила вдруг та.

– Тогда ты больше думала бы о том, что завтра случится.

– Вот ещё нужда была, – хихикнула чернавка. – Я и так знаю, что завтра будет. Толкуй дальше!

Арела поудобнее повернула её к свету лучины.

– У тебя невелики уши: тебя занимает не всё, что могут люди сказать, но важного для себя ты не пропустишь...

Светел невольно задумался о том, как устроено его собственное лицо и что могут значить лоб, щёки, губы. Ему даже захотелось сесть против Арелы, чтобы она дала смысл каждой черте. «Ну да! Такого небось натолкует, сам себя знать не захочешь...» Будь здесь мама, погрозила бы пальцем: боишься правду услышать! Мама была далеко, а всё равно стало обидно. Может, оттого, что частица истины в додуманных словах всё же была?

Из-за притворённой двери оболочка глухо звучал голос Кербози. Не дело слушать, о чём говорят за дверьми, но, если слух обостряется сам собой, как с ним совладать?

– Посмотри, насколько разнятся его ладони! Это значит, что твоему сыну предстоит удивительный путь. Видишь маленькие морщинки, здесь и вот здесь? Он будет радовать наставников, сумеет в полной мере постичь их науку. А эта бороздка гласит, что он проживёт ещё немало лет...

Братья Опёнки переглянулись, на всякий случай отошли подальше.

Спустя некоторое время голос Кербози смолк.

Чернавка оглянулась, сунула Ареле вкусно пахнущий свёрток и удрала вон, пока хозяйка не видела.

Юная толковательница посмотрела на Светела.

– Тебе тоже по личику погадать? – ехидно спросила она. – Или, может, по ладони? Я и по ладони умею...

Светел поспешно спрятал руки, замотал головой. Хотелось юркнуть за брата, но не при девчонке же.

– Атя не благословил, – степенно отказался Сквара.

Арела наставила палец на обоих сразу:

– Всех на русь выведу, всё как есть покажу...

Светел спросил её:

– Что петуха не держите, чтобы людей плясками забавлял?

Девчонка посмотрела на него едва ли не с жалостью:

– А знаешь ты, как их охотники учат?

– Не знаю, – сказал Светел. – Псов учил в запряжке ходить, а куры у нас давно не ведутся.

Арела проговорила зло и отрывисто:

– На железный лист ставят, чтоб соскочить не мог, а снизу горшок с углями. Сами на дудке играют. Он лапы вскидывает – больно! Так несколько раз, и он потом, как дудку услышит...

Стукнула дверь. Вышла довольная Обороха, за ней сын. Последним появился Кербога.

– О, кто пришёл! – обрадовался он братьям. – Ну-ка, полезайте на подвысь! Видели когда-нибудь лицедейство?

– Нет, – мотнул головой Светел.

– Атя сказывал, – проговорил Сквара.

– Значит, – рассудил Кербога, – сумеете сообразить, что к чему. Ты, старшенький, будешь Богом Грозы, а ты, меньшей, – Богом Огня. Настал день Беды...

– А батенька благословил? – ядовито осведомилась Арела, но братья смотрели только на Кербогу.

– Настал день Беды, и вы обороняете Землю!..

Сквара напряжённо свёл брови:

– Это как?

– А так, – немного подумав, объяснил скоморох. – Люди, глядящие на помост, должны увидеть братьев-Богов, готовых не пощадить себя ради смертных. – И лукаво усмехнулся: – Конечно, показать не всякий сумеет...

У мальчишек разгорелись глаза.

– Наставляй, дяденька Кербога. Как нам кощунить?

Кербога нарадоваться не мог на Опёнков. Младший вспыхивал, искрился, пылал каждым движением. Старший, более суровый и сумрачный, как будто таил до поры и сизые молнии, и яростный гром. А сколько смеха жило в глубине глаз!.. Правду люди говорят: ни за что не угадаешь, в каком краю что найдёшь! Скоморошина рождалась шажок за шажком, слово за словом, из ничего, по наитию... Старик Гудим принёс широкие андархские гусли, тихонько взялся за струны.

– Грозу, – самозабвенно бормотал Кербога, расхаживая перед помостом. – Слезú... доползу...

Мальчишки благоговейно внимали. Вряд ли они умели постичь, какое чудо творения вершилось у них на глазах. Однако чудо от этого меньше не становилось.

Созвучие всё ускользало. Братья начали переглядываться. В глазах у обоих плескалось шальное веселье.

– В тазу, – нахально шепнул Сквара. – Привезу...

– Я тебя, охаверника! – рявкнул Кербога. Тут его взгляд вдруг остановился, он щёлкнул пальцами. – Небес бирюзу! Вот!..

И они в восторге повторили кощуну с самого начала.

Внимательная Арела подсказывала слова, если отец забывал.

Опёнки метались по настилу, прыгали через прорубь, заполошно размахивали руками.

Озарился, запылал тёмный лес...

Проломила все покровы Небес,

Метя Землю извести навсегда,

Та ли чёрная, чужая звезда...

Гусли прокричали горестно и тревожно.

Сквара огляделся, встал как врытый, взял брата за плечо.

Бог Грозы промолвил Богу Огня:

«Полегла, похоже, наша родня!
Судьбы пишутся на скорбном листе:
Братец Солнце запропал в темноте,
Тяжко ранены и Мать, и Отец,
Да и нам бы не изгаснуть вконец!
Примем битву у последней черты
Мы с тобою, младший брат, я и ты!»

Сквара и Светел плечом к плечу разили стругаными мечами. С таким пылом и гневом они махом разогнали бы любых супостатов, но гусли Гудима стонали всё обречённой.

Беспощаден был отчаянный бой.
Старший брат закрыл меньшого собой...

Сквара широко шагнул вперёд, схватил Светела, убрал за спину.

«Сбереги себя, Огонь, сбереги!
Чтоб не стыли у людей очаги,
Чтобы мир не погрузился во тьму –
За обоих нас я раны приму...»

Гусельная струна прозвенела отпущенной тетивой. Сквара уронил деревянный меч, преувеличенным движением схватился за грудь, медленно осел на колени. Светел в ужасе простёр к нему руки, но брат его отстранил.

«Ты не плачь по мне, меньшей, не велю!
Пусть накинули на шею петлю,
Пусть согнут меня ярмом до земли
И надежда потускнеет вдали,
Пусть туман затмит Небес бирюзу –
Где та цепь, чтоб удержала Грозу!»

Сквара упрямо поднял голову, глаза горели. Привстав на одно колено, он воздел руки и резко, с усилием развёл, словно вериги порвал. Светел потрясал двумя мечами, стоя у него за спиной.

Гусли Гудима скорбели, и радовались, и обещали победу.

Кербога разошёлся не меньше мальчишек. Жаль было одного: вряд ли здешний люд увидит то, что сейчас видел на подвыси скомороший вожак. Завтра появятся котляры, небось станет не до веселья. Да и не перед котлярами такое играть. А потом правобережники уедут домой.

Ну ничего. Удосужиться бы с утра повторить. Может, запомнят, к себе на Коновой Вен увезут.

Гудим не сразу отложил гусли, всё ласкал их гибкими, сильными, совсем не старческими руками. Вдохновение, подаренное кощунной, выдалось таким высоким и светлым, что никому не захотелось просто так его отпускать.

Старший Опёнок вдруг спохватился, вытащил припасённые кугиклы. Выложил на ладонь все пять цевков, подровнял, обхватил, стал подыгрывать гусям.

– Девичья снастишка, – тут же подметила неугомонная Арела. – У сестёр небось отобрал?

Сквара как не услышал. Прикрыв глаза, водил куклами у рта, подпевая переборам струн.

– Глянулся тебе Бог Грозы, – сказал Светел.

Он бы предпочёл, чтобы она всё подмечала и язвила не Сквару, а его самого.

– И никто мне не глянулся, – покраснела девчонка. Но хоть замолкла.

Кербога вновь подумал, что, кажется, дал опрометку, приписав яркую даровитость одному младшему. Старший дикомыт играл по-настоящему хорошо. Скоморох улыбнулся:

– Чудовые дела... Я тоже слышал, что у вас в Правобережье бабы не берутся за гусли, а мужики – за куклы.

Это, кстати, была правда святая.

– Так бабушка за ним сперва с венком, а после смирилась, – расхвастался Светел. – Только он у девок не отбирал, сам смороковал, как полюбилось. Он все песни знает! Колыбельную мне сложил, вот. Я мал был...

– По мне, и сейчас от горшка два вершка, – фыркнула Арела.

Светел не остался в долгу:

– Мал горшок, да сердит. – И посоветовал: – Не смотри высоко, глаза запорошишь. Тоже ещё, невеста!

Она зло сощурилась:

– Если хочешь знать, у меня суженый не пендерю лесному чета...

– Пиявка рыжая! – сказал Светел.

– Сам рыжий!

– Цыц, ребятёнки! – окоротил обоих Кербога. – А ты, старшенький... Что за колыбельная? Сыграешь?

Сквара кивнул, снова поднёс к губам куклы и заиграл.

Гудим немного послушал, взялся тихо вторить ему.

Сквара вывел напев очень просто, без трелей и иных украшений, а припесню неожиданно спел голосом. Светел даже вздрогнул, но заветные слова тот приберёт.

Брат за брата – хоть в огонь!
Моего меньшого не тронь...

Кербога спросил, помолчав:

– Правда, что ли, сам сочинил?

Сквара кивнул.

Кербога помолчал ещё.

– А всю песню со словами споёшь?

Сквара смутился:

– Других слов нету... только припесня.

– А пробовал?

– Всякий спляшет, да не как скоморох, – пробормотал Светел.

Кербога повернулся к нему.

– Запомни накрепко, детище, – выговорил он сурово. – Нет таких слов: «не могу». Есть слова «я не пробовал» и «я плохо старался». Если якобы не можешь чего, значит не больно-то и хотелось. Люди горшки обжигают, малыш. Простые смертные люди! И не позволяй никому гвоздить тебе, будто для каких-то дел нужно божественное рождение... А ты, маленький песнотворец, вот что. Продашь мне этот напев?

– Как продать? – удивился Сквара. – У нас, если песня любя, её перенимают да сами поют...

Кербога кивнул:

– Тогда давай так. Ты мне голосницу подаришь, а я тебе слова к ней подарю. Идёт?

Сквара задумался до того напряжённо, словно его подговаривали сбыть нажитое прадедовскими трудами. Всем известно: скоморохи не только глумцы, но и плуты изрядные. Однако зачем бы хитростью выманывать то, что тебе и так отдают?..

И наконец Сквара кивнул: хорошо, мол.

– Идите-ка, ребятёнки, погуляйте пока, – распорядился Кербога.

Мальчишки послушно соскочили с подвыси, пошли вон из шатра. Сквара уже прятал кугиклы, когда скоморох вновь окликнул его:

– А тебе говорили, парень, что у тебя голос крылатый?

Братья даже остановились.

– Это как?.. – подозрительно спросил Сквара.

– А так, что кругом сорок человек будут петь, а тебя всё равно будет слышно.

Сквара недоумённо свёл брови и вместе со Светелом вышел прочь.

Снаружи густели долгие летние сумерки и висел то ли мелкий дождик, то ли туман. Братья бестолково и молча потоптались у тына, взялись бродить по дворам. Ребятня опять во что-то играла, на сей раз, кажется, в «шегардайского коня». Звали к себе, но Опёнки посмотрели сквозь сверстников, побрели дальше. У обоих под ногами ещё пружинили старинные доски, помнившие небось такое... и столько... «Бог Грозы промолвил Богу Огня...» Рядом с подобными чудесами вчерашние забавы казались пустыми и скучными. Может, скоро это пройдёт, но покамест утвердилось на земле каждодневности что-то не получалось.

А ведь они ещё ждали от Кербоги посулённую песню...

По-прежнему молча Опёнки вывели Зыку. Вернувшись, взяли из санок веретёна, засели наконец-то за рукоделье. Пальцы привычно вытягивали битую шерсть, раскручивали веретено, сбрасывали петельку, подматывали готовую нить... Сквара теребил кужёнку левой рукой, Светел – правой. В собачнике было темновато, но они привыкли управляться хоть ошупью.

Спустя некоторое время Опёнки посмотрели один на другого и вдруг начали смеяться.

Сразу стало легче. Мир понемногу становился на место.

Зыка, чувствуя что-то необычное, взялся мести хвостом сухой мох, потом встал и со вкусом облизал щёки обоим.

Когда в собачник заглянула Арела, братья пытались сложить что-то забавное про избалованного и вредного мальчишку, угодившего в суровую воинскую дружину. Они то и дело прыскали смехом, но, конечно, получалось до крайности несуразно.

– Нищета песенки поёт, – сказала Арела.

Подковырка состояла в том, что лишь беспросветная голь вечно возится с какой-то работой. Братьям, однако, было так весело, что они не обиделись.

– На себя посмотри, – только и сказал Сквара.

Посмотреть стоило, кстати. Арела несла перед собой правую руку ладонью вниз. Пальцы двигались, по костяшкам резво бегала блестящая серебряная монета. Переступала, кувыркалась, ныряла и выскакивала опять. Всякий о своём промысле: кто прядёт, кто гудёт. Светел вспомнил девчонкиного выдуманного жениха, вздумал было посоветовать меньше рассуждать о соболях, сидя-то на рогоже... Не стал: веселье удержало злые слова.

Сквара присмотрелся к пляшущей монетке:

– Как это ты её? Покажи.

Арела подбросила sreбреник, зажала в ладони, приbedнилась:

– Наша стряпня рукава стряхня... Пошли, отец зовёт.

Теперь Кербога сам держал гусли. Гудим подтягивал на дудке о двух длинных стволах: левая цевка вела один голос песни, правая – другой.

– Верен ли напев? – спросил Сквару скомороший вожак.

Тот заворожённо кивнул, хотя голосница звучала немного иным ладом, как-то печальней и строже. Не колыбельная меньшому братишке, а горестное раздумье об утраченном и любимом. Да и пел Кербога совсем не как Сквара. Скорее наоборот. Припесня у него обходилась без слов, он тянул её, закрыв рот, вплетая голос в тоскливые, словно ветер, вздохи Гудимовой двоенки.

Расплескались густые туманы,
Всё окутала серая мгла...
Было двое нас, братьев румяных,
Неразлучных, как с ниткой игла.
Если буря в ночи завывала
И малыш поневоле робел,
Старший брат поправлял одеяло
И ему колыбельную пел.
Если мать задавала науку,
Хворостиной грозя большуну,
Младший брат отводил её руку,
На себя принимая вину.
А потом холода налетели,
В очаге прибывая огонь,
И порывы жестокой метели
Разлучили с ладонью ладонь.
Нас обоих ломало, и било,
И несло, как листки на ветру.
Я в сраженьях испытывал силу
И бросал медяки гусяру.
А теперь, посивевший до срока,
Сам себе не особенно рад,
Измеряю чужую дорогу
И гадаю, найдётся ли брат.
Перед битвой в смятенье знакомом
До рассвета мерещится мне:
Вдруг узнаю глаза под шоломом,
Да как раз на другой стороне?
Он споткнётся на поле злосчастном
От моей окаянной руки,
И навеки в глазах его ясных
Домерцают живые зрачки.
Или сам я на землю осяду,
Оступившись в кровавой пыли,
Обласкав угасающим взглядом
Побелевший от ужаса лик?
Кто из нас, зарыдав неумело,
Ощутит наползающий лёд
И, обняв неподвижное тело,
Колыбельную брату споёт?

К середине песни Светелу начало казаться, будто земля подалась из-под ног. Стало страшно. Весь мир валился за край, рушился в неворотимую бездну. Кербога только-только умолк, струны и двоенка ещё плакали, ещё звали назад чью-то невезучую душу, когда младший Опёнок вдруг всхлипнул, рванулся, со всех ног прынул наружу.

Скомороший вожак так и опешил.

– Что это с ним?.. – спросил он, заглушив ладонями струны.

– Лиха много поднял, – буркнул Сквара почти враждебно. – Ты его за болячку схватил.

И тоже выскочил вон.

– Ну вот, – сказал Кербога с досадой. – Делавши смеялись, сделавши плачем!

Светел отыскался в собачнике. Он обнимал Зыку, тряся с головы до пят и стонал, зарывшись лицом в родную тёплую шерсть. Сквара сел рядом, перво-наперво закутал брата меховой полстью.

– И всё он не так спел!.. – тихо провыл Светел. – Это не я, а ты заступался!.. И я тебя никогда... я тебя... я сам... я сам лучше помру... Дурак он противный, Кербога этот!..

Сквара сгрёб его в охапку, крепко-крепко. Взялся баюкать.

– На сухой лес будь помянуто, – сказал он. – Не журишь, братище, от слова не сбудется...

– Ну ты правда наседка, – засмеялся возле двери Лыкасик. Братья не заметили, когда вошёл. – В кугиклы свистишь, ровно девка, и только знаешь сопливому нос вытирать. Вам с ним, может, в косы ленты вплести да сватов ждать?

Сквара оставил притихшего брата, как-то быстро оказался против хозяйского сына. Тот и в дверь выпрыгнуть не успел.

– Ещё что умное скажешь?

Дрался он редко. Но если уж дрался... Накануне они слегка столкнулись в игре. Лыкаш, похоже, запоздало припомнил земляную крошку во рту.

– Бить будешь?.. – спросил он севшим голосом, косясь и оглядываясь в поисках взрослых.

Рядом, как назло, никто не показывался.

– Не, – сказал Сквара. – Не буду. Кулаков жалко.

Воробыша сдуло.

Сквара вернулся к младшему, снова обнял его.

Тот больше не стонал, но зубы продолжали стучать. Он кое-как выговорил:

– И вовсе мы... не румяные...

– Брат за брата, встань с колен, – шепнул Сквара.

Светел трудно перевёл дух:

– И не надо каменных стен...

Котляры

– И молодцы, что в кобение не дались, – похвалил Жог. – Гадать по рукам, щёки и носы толковать – это жреческое искусство. Чужих Богов не поймёшь! Держитесь-ка вы, ребята, подальше от этих глумцов!

– Мы санки увязали уже, – сказал Сквара. – Только припас в амбаре забрать.

Жог невольно улыбнулся, с гордостью посмотрел на мальчишек:

– Радельники... Что бы я без вас делал!

Мимо раскрытой двери собачника, улыбаясь чему-то, прошёл Лихарь. У него был вид сытого кота, только облизнувшего с усов остатки сметаны.

Светел вдруг тихо спросил:

– Атя, на что нам котляров ждать? Звигуров ты почествовал...

Он хотел добавить, что народу во дворе полно и без них; вряд ли дядя Берёга какое там обидится – вовсе вспомнит о Пеньках после того, как проводит их за ворота. Воробьям не то что дальних друзей, им сына сегодня последний раз обнимать!.. Но пока Светел думал, как обратиться к отцу, Сквара сказал:

– Дядя Кербога про наших Богов кощуну складывал. Про Беду... И как Они за нас бились...

Жог нахмурился:

– Кощуну?..

Светел аж запрыгал:

– Я был Огнём!

Сквара как-то этак повёл плечами, словно стал выше ростом:

– Бог Грозы промолвил Богу Огня...

– Мы с тобой теперь одни, я и ты! – засиял Светел. – Будем драться у последней черты! Чтобы не было кругом темноты!..

И братья, подсказывая один другому, взahlёб стали перевирать скоморошину.

Пенёк не столько слушал, сколько смотрел на мальчишек. Добрые дети – отцу с матерью венец. Пришлось менять гнев на милость.

– Ладно, – сказал он. – Ведите к этому вашему кобнику. А то дома засмеют: во дворе мимо скомороха прошёл!

Потрепал по ушам Зыку, первым двинулся наружу.

Мимо двери просеменила злая чернавка. Только сейчас было больше похоже, будто её саму кто крепко обидел. Даже лента в косе словно потускнела, как-то жалко обвисла. Девушка утирала глаза, всё стряхивала с понёвы невидимые соринки.

Жог ещё порога не переступил, когда сзади ударил хриплый яростный рык.

Отец и сыновья обернулись. Сухой мох летел во все стороны. Вожак соседней упряжки, сильный, буровой шерсти кобель, как-то ушёл с привязи, чтобы тут же сцепиться с Зыкой. Разволновались и другие упряжки. Рёв поднялся такой, что с потолка сыпалась труха.

– Хозяина зови!.. – заорал Сквара брату.

Сам кинулся разнимать.

Светел вылетел вон:

– Дядя Поливан! Дядя Поливан, твой сорвался!..

Здоровенные псы катались клубком. Сквара подхватил палку, принялся дубасить по ком попадая, грозно крича и раздавая пинки. Зыка почти сразу опомнился, разжал зубы. Бурого схватил в охапку подоспевший хозяин.

Привязи были сделаны из жердин, прикрепленных к ошейникам, чтобы псы не перегрызали. Поливан осмотрел холостой конец.

– Ремешок перетёрся, – сказал он виновато. – Чем за обиду велишь отплатить, брат Пенёк?

Жог ответил не сразу. Сквара и Светел ощупывали Зыку, запускали пальцы в шерсть на его боках, шее и животе, заставляли показать лапы. Искали покусыв. Не нашли ничего, кроме чужой слюны.

У бурого оказалось пробито ухо. Небольшая отметина, оставленная клыком, уже запеклась. Собаки не люди: кобели очень редко бьются, чтобы убить.

– Какие обиды, – сказал Пенёк. – Привяжи своего покрепче, чтоб смирно сидел. – И насмешливо обратился к старшему сыну: – Ноги-то не отбил вгорячах?

Сквара пошевелил босыми пальцами, сморщился, смутился:

– Отбил, атя!

Зыка вилял хвостом, улыбался во всю пасть, не особенно понимая, с чего столько переполоху.

Возле скоморошни хихикали, переминались девчонки. Жадно расспрашивали тех, кому Арела уже погадала. Остальные краснели и бледнели: ждали череда. Опёнки прошли мимо, чувствуя себя гордыми властелинами собственных судеб. Следом за отцом вступили в шатёр.

Здесь вся их гордыня испарилась тотчас. Кербога с Гудимом стояли на подвыси и с невероятной – глазом поди поймай – быстротой метали друг другу... да не безобидные колобашки, а топоры. Даже в сумерках шатра было видно, насколько остро отточенные. Они вращались, мелькали и безошибочно укладывались выкаченными рукоятками в ладони. Светел попробовал перечесать топоры, но сразу сбился и бросил.

Арела в углу рассказывала Облуше, какая та добрая, хозяйственная и незлобивая:

– Уголки глаз у тебя кверху: ты хорошее видишь. И губы улыбаться готовы, всякому ласковое слово найдут...

Опёнки перекинулись взглядом. В конце концов, Сквара от неё рукотёром так и не схлопотал.

Любопытство тянуло к помосту, но братья смирно стояли подле отца. Дома, случалось, тоже баловались с топорами. Не дело под руку лезть.

Кербога заметил вошедших. Острые лезья просвистели последний раз, он по очереди вмахнул их в колоду.

– Утро доброе, лыжный делатель, – сказал он Пеньку.

– Хвали утро вечером, – проворчал тот в ответ. – Пришёл вот взглянуть, кто моих сыновей разным разностям учит.

– Добро! – улыбнулся Кербога, прилаживая ладонью остатки волос. – Я сам давно хотел с правобережниками спознаться. Про вас, друг мой, столько всякого бают...

– Кто ж мешал? – спросил Пенёк. – Оботурам до Светыни не дохромать?

Скоморох вздохнул:

– Ты сказал: хвали день к вечеру. Я тешу людей, пытая судьбу, но сам давно отчаялся угадать, что́ будет назавтра. Как говорят у нас в Андархайне: над головой облака, под ногами туманы...

Братья оставили взрослых вести скучные взрослые разговоры, передвинулись поближе к углу, где гадала Арела.

– Суженый твой близко, – доносилось оттуда. – А уж мимо пройдёт ли, от тебя одной только зависит.

Пришлось Опёнкам пересчитывать топоры, торчавшие в колоде. Их оказалось одиннадцать.

Тут братьев поманил на подвысь дед Гудим. Светел и Сквара заулыбались, сразу ощутили себя огненными Богами, единым духом взмыли на высокий помост: кошунить станем!.. Да не просто так, а перед отцом!.. Ничего чудесней вчерашнего они представить себе не могли, однако старый скоморох предложил им нечто иное и совсем неожиданное. И опять объяснил молча, но столь понятно, что Светел мимолётно подивился: на что другим людям слова?..

И вот уже Сквара нырнул под широкое рогожное покрывало, повапленное белыми и серыми пятнами. Оно стало до того жёстким от краски, что внутри не вдруг угадывался человек. Это было понятно; так они и дома притаивались на охоте. Гудим распустил Светелу волосы, отчего тот окончательно стал похож на маленький подвижный костёр, вложил в руки деревянный меч. Светел крепко стиснул гладкую рукоять.

Бело-серое чудище медленно поднялось, ожившим сугробом поползло через подвысь.

Светел устремился навстречу, замахиваясь мечом.

– Пурга бушует дни и ночи, совсем со свету сжить нас хочет, – нараспев произносил Кербога.

Жог на всякий случай хмурился, в точности Сквара вчерашний: «это как?..» Однако молчал, по крайней мере не запрещая сыновьям лицедействовать.

А снежное страшилище легко поддаваться не захотело. Бело-серый сугроб вдруг принялся наседать и загнал «Бога Огня» на самый край подвыси. Светел даже спросил себя, не забыл ли братёнок, чего ради всё затевалось. Потом сам едва не забылся, еле удержал руку, готовую огреть «пургу» уже не на любки, а в полную силу.

Наконец в сражении обозначился перелом. Чудище стало пятиться, распласталось под градом ударов... и Сквара улызгнул в открытую прорубь, оставив пустое покрывало валяться на досках.

– Вот так огонь, горяч и молод, разит и гонит смертный холод, – проводил его Кербога. И добавил почти шёпотом: – Счастлив твой народ, лыжный делатель... Глядя на таких сыновей, начинаешь в самом деле ждать солнца...

Жог ответил так же тихо:

– Они помнят его. И никогда не забудут.

Наконец Облуша поднялась с раскладной скамеечки. Вчера она побрезговала идти к слишком юной гадалке, но девки возвращались такие довольные, что Облуша тоже решилась – и, кажется, не жалела об этом.

Опёнки подошли к Кербогиней дочке.

– Уедем ныне, – сказал Сквара.

Светел жарко покраснел, разучился говорить, просто вытащил свёрнутый пояс. Конечно, не верста Оборохиному, с его андархским бисером и шелками из тридевятого царства, но бесскверные шерстяные нитки были окрашены корой черёмухи, берёзы и дуба аж в семь разных цветов. Верно же мать присоветовала захватить с собой мелкого узорочья добрым людям на подарушки...

Сквара улыбнулся:

– Будешь нас вспоминать.

Девочка спросила с неожиданным уважением:

– Небось тоже сам... смороковал?

– Не, – сказал Сквара. – Это он выткал. Мы с ним бёрдо соседской внучке сладили... надо ж попытать, каково удалось. А он и заправлял, и нитки считал, и...

– Умница ты, – опустила глазки Арела. – Рукодельник. Братейку любишь...

Сквара поправил:

– Брата.

– А палец не тогда ли попортил?

Сквара засмеялся:

– Не... Гвоздь забивал.

– Гвозди забивать не умеешь?

– Думал, умею...

Светел начал чувствовать себя обойдённым.

– Новую кощуну бы повторить, – вздохнула Арела. – Теперь, поди, не успеем.

В шатёр заглядывала очередная девка, желавшая узнать всю как есть правду и о себе, и о будущем женихе.

Арела вытащила монету.

– Вот... Смотри.

Уложила сребреник на пальцы. Медленно, обозначая каждое движение, прогнала блестящий кружок туда и обратно.

Нетерпеливая девка решительно оттеснила братьев, прочно обосновалась на скамеечке. От длинного свёртка у неё на коленях веяло горячей рыбой и дымом.

Пришлось Опёнкам вновь устраиваться возле колоды. Сквара вынул из кошель запасное колечко от Зыкиной упряжи.

– Дай я!.. – загорелся младший.

Схватил колечко, устроил на костяшках, как показывала Арела. Оно сразу упало. Светел попробовал ещё. То же самое.

– Ей батюшка небось руку держал, – обиделся он.

Вернул колечко брату – и почти обрадовался, когда Сквара тоже его уронил.

Кербога не был бы ватажным вожаком, не умеи он с кем угодно поладить. Суровый лыжный источник, пришедший разведать, чему это глумцы-андархи вздумали учить его сыновей, уже беседовал с ним чуть не свободнее, чем с тем же Берёгой. Забыв сердиться, гладил усы, смеялся кстати найденной шутке.

– А вот скажи, друг мой, – наконец спросил скоморох. – Слышал я в северной Андархайне легенду... То есть как легенду, громко названо... так, байку. Поговаривают, в день Беды наследный царевич, единственный сын праведного царя, был всё же спасён. Люди верят, будто крылатые псы выхватили его из огня и умчали в неведомый край, чтобы он вернулся возмужавшим, восстановил добрые времена... У вас на Коновом Вене ни о чём таком не рассказывают?

Светел, накрытый внезапным ужасом, прирос к земле. Захотелось самому стать монеткой, закатиться под помост, да поглубже. Сунуть голову в любой мешок погрязнее – укрыть слишком приметные волосы. «Не то заберут...»

Жог остался невозмутим.

– Мы люди несмысленные, едим пряники неписанные, – отозвался он вроде даже с ленцой. – Вот встречу другой раз симуранов, надо будет спросить.

Оба засмеялись.

Светел решился выдохнуть. Сквара, сидевший на полу, потянул его за руку. Светел повернулся к нему, еле вспомнив, чем они с братом только что занимались.

Сквара натужно, медленно шевелил сплочёнными пальцами... и колечко шагало. Не так, конечно, как у Арелы. Не плясало – неуклюже топталось, грозя провалиться, но... шагало!

Этого Светел уже не смог вынести. Девчонка, которую он изо всех сил старался если не впечатлить, так хоть разозлить, смотрела только на Сквару. Даже хитрость с монетой как-то так показала, что у Сквары вышло, а у него нет!

Он сердито выдернул руку:

– Ну тебя! Я тоже так смогу! Ещё и получше!..

Сквара смотрел на него снизу вверх, не столько с обидой, сколько беспомощно. Он не знал, как унять внезапную ревность брата, потому что сам был к ней неспособен.

– Котляры!.. – закричали снаружи. – Котляры!..

Братья побежали вон из шатра. Пенёк вышел за ними.

Все последние дни во дворе только и разговору было что о котлярах. Наслушавшись, Светел помимо воли ждал величественного пришествия. Десятки саней, запряжённых оботурами и собаками, а может, даже правскими лошадьми... Большой вооружённый отряд...

Выскочив наружу, он жадно завертел головой, но никакого поезда не увидел.

Из серой туманной стены, неся в руке снегоступы, вышел всего один человек.

На этом человеке сам собой останавливался взгляд.

А вроде ведь ничего такого особенного. Обычного роста, сероглазый, русоголовый, с недлинной бородой, поседевшей смешно – слева больше. И даже не андарх – левобережник. И вот поди ж ты... Осанка, постав головы, чуть ли не хватка руки, державшей простенькие чинёные лапки... Как не вспомнить Кербогу с его рассуждением о крылатых голосах, слышимых в любом согласии певчих. Только пришлый котляр был такой весь. У ворот собралось десятка три мужиков, и все на него смотрели, но он стоял перед ними, как Зыка или тот же Бурый – перед стайкой ничтожных деревенских севляжек. Не вздорил, но что-то внятно остерегал: не тронь. Пропадёшь.

Со двора нёсся полный кромешного горя вой Оборочи. От него по спине принимался гулять на тараканьих ножках мороз.

Из-за спин вышел Лихарь. Спокойно приблизился к чужаку, поклонился ему. Тот кивнул, как старому другу. Их руки встретились в приветствии, накрест упершись локотницами. Потом Лихарь встал у котляра за плечом, стал что-то говорить ему. Светел вдруг ощутил на себе взгляды обоих. Ему опять стало жутко. Почему-то не подлежало сомнению: эти двое возьмут всё, что захотят. И кого захотят. И так, как захотят. И никто их не остановит. Ни крепкие Звигуры, ни храбрые гости, ни...

Старший котляр вдруг зевнул, прикрыв рукой рот. Спросил:

– Где новая ложка-то? Недосуг ждать.

Ворота растворились наконец во всю ширину. Лыкастик тащился на ватных ногах, судорожно вцепившись в мать и отца. Лицо Оборочи распухло и побагровело от слёз, она голосила не переставая. Берёга Воробей молчал, но тоже шёл, как к обрыву. Двое работников несли за Воробышем санки, заботливо собранные в дорогу. Ещё один вёл рвущихся, взволнованных упряжных псов.

Старший котляр подавился на середине зевка, словно увидев что-то несусветно смешное.

– Это что ещё?.. – указал он на санки. И отмахнулся от Оборочи: – Мамонька, да закрой уже рот, не на кобылу сына ведёшь.

Его веселье получилось таким заразительным, что иные начали улыбаться. А Обороча, вбравшая воздух для нового вопля, захлебнулась и действительно замолчала.

Котляр оглядел двор, вытянул что-то из ворота кожуха. Поднял над Лыкастиком блестящий трилистник своей веры.

– Именем Справедливой Владычицы и по праву, вручённому праведными царями, я забираю это дитя!

– Дайте парню лапки какие ни есть, и пошли, – сказал Лихарь. – Всё, что надо ему, в обозе найдётся.

Воробыш незряче озирался. Мало того что его прямо сейчас окончательно и бесповоротно забирали из дому, так ещё чуть не голого. Подбежавшая чернавка совала ему снегоступы, небось первые попавшиеся, схваченные со стенки в сених, но он никак не мог взять их, пальцы отказывались смыкаться.

Кончилось тем, что Обороча оттолкнула чернавку, бухнулась перед сыном на колени, подвывая, принялась завязывать путца.

У неё дело тоже не особенно спорилось, потому что она прикасалась к сыну, наверное, в самый последний раз. Старший котляр повёл глазами налево, направо... Взгляд вернулся к правобережникам.

– А это у нас кто? – весело спросил пришлый. Ни дать ни взять купец, заприметивший на торгу новый и завидный товар. – Метили по воробьям, а тут соколята!.. Ну что, дикомыт, лоб не умыт? Которого себе на племя оставишь? Старшего, младшего?

Светела накрыло мокрым рядом, земля снова поплыла из-под ног. Жог покосился на сыновей.

– Ты шали, – проворчал он, – да меру знай. Тем не шутят, чего в руки не дают.

Светел вдруг обнаружил, что стоит за спинами отца и старшего брата. Нет, он не прятался. Он вообще не понимал и не помнил, как там оказался.

В руке смешливого котляра сам собой возник тяжёлый боевой нож. Заплясал, завертелся, обегая ловкие пальцы, являя то лезвие, то рукоять.

– А кто шутит? – поднял брови Лихарь. Кивнул пришлому: – По мне, младшего бы. Со старшим наплачемся.

Колени у Светела стали такими же ватными, как у Лыкасика. Палящая туча валилась на него, дыша гибелью, он больше не мог ни убежать, ни улететь. Никто не поможет.

Дальше всё произошло быстро.

Лихарь сдвинулся с места. Пошёл прямо к Светелу.

Жог поднял руку, загораживая от него сыновей.

Нож спорхнул с пальцев смешливого котляра.

Без промаха нашёл руку лыжного делателя...

...И со стуком прибил её к тыну.

Жог охнул, изумлённо посмотрел на свою ладонь. Зарычал, потянулся освободить.

– Стой лучше смирно, – всё так же весело посоветовал пришлый. – Не то бабу двойней брюхатить придётся.

Жог замер. У котляра стремительно крутился в пальцах ещё один нож. Наверняка не последний. Звигуры, домочадцы и гости топтались, переглядывались, бормотали... Никто не возмущился в открытую, ни один не бросился выручать. Пришлый очень хорошо знал, что творил. Здесь, в Левобережье, никто ему слова поперёк молвить не смел.

– Я пойду, – вдруг сказал Сквара. – Меньшой – курёнок дрисливый, только гузном с полатей сажу мести.

Светел ошалел от такой несправедливости, очнулся и понял, что всё пропало. Наяву. Насовсем.

Лихарь подошёл к ним. Котляр был меньше Жога на полголовы, но чувствовалось: что захочет с ним, то и сделает. Он оглядел Сквару с головы до пят, хмыкнул. Предупредил Пенька:

– Потихе держись, не то и без второго останешься... – Выдернул нож, позаботившись, чтобы лыжного источника согнуло от боли. Повёл Сквару туда, где уже стоял Лыкасик. – Ещё лапки давайте!

– Мои в собачнике висят, у двери, – деловито проговорил Сквара. – Звёздочками заплетены.

Он не оглядывался ни на отца, ни на брата. Вёл себя так, будто с младенчества хотел стать ложкой в котле, да случая не было.

С пальцев Жога капала кровь. Его трясло от бешенства и унижения, но посреди двора стояла смерть, готовая добраться до обоих его сыновей и до него самого. Здоровой рукой отец нашарил Светела, молча притиснул к себе.

– Этого заприте-ка в клеть да не выпускайте дня три, – кивнув на Пенька, весело распорядился старший котляр. – Знаю я их, дикомытов. Дров наломают, а ответ вам держать.

На нём был воинский пояс, кожаный, в знатном серебре.

Молодая чернавка смотрела на Лихаря мокрыми больными глазами.

Скваре принесли его лыжи. Котляры с новыми ложками пошли со двора.

Когда они скрылись в тумане, Обореха упала поперёк санок, собранных для Воробыша, и снова завывала.

Взаперти

Вечером отец и сын сидели в пустой клетке.

То есть это Светел сидел под стеной, обняв руками колени. Жог ходил из угла в угол. Когда нянчил обмотанную тряпкой правую кисть, когда складывал её в кулак и тыкал им в брёвна.

Так-то. Для ночлега им клетки во дворе не нашлось, а как запереть – вот она.

Пополудни добрая девушка сунулась было покормить их. Жог рывкнул так, что она мигом исчезла, едва не выронив мису.

Какая может быть еда в доме, где не оборонили гостей?..

Левобережники Звигуры хоть и числили себя жителями Андархайны, однако замков у них до сих пор не водилось. Дверь просто подбили с той стороны колом потолка. Знали Жогову силу.

«Это я во всём виноват, – клевала Светела неотвязная мысль. – Я, я, я виноват...»

Скучный свет, сочившийся в поддверную щель, начинал уже меркнуть, когда младшего Опёнка позвали наружу – вывести Зыку. Хотели управиться без него, но кобель оказался не имчив. Поднял холку и ну зубами лязгать: порву!.. Светел взял его на поводок и вышел с ним за ворота.

Что Зыка понимал своим звериным умом, чего не понимал – поди разбери... Он почти сразу напал на следы, тянувшиеся в туман. Приник носом, улавливая запах Сквары... да как потащил!

Светел пытался остановить его, но кобель, привыкший к саням, был сильнее. Упираясь и скользя, Светел не удержал равновесия. Зыка проволока его по самой грязи. Сквару он начал уже слушаться, Светела считал сосунком. Он остановился далеко на снегу, видно сообразив наконец, что меньшей хозяйский щенок всё же не скуки ради цепляется за верёвку и срывает голос, приказывая стоять.

Идя с ним обратно, Светел ощутил боль в левом плече. Налетел на что-то, пока по земле ехал?.. Нет, плечо было другое. Светел даже ворот оттянул, заглядывая под рубашку.

Увидел багровые отметины, оставленные цепкими пальцами.

Вздрогнул и вспомнил.

Вспомнил, как оказался за спинами.

Пока он торчал стойком, одурев и померкнув от страха, Сквара взял его за плечо, убирая с дороги. И встал на его место, заслоня собой.

Сквара, которого он обидел, ревнуя в глупой игре.

«Бог Грозы промолвил Богу Огня... За обоих нас я раны приму... Это я, я во всём виноват...»

Жёсткая была рука у Сквары, суровая, почти по-взрослому сильная...

Когда сын вернулся измазанный, на Жого стало страшно смотреть.

– Кто?.. – только выдохнул он.

– Зыка сшиб, – сказал Светел.

Отец отвернулся и так двинул кулаком в стену, что отозвались стропила.

Светел невольно посмотрел вверх... и долго не опускал глаз.

– Атя, – сказал он погодя. – Если пособишь... Я вышел бы ночью. Гляну хоть, где Сквара. Жог оглянулся. Застонал сквозь зубы:

– А ещё и тебя словят?..

Светел даже удивился:

– В лесу?..

Жог здоровой рукой рубанул воздух:

– Не веляю!..

Светел притих, снова стал смотреть вверх, пока летние сумерки позволяли кое-что видеть.

Отлогая кровля была, по исконному северному уставу, берестяная. В жилой избе поверх берёсты лежал бы ещё дёрн, но кто станет дернить холодную клеть? Если бы отец подсадил, он сумел бы украдкой сдвинуть берёсту. А там через тын, на лапки – и лесом. Лапки он, кстати, нарочно ради этого в собачнике не покинул...

– Атя...

– Цыц, сказано!

Светел уткнулся носом в колени и больше не раскрывал рта.

Ещё ему хотелось полечить Жогу руку, но он не смел предложить. Что-то подсказывало: эту боль отец ему не отдаст.

Царила уже кромешная темь, когда наверху зашуршало. Светел сразу вспомнил про кошку, но там явно копошился кто-то потяжелей. Потом заскрипела берёста. Внутри проникло немного слабого света.

– Идёшь или стряпать будешь, Опёнок? – прошипел голос.

Северное небо никогда не бывает совсем чёрным. И летом в особенности. Наверху мрели косматые тёмно-серые тучи. Ближе трепетали на ветру непослушные кудри Арелы.

Отец вдруг повернулся, схватил Светела и высоко поднял, вознося к самым стропилам. Светел уцепился за край, подтянулся, вылез в дыру. Посмотрел внутрь.

Глаза у Жога Пенька были горестные, отчаянные и свирепые.

– Вернись только, – шепнул он сыну и протянул снегоступы.

Светел и Арела пробирались по лесу. Деревья над ними раскачивались и гудели. Снова начиналась метель. Это было хорошо: прикроет следы. Дуло с севера. Коновой Вен словно гнал прочь насильников, посягнувших на его свободных детей.

Становище котляров обнаружилось в нескольких верстах, на придорожной поляне. Его легко было найти по свету костров, по запаху дыма. Здесь Светел увидел всё то, чего ждал утром. Большие сани с болочком, улёгшихся оботуров, просторный шатёр... Дозорных с копьями, протоптавших тропинку возле костров...

Арела и Светел осторожно подобрались с подветренной стороны. Таясь в застругах, Светел смотрел на лагерь, уже понимая, что пришёл зря. Не получится у него ни увидеть Сквару, ни попрощаться. Он вернётся в Житую Рostочь, проползёт обратно в дыру, и отец подхватит его на руки, чтобы услышать: «Атя... оплошал я...»

Светел поёрзал в снегу. Покосился на Арелу:

– А у тебя правда жених есть?

Девочка кивнула:

– Правда.

Светел вздохнул:

– Красивый?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Я его и не видела.

– Ну да!

– Вот и да. Нас ещё до рождения сговорили. А тут Беда и... ну...

– А зовут как?

– А ты никому не скажешь?

Светел задумался. Пробурчал:

– До земли скрести долго. А то я землёй бы поклялся.

– Йерел.

– А ты – Арела, – удивился Светел. – Похоже.

– Нас потому так и называли. Только он Орёл, а я – Обещание.

– Это я понял...

– Ты похож на андарха.

Светел промолчал.

Арела вздохнула:

– Я тебе свою тайну открыла.

«Было бы что открывать! Про какого-то жениха...»

– Моя тайна невелика, – ответил он неохотно. – Засыновлённый я. В животы принятый.

Мои все... в Беду...

Арела хотела ещё о чём-то спросить, но Светел схватил её за руку, насторожил уши. К гудению сосен примешался звук, от которого у него радостно подпрыгнуло сердце. В лагере котляров, в обмётанном снегом шатре негромко пели кугиклы.

«Сквара! Живой...»

– Не реви, – сказал Сквара Воробышу.

Тот вытер кулаком нос, огрызнулся:

– Тебе хорошо!..

Сквара удивился, спросил:

– Чем хорошо-то?

Лыкасик не нашёлся с ответом.

Лихарь, шедший впереди, обернулся:

– Тут мамки нет, утешать не прибежит. А к нам реветь без толку.

Старший котляр засмеялся. Весёлый он, похоже, был человек. У него и прозвание отдавало шальным удалством: Ветер. Такого сильного и ловкого воина не всякий день встретишь. Если бы он как-нибудь по-другому показал свою ловкость с ножом, Скваре он, может, даже понравился бы.

Когда пришли в становище, у мальчишек отобрали пояса, пустили в шатёр к остальным ложкам. Там не было ни костра, ни жаровни. Толстые суровые стенки прикрывали только от летящего снега. Навстречу новеньким обернулось десятка два лиц. Ребята были разного возраста, и ровесники Скваре с Лыкашом, и помладше. Вплоть до таких, что наверняка не помнили солнца.

Ещё не обвыкшись в потёмках шатра, Сквара почти сразу споткнулся о кого-то из малышей. Нагнулся повиниться – нашарил полураздетого мальчонку, скрючившегося на полу. Под руками Сквары малыш съёжился ещё больше.

– Не... бей... – просипел он и всхлипнул. – Ничего... больше нету...

И надсадно закашлялся. Кто-то слупил с него не только меховой колушок, но и верхнюю рубашку.

Сквара поднял мальчонку. Для начала натянул на него свой собственный колух, просторный, нагретый у тела. Надвинул на растрёпанную голову куколь. Ему самому было пока не холодно после скорой ходьбы. Потом он стал оглядываться, приучая к полумраку глаза.

Обидчика он распознал без труда. Крепкий светловолосый парнишка насмешливо улыбался, сидя не просто на толстом охвосте своего колуха, а на чём-то более мягком. Сквара выпустил мальчика – тот беспомощно завалился и опять свернулся в клубок, – поднялся и, перешагивая чьи-то ноги, пошёл в середину шатра.

– Отдал бы, – сказал он светловолосому.

Тот немедленно распознал окающую помолвку.

– Да никак дикомыт!.. Что, и вас до котла допустили?

– Не, – сказал Сквара. – Меня сильно взяли... Ты отдай колушок-то. Не срамничай.

Улыбка паренька стала глумливой.

– Нас тут пристыживать некому. Без выкупа не отдам!

– Хорошо, – кивнул Сквара. – Я тебе на кугиклах сыграю, добро?

– Добро.

И светловолосый ёрзнул, пересаживаясь удобнее.

Сквара вынул из нагрудного кармашка кугиклы, заиграл. Конечно, не братскую колыбельную, к которой Кербога придумал такие грустные и неправильные слова. Просто песенку, подслушанную на купилище в Торожихе. Потом другую и третью.

Ребятня сдвинулась теснее. Новые ложки могли хорохориться сколько угодно, а только расставание с домом ни одному из них легко не далось.

– Добро? – спросил Сквара, глядя на светловолосого.

Тот, чувствуя себя всесильным хозяином, лишь заулыбался шире прежнего:

– А теперь покажи, как у вас на Коновом Вене пляшут.

Сквара подумал. Снова кивнул. Взмахнул руками, присел... Но вместо плясового коленца схватил обидчика за ногу, опрокинул назад. Парнишка от неожиданности свалился и несколько мгновений барахтался на полу. Сквара поднялся, держа в руках колушок.

– Рубашка где? – спросил он негромко.

Светловолосый вскочил, что-то бормоча наполовину грозно, наполовину плаксиво. Бросился на дикомыта. Сквара отшагнул, молча приласкал обидчика, как научил когда-то отец. Локтем под подбородок, возвратным движением кулака – в нос.

В углу кто-то завозился, стаскивая с себя лишнее. Скваре из рук в руки передали вязаную рубашку.

Он вернулся ко входу, одел малыша, сел и устроил его перед собой, чтобы надёжнее обогреть.

Светловолосый ощупывал нос, бранился – невнятно, но угрожающе.

– Зря воевать лезешь, – сказал Скваре мальчик из старших. – Пестунчик твой всяко не жилец. Лихарь баял, если до утра и додышит, всё равно у дороги бросим.

– Не тащить же, – подал голос другой.

Сквара сдвинул брови:

– А в сани? А в зеленец отдать?..

Мальчишка в ответ пробурчал:

– Про то не нас спрашивай, а Лихаря с Ветром... Меня, если что, Дроздом кличут.

– Тут всяк сам за себя, кто крепкий, дойдёт, – добавили из потёмков.

Сквара нахмурился круче.

– Вот помрёт, – сказал он, – тогда рухлядь и заберёте. А до тех пор тронет кто, зашибу.

Больше его не цепляли. Прежде неоспоримым вожаком был светлоголовый Хотён. Теперь Хотён держал в горсти расквашенный нос, но дикомыт на его место, кажется, не посягал... Вот забота, кого держаться, как быть?

Между тем хворый парнишка немного отогрелся, даже стал шевелиться.

– Ты чьих будешь? – шёпотом, чтобы не напугать, спросил его Сквара.

– По... Под... Оз... зно...

– А мы... к Воробьям в гости зашли, – в свой черёд сказал Сквара. – У тебя лапки, что отец мой сработал.

Ознобиша запрокинул голову, думая увидеть лицо, но глаза никак не хотели открываться.

– Ты... ты... Све...

– Не. Старший я. Скварой люди зовут.

– Теперь иначе звать станут, – проворчал из темноты Дрозд.

Сквара передёрнул плечами:

– Ну и ладно. Хоть горшком, только чтобы в угли не ставили.

Кто-то неуверенно засмеялся.

На закате дали поесть.

Ни к какому общему котлу новые ложки приглашения не удостоились. Не заслужили пока. В шатёр просто сунули корзину с лепёшками из болотника. Они оставляли горьковатый привкус во рту, но были по крайней мере жирны. Корзину поставили прямо там, где сидел Сквара. Кажется, лепёшки в самый первый раз оказались поделены справедливо.

Ознобиша есть сперва отказался. Пришлось уговаривать, заставлять. Это у печки на пустое брюхо можно болеть. На холоде не получится.

Вяло дожевав, Ознобиша спросил:

– Ты моих... видел? Отика, маму?..

Кривить душой не хотелось, но и добивать мальчика чудовищной вестью было нельзя.

– Не, – сказал Сквара.

Настала ночь. Иные спали, но некрепко. То один, то другой вставал разогнать онемение, попрыгать с ноги на ногу, похлопать руками. Малышня постепенно переползала поближе к Скваре и Ознобише.

– А ты «Лебедь плакала» умеешь? – спросил неуверенный голосок.

– Умею.

– А «Журавлики вернулись»?

– Напоёшь, спробую, – пообещал Сквара.

– А и напою... Слушай вот!

Кугиклы тихонько ворковали впотьмах, вплетали свой голос в свист ветра, в глухое гудение леса. Никто не шугал Сквару, не просил замолчать. Тем, кто спал, наверное, снился дом.

– Уйдём, может? – спросила Арела. – Мне-то воля, а тебя во дворе увидят... Не прибили бы.

Светел отвечал равнодушно:

– Совсем убить постыдуются, а синяков не бояться стать.

Он почти неотрывно смотрел на шатёр, где то смолкали, то снова подавали голос кугиклы. Он даже не чувствовал ни холода, ни сонливости, словно братейко-огонь в самом деле грел его, незримо дотягиваясь из поварни. Может, так оно вправду и было. Светел уже трижды менял лёжку: снег таял. Ему было не до того, чтобы думать об этом. Он, наверное, сумел бы обмануть дозорных, даже в шатёр влезть. Но вот потом... «Вернись», – попросил атя. «Мне без тебя только голову останется сложить», – гласило несказанное. Поэтому Светел просто лежал, хоронясь в заснеженных ёлочках, и смотрел.

Перед рассветом лагерь зашевелился. В шатёр вошли котляры, послышался плач. Похоже, иные из младших только пригрелись, сбившись рядком.

Светел вдруг как-то очень по-взрослому понял, что никогда больше не сможет равнодушно слушать ни такой плач, ни песню кугиклов.

Шатёр стали сворачивать. Отвязали растяжки, свернули полотнища, вместе со срединным шестом унесли в сани. В плотных сумерках на снегу возились, затягивали путца снегоступов десятка два человечков.

Светел приподнялся на локтях.

Где же Сквара?

Человечки сдвинулись с места, побрели вслед саням, один за другим растворяясь в струях позёмки.

Тогда Светел различил брата.

Долговязый мальчишка шёл, наклонившись вперёд. Нёс на закорках кого-то меньше и слабее себя, кругом теснилась мелюзга. Скварко...

Светел сам позже понять не мог, как это он сумел удержаться, не выскочил из сугроба, не бросился к брату. Но – сумел. Поезд котляров скрылся в метели, а Светел с Арелой выползли из ёлок и пошли обратно в Житую Рostочь.

– Он сбежит, – сказал Светел. – Вот отойдут подальше, чтобы не погнались, и сбежит.

Арела вздохнула:

– Не сбежит.

– А вот сбежит! – вспыхнул Светел. – Сквару не знаешь!

Арела снова вздохнула:

– А ты котляров не знаешь. Они всё равно погонятся. И поймают. Они всегда ловят отступников. И предают страшной казни, чтобы другим было неповадно. Рассказать, что с ними делают?

Светел гордо отмолвил:

– Сквара не побоится!

Дочка скомороха посмотрела на него, точно старая бабка, близко видевшая такое, о чём он и понятия не имел.

– За себя, может, не побоится, – сказала она. – А вот за тебя, за батюшку вашего, за мамку...

От её слов веяло ледяной жутью и какой-то окончательной правдой. Светела точно ударило. «Дядька Деждик... тётя Дузья... и Ознобишу кто-то увёл... А вдруг тоже они? Если Ивень что-нибудь натворил?..»

Воображение мигом нарисовало ему атю и маму распластанными в кровавом снегу. До всего тела немедленно добрался мороз.

Всё же он упрямо пробормотал:

– Пустит их кто на Коновой Вен...

Арела ответила с невесёлой насмешкой:

– Будут они дозволения спрашивать. Ты увидишь гостя на торгу, а на самом деле он за твоей головой пришёл. Ты даже и понять не успеешь.

Больше всего Светелу хотелось проснуться в знакомом лесу, между отцом и братом, и чтобы Зыкин мохнатый бок придавил ноги. Он с силой зажмурился, потом открыл глаза. Ничего не изменилось. Северный ветер по-прежнему втыкал ледяные иглы в лицо. Позади шла Арела.

Светел всё не мог смириться:

– Я сам их всех в землю закопаю, что не найдут. Вот велик поднимусь...

– Их унять царю только под силу, – сказала Арела. – А праведных царей теперь нет. Одни царевичи, да и те младшие. – Помолчала и вдруг добавила: – Вы двое мне стали как братики... Давай ты мне на вечный век братиком будешь, а я тебе – сестрицей?

– Давай, – кивнул Светел.

Арела потянула его за руку, обняла. Он наступил лапкой на лапку и тоже чмокнул её, поправ губами в ухо и забитые снегом рыжие кудри. На сердце почему-то сделалось легче.

– Я тропить буду? – попросилась Арела.

Он даже не оглянулся.

Было уже совсем светло, когда открылась дверь клетки. Внутри с тумаками и руганью закинули Светела. Жог, сидевший в углу, мигом вскочил и с глухим рыком бросился вершить святую расправу, но порога пересечь не успел. Дверь бухнула, с той стороны заскрипел кол.

– Атя, да целый я, – сказал Светел.

Жог сгрёб его в охапку, усадил подле себя, стал рассматривать.

Звигуры всё же выместили на мальчишке свой страх. Одно ухо побагровело и кровото-
чило, губы вспухли, левый глаз заплывал. Жог опять зарычал, тихо и страшно.

– Я брата видел, – похвастался Светел. – Утром уже. Он споро шёл, ходко, живой был.
Ещё кого-то на спину взял. И на кугиклах ночью играл, чтобы ребялёнки не плакали, вот.

Руки отца на какое-то время стали совсем каменными. Потом Жог спросил:

– На спину? Не видел кого?

– Далеко было, не разглядел, – сказал Светел. – Только слышал, тот кашлял.

Жог хрипло выдохнул. И не стал больше расспрашивать.

Светел вдруг сказал:

– Я взрослым стану, атя. Я к самому главному вельможе пойду. Я знаки ему покажу.
Я Сквару...

– Ты вырасти сперва, – прошептал Жог. – Будешь жив, тогда и меч в руки найдётся.

«Сбереги себя, Огонь, сбереги...»

Светел опустил голову:

– Только бы Сквара дождался...

– Дождётся, – сказал Жог.

Строптивного Опёнка не хотели больше выпускать из клетки, но пришлось. Зыка в собач-
нике рвался с привязи, лязгал страшными зубами и выл так, что не умолкали все остальные
упряжки. Зато Светела кобель встретил, словно год его не видал. Вскинулся на плечи, умыл
расквашенное лицо... и мирно дал себя выгулять. Никуда больше не стремился, не тащил
по следам. Вернувшись, сгрыз свою рыбину, улёгся спать возле санок.

Вечером отец с сыном, обнявшись, молча сидели в клетке и только надеялись, что новая
ночь окажется последней. Неожиданно снаружи прочавкали по талой грязи шаги, влажно
заскрипела дверь, и кто-то впустил к ним Кербогу.

Жог посмотрел на андарха так, словно тот был виновником всех его бед, и опять уста-
вился в пол. Светел тоже сперва хотел промолчать, но вспомнил о новом достоинстве, коим
облекла его Арела.

– Можешь ли гораздо, дядя Кербога?..

Скоморох сел против них, прислонился спиной к двери, положил на колени потёртую
кожаную коробку. Внутри певуче звякнули гусли.

Жог наконец перестал высматривать на берёсте следы пропавшего сына. Нехотя поднял
голову:

– Почто пришёл?

Кербога ответил без запинки:

– Хочу кое о чём рассказать тебе, лыжный делатель, а пуще мальчонке. Песню сыграть
хочу.

Жог удивился:

– А я чего-то не знаю?.. – Помолчал и добавил: – А песни твои у меня сказать где сидят?..

– Догадываюсь, – кивнул скоморох. – Вот что, северянин, не вели казнить, вели слово
молвить... а ты, маленький огонь, слушай.

Беседуя, он мешал северную и андархскую речь. Из-за этого Светел никак не мог решить,
что звучало: просто слово «огонь» – или его первое имя. Это тревожило.

– С тех пор немало воды утекло: почитай, лет двести прошло, – начал Кербога. –
Тогдашний праведный царь объезжал украины державы, как велось встарь. И Шегардай-города
не миновал, самого северного, что у границы стоял. И увидел, как у Последних ворот молчал
юный вор, крепко закрыв рот, хоть его без пощады секли на кобыле, со спины всю шкуру спу-
стили...

Без пощады значило насмерть. Светел зачарованно слушал. Он, конечно, знал это предание, ведь его вспоминали всякий раз, когда заводили речи о котлярах и котле. Только не каждый его рассказывал так, как Кербога.

– Царь сказал палачу: «Постой-ка!» – и похвалил парня за стойкость. Потом спросил, какое такое зло пригожего малого до греха довело. Едва живой смертник исповедался сиротой и рассказал царю о братишках: сам, мол, шестой. За ломаный грош батрачил, младшие кто болел, кто на улице клянчил. Он и не помнил, когда был сыт, вот и позабыл стыд. Всесильный владыка не погнушался проверить, во всём ли тот вор сознался. Оказалось – не приврал ни самую малость. «Да расточится держава, где у сирот лишь на милостыню и крадью остаётся право!» – сказал царь. И тотчас отрядил толкового вельможу, чтобы улицами ходил. Велел собирать сорванцов, торить их воинами, писцами, ремесленниками, учениками жрецов. Бродяжки впервые ели досыта, отмытые добела, черпая из одного котла. Стал тот закопчённый котёл для них именем, символом и святыней, а Последние ворота – местом поклонения, чтимым доныне...

Старинная притча до сих пор жила в детской игре. Только ребятишки играли в шагерайского «коня», ибо все поминать кобылу палача казалось страшновато. Зря ли гласила та же легенда, будто замученный брат всё-таки умер.

– Потом семьи, жившие в нищете, сами повадились отдавать котлярам детей. Сыновья достигали завидного положения и, случалось, вытаскивали родню из скудного унижения. Спусти ещё немножко народы-данники себе запросили ложки. Это считалось почётным...

Светел знал: Воробы не один год завидовали Подстёгам, проводившим в котёл сына Ивеня. Добивались той же чести Лыкасику.

Но никто и никогда не уводил детей силой. И подавно не посягал на сыновей свободного племени, жившего за Светыню. До сего дня...

А Кербога продолжал:

– Ты, лыжный источник, верно подметил: нам ведомы все жреческие искусства на свете. Мы с Гудимом и правда жрецами были, святые ризы носили. Мы славили Справедливую Мать...

Жог внимательно слушал.

– Мой учитель начинал служение ещё в те времена, когда людям было позволено верить, что Мать Морана не только карает: и милует, и смеётся Она. В нашем храме не чурались доброй шуток, послушание было радостным, а не жутким. Потом Круг Мудрецов велел придать Ей лик неулыбы, молитву же сделать грознее дыбы. Учитель не оставил смеяться, и по приказу Круга ему урезали язык. Хотя это мне должно было стать туго, ведь ту злосчастную службу сочинил я. – Кербога прихлопнул ладонями по коробке, гусли снова отозвались. – Знаю, северянин, тебе дела нет до жрецов Андархайны с их ничтожными распрями вокруг святой тайны... Но надобно тебе знать, что котёл, каким он был рано, воздвигался во имя Справедливой Мораны. Там и сейчас Её верные всем заправляют, а Её с некоторых пор называют – Морана Смерть...

Жог тихо спросил:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Твой старший сын показался мне славным парнишкой, – ответил Кербога. – Что в нём рассмотрят Ветер, Лихарь и другие мораничи, я предсказать не могу. Может, поглядят, как он малышей под крыло берёт, и один из царевичей обретёт в нём сановника, опекающего сирот.

Светел с надеждой поднял голову. Он-то уверенно знал, как будет дальше со Скварой, и хотел об этом поведать, – и пусть его наградят подзатыльником за то, что без спросу встрял в разговор взрослых!

Но Кербога тяжело вздохнул и dokonчил:

– А может, его решат сделать изошрённым убийцей, чтобы исполнял волю Мораны... как она им видится. Я и предполагать не отваживаюсь, что теперь делается в котле.

Светел всё-таки подал голос:

– Сквара не такой!.. Он не станет!..

Кербога грустно ответил:

– Ты прав, маленький огонь, он не такой. Я тоже не думал, что выучусь метать топоры и буду зарабатывать свой обед, гадая служанкам.

Жог молчал. Лицо у него было серое.

Кербога вытащил гусли:

– Я обещал песню...

– Шёл бы ты, скоморох, – почти попросил Жог. – Ещё не довольно наговорил?

Кербога покачал головой:

– Я не враг, северянин, чтобы ты на меня злился. Я не душу травить явился. На мне вина за то, что творят люди моей веры, поэтому я пытаюсь хоть как-то помочь.

Он положил руки на струны. Светел даже не видел, чтобы двигались пальцы. Вещие гусли словно сами собой вздохнули, запели, заговорили. Светел внутренне сжался, он ждал злополучной колыбельной или чего-то подобного, но услышал иное.

Под беспросветным небосводом
Клубится снегом темнота,
А молодого воеводу
Несёт дружина на щитах.

Песня вроде не имела отношения ни к Скваре, ни к котлярам. Она была о храбрце, который не пропустил врага в родную страну, но сам был покалечен в жестокой битве и угодил в плен.

Стянув кровавой тряпкой раны,
Он молча вытерпел позор.
Плелись цепные караваны
Сквозь серый дождь – на рабский торг.

Неласковая судьба выпала пленнику, и всё же он ушёл из оков, утёк от погони, выжил в лютой пурге. И вот показался вдали милый северный берег, замаячили в тумане родные холмы... Но где взять сил, чтобы одолеть последние вёрсты?

Терпи, надорванное сердце,
Ещё успеешь отдохнуть...

Кербога играл очень тихо. И пел в четверть голоса – только для них. Когда гусли смолкли, Светел выждал немного, потом отважился спросить:

– Так он дошёл, что ли, дядя Кербога? А почему его на щитах несут? Оттепелью нашли?..

Скоморох убрал гусли в коробку:

– А это тебе решать, маленький огонь.

Светел покосился на отца. Жог Пенёк сидел закрыв глаза, осунувшийся и постаревший. Светелу показалось, будто седых прядей у него надо лбом стало против прежнего вдвое.

В дороге

Когда оботуры начали отдуваться, пробиваясь в снегу, вперёд выгнали мальчишек. Полозновицу, оставленную санями по дороге сюда, успело замести по колено, спасибо хоть на том, что ледяного черепа не намёрзло. Новые ложки привычно засновали лапками, уминая и раскидывая косые белые гребни. Навьюченный Сквара двигался тяжелее других, но, когда наступал черёд рушить целик, выходил и рушил. Малышня по-прежнему толклась за спиной, боясь отойти. Ознобиша пытался держаться за кожух, но через рукава получалось плохо, а варежки он потерял. Временами малыш силился говорить, начинал сбивчиво о чём-то рассказывать, потом смолкал и лишь часто дышал Скваре в шею. От него пышело жаром. Похоже, дела у сироты были по-настоящему плохи.

Когда Сквара, взопревший и красный, в сто первый раз свалился назад, к нему по готовому тору на широких беговых лыжах подошёл Ветер.

– Что не бросишь? – спросил весёлый котляр. – Умаешься эдак, завтра совсем ног чутать не будешь.

Сквара перевёл дух, ответил:

– Не брошу. Атя своих покидать не благословил.

Ветер засмеялся:

– А у тебя надея осталась родителя повидать?

Сквара покосился на Лихаря, подошедшего с другой стороны.

– Надеючись, – пробурчал он, – и оботур рогами наподдаёт.

Теперь котляры смеялись уже вдвоём.

– Учитель, – сказал Лихарь. – Воля твоя, а я паршука отобрал бы да об дерево головой.

В нём угадывался недавно повзрослевший юнец. Гордый каким-то подвигом и жаждущий продолжения. Сквара всем телом повернулся к нему, постаравшись и Ветру спину не подставлять. Хотя умом знал – бесполезно.

– Я те отниму!

Лихарь снова заулыбался:

– Учитель, воля твоя... вразумлю ощеулку?

Сквара оскалил зубы. Схватка намечалась безнадежная. Хотён с дружками оглядывались, боялись что-нибудь пропустить.

– Бить надо, кто плачет, а наставлять, кто слушает, – задумчиво проговорил Ветер. – Этот сам себе казнитель, ему других не надобно. Пусть несёт, коли охота. Щады запросит или с рук спустит – мозглёнка в сугроб, неслушь в кулаки. Всем любо?

Сквара промолчал. Лихарь поклонился.

– Иди тропи, дикомыт! – крикнул Хотён, недовольный, что обидчик увернулся от колотушек.

– Учитель, воля твоя, всё же надо было младшего брать, – вновь начал своё Лихарь, когда котляры вернулись к саням. – Тот как воск, что вылепишь, то и будет...

– Дурак ты, – сказал Ветер.

Лихарь поклонился и замолчал.

Когда наконец клеть растворили, дикомыты вышли молча и не глядя ни вправо, ни влево. Берёга Звигур хотел было помочь вытаскивать из собачника санки. Он пытался утешать, говорил что-то о великой доле, коей удостоился Сквара... Пенёк отпихнул бывшего друга. Не пожалев больной руки, всё сделал сам. Светел бегом принёс из амбара остатки припасов. Народу во дворе было вовсе немного, гости заспешили по домам ещё накануне. Кто-то уложил на санки

мешок со съестным. Мешок сразу полетел наземь. Пенёк с сыном выволокли санки на снег. Светел пристегнул Зыку. Походники зашагали на север.

Жог сразу встал впереди и с места погнал так, словно пытался избыть горе и срам, размыкать по целику. Санный след немедленно заметала позёмка.

Светел несколько раз подходил к отцу, просился тропить, но тот его прогонял. Пенёк даже не пытался искать знакомых дорожных примет – дрался на мах, неторником, только чтобы скорей.

К вечеру Подстёгин погост остался далеко в стороне. Светел так и не разглядел ёлок, порождённых то ли разными корнями, то ли одним. Как весело собирались они бежать здесь назад, с новыми вестями, с завидными рассказами, со сладкими Оборохиными гостинцами... с душистыми пряничками...

К этому времени Светел уже плохо различал впереди пятки Жоговых снегоступов. Не из-за сумерек, просто потому, что в глазах плавала муть. Отец шёл с прежней яростью, будто вовсе не собирался останавливаться до самого дома. Светел вынужден был поспевать. Не жаловаться же, действительно.

Раньше за них обоих пожаловался бы Сквара. «Атя, – молвил бы он, смеясь, – что не дашь передышку? Совсем мы с тобой мальчика уморили...»

Скварко...

На бедовнике, на полпути до пустых прибрежных болот, мудрый Зыка принял решение. Остановился, лёг, скрестил передние лапы, устроил на них голову. Я, мол, тут пока поживу. Лыжный делатель обернулся с кайком в здоровой руке – поднять лодыря. Однако посох замер, не опустившись. Жог увидел потускневшего и тощего сына, пытавшегося не свалиться подле саней.

Тогда он впервые с утра раскрыл рот:

– Отпрягай. Здесь заночуем.

– Ты меня... у дороги сложи, – сипел Ознобиша. – Я ничего... я засну... тебе щада...

Сквара отвечал почти так же сипло:

– Ты мне... не с поля вихорь... чтобы в снегу покидать.

Он стискивал одну руку в другой. Пальцы немели и съезжали, он их перехватывал. Иначе всем смерть.

Лихарь смотрел косо и зло. Словно мешок денег поставил на то, что Сквара не сдюжит, и уже опасался проигрыша. Опёнку, впрочем, было особо не до того, чтобы смотреть на него или на Ветра. В ушах стоял гул, он боялся не услышать крик «Тропи!» и промешкать, ведь тогда котляры решат, что он сдался.

Он даже не сразу сообразил, что сани остановились.

– Иди шатёр воздвигать, – сказал Ветер.

Сквара повернулся к нему.

– Да ссади уже мальчика-то, – расхохотался котляр. – Твоя взяла, дикомыт. Завтра в сани возьмём.

Сквара попытался поставить Ознобишу, но вместо этого сам осел на колени, придавленный неожиданной тошнотой. Он задохнулся, близко увидел перед собой снег... А на снегу – отпечатки лапок.

Они сразу показались очень знакомыми. Здесь прошагал тот, кто из меткого самострела всадил в спину болт несчастному Деждику. А потом подошёл к тёте Дузье, пытавшейся приподнять мужа.

Поверх следа возникли носки широких беговых лыж.

Сквара поднял голову и сказал Ветру:

– Отдал бы пояс-то.

– На что тебе?

– Нож, как ты, крутить поучусь.

– Нож крутить?.. С лучинкой натореешь, там поглядим.

Пока разом ослабший Сквара с уцепившимся за него Ознобишей ковыляли кругом саней, шатёр уже подняли. Мальчишеский народец успел набиться вовнутрь. Сквара не столько сел, сколько свалился на привычное место у входа. Ознобиша прижался к нему. Младшие ребяташки окружили обоих, кто-то заговорил с Ознобишей, кто-то натягивал Скваре куколь на мокрые всклокоченные вихры. Дрозд заботливо спрашивал, не потерял ли он куклы.

Вошёл Ветер, за ним Лихарь. Мальчишки сразу притихли.

Сквара поднял голову. Ветер держал в руке самострельный болт. С острым гранёным железком и коротким толстым древком, расширявшимся кпереди. Сквара хотел рассмотреть болт, но Ветер проворно закрутил его в пальцах.

– Дай руку.

Сквара протянул руку, обрадованный, что котляр решил показать ему свою хитрость. Однако Ветер вдруг цепко взял его кисть и... быстро кольнул наконечником в мякоть ладони.

Юный правобережник вскочил, сжал кулаки, уязвлённый болью, а пуще того несправедливостью. Потом что-то случилось. Кулак разомкнулся, рука отнялась и повисла. Коленки начали подгибаться, но совсем не как от усталости. Сквара прислушивался к собственному телу, не желая верить тому, что с ним творилось. Наконец из него словно выдернули все кости. Сквара обмяк, свалился, неуклюже подогнув проколотую руку. Он поводил глазами, но не мог ни шевельнуться, ни молвить внятное слово.

– Он кому-то из вас вчера нос разбил, – сказал Лихарь.

Хотён сразу выступил вперёд:

– Мне!

Лихарь кивнул:

– Отверстайся, если хочешь.

Хотён подскочил к Скваре, принялся пинать. Дружки с готовностью последовали за вожаком.

Ознобиша закричал и на четвереньках устремился им под ноги. Оборонить Опёнка он не надеялся, но хоть собой прикрыть... Лихарь с Ветром даже переглянулись, когда следом за Ознобишей подбежал Дрозд, потом ещё несколько мальчишек помладше. В шатре началась драка.

Лыкаш жадно смотрел на потасовщиков, но не вступал. Не знал, чью сторону выбрать.

Тем временем Сквара на полу начал дёргаться, сперва судорожно, потом всё осмысленней. Подняться не получалось. Дотянувшись, он сцапал Хотёна за ногу. Свалил и подмял.

Котляры снова переглянулись. Ветер кивнул.

Вдвоём они быстро раскидали драчунов в разные стороны. Обозлённый Сквара так вцепился в полузадушенного Хотёна, что, казалось, убить было проще, чем отодрать, но, конечно, двое старших мигом победили его.

Хотён хватал ртом воздух, тёр намятую шею. Сквара тоже хрипло дышал, заново учась двигать ногами.

– Уразумели вы то, что должны были? – спросил Ветер. – Не бей лежащего, он ведь и встать может... Или уж бей так, чтобы вовсе не встал. Ещё кто возьмётся без дозволения кулаки чесать, накажу! – И вдруг обратился к Скваре: – Где палец попортил?

Дикомыт размазывал кровь по верхней губе. Одетого в толстый мех поди запинай, но Хотён метил в лицо. Сквара блеснул светлыми глазами, ответил дерзко:

– В носу ковырял!

Ветер ему отвесил затрещину. Сквара прынул уклониться, но какое там. Пол-лица онемело, кровь потекла гуще.

– А ты говорил – младшего, – сказал Лихарю Ветер.

Светел был уверен, что свернётся под боком у отца и заснёт мёртвым сном... Как бы не так. Сон не шёл. Светел то уплывал в неглубокое забытье, где горели далёкие костры и детскими голосами плакали кугиклы, то открывал глаза и не мог взять в толк, куда делись дощатые стены собачника. Когда он в третий или четвёртый раз встал разогнать онемение, до него вдруг дошло, что отец с вечера так и лежит недвижно. Индо на другой бок не повернулся.

– Атя?..

Добиться ответа удалось не сразу. Сын дёргал его и тряс, даже щёки варежкой тёр. Жог, в дороге всегда спавший очень чутко, никак не хотел отзываться. Наконец он приоткрыл глаза, назвал Светела Скварой и отвернулся. Он, оказывается, даже не опростал рукавов. Вот когда Светелу стало страшно. Он переполз через Жога, схватил его правую руку, лежавшую прямо в снегу.

Огонёк отца, неизменно основательный и надёжный, метался, как на ветру.

Светел хотел было погреть его руку, спрятать в рукав, но сразу забыл. Тряпка, заскорузлая от крови, глубоко впилась в кожу. Пробитую пясть безобразно раздуло, из неё, достигая плеча, растекался недобрый жар.

Светел поискал было узел, но узел тоже пропитался гнойной пасоккой и засох, а может, замёрз. Светел вытащил нож, срезал повязку. Жог застонал, перекатил голову.

Подошёл Зыка, всунул морду, принялся, стал вылизывать хозяйскую боль.

– Атя... – заикаясь, выдавил Светел.

Кругом на несколько десятков вёрст не было совсем никого. И ничего, кроме снега и темноты. Светел вновь стоял у забора, глядя на идущего к нему котляра. Никто не поможет.

Он отобрал у Зыки руку отца. Взялся греть, тесня чистым теплом гнильно-бурый прилив. Глаза часто моргали, а разум уже прикидывал, как поутру навьючить Жога на санки, как привязать, как устроить, чтобы отец, привязанный, не застыл – ведь впереди раскинулись самые морозные места, куда не дотягивалось дыхание больших зеленцов.

Светел даже подумал, а не вернуться ли в Житую Рostочь. От этой мысли желудок поднялся к горлу. Мальчишка десяти вёсен от роду сидел под кожаным пологом, натянутым на два посоха, удерживал огонёк отца и молча ждал, пока станет хоть немного светлей.

Как только тьма начала редеть, Светел вытащил мёрзлую рыбину, начал стружить. Он, конечно, всё умел, только самому от начала до конца раньше не доводилось. Руки почему-то дрожали, стружки получались не особенно тонкими и красивыми. Он по привычке отделил самые сытные для отца.

– Атя... поешь...

Жог что-то промычал, снова затих.

Сколько Светел ни старался – не смог ни уговорить его, ни силой всунуть в рот пищу.

Он долго смотрел на кучку стружек, потом тяжело вздохнул и самые жирные, сколько влезло, проглотил сам. Влезло, вообще-то, немного. Убрав остатки, Светел распрямил складную лопатку, принялся копать длинную яму в снегу, устраивая отлогий подъём с северного конца. Когда яма была готова, он затащил в неё санки. Приготовил верёвку. Скуля от натуги, стал перекачивать тяжёлое тело. Бездвижное и оттого особенно неподъёмное. Глубоко в сердце ещё трепыхалась отчаянная надежда, что вот сейчас отец раскроет глаза, засмеётся, схватит его сильными руками, похвалит за упорство и смекалку.

Ага, а потом зашуршит, осыпаясь, сугроб, и объявится Сквара.

А ещё разойдутся вечные тучи, выглянет солнце...

Рыбные стружки горели в животе, словно костёр. Светел размял в руках прихваченный морозом алык.

– Зыка!

Обычно при виде шлейки работающий кобель подбегал, виляя хвостом, сам просовывал голову. В этот раз он лишь покосился на Светела. Сел возле санок, стал обнюхивать хозяина.

– Зыка! Тормошись, что ли!..

Пёс слушаться не желал. Светел даже обошёл место ночлега: может, что-то потерялось в снегу? Нет, всё было на месте, и лопата, и рукавицы. Делать нечего, пришлось натягивать на Зыку алык прямо там, где тот сидел. Потом вытаскивать оставшуюся строганину и подмакивать кобеля, чтобы встал перед санями.

Заново найдя север, Светел вздохнул поглубже... начал пробивать путь.

Шагов через двадцать он оглянулся. Зыка сидел.

Сообразив, что с дополнительным грузом санки стали много тяжелее прежнего, мальчишка вернулся, взял в руки потяг.

– Вперёд!..

Зыка неуверенно встал. Оглянулся на хозяина. Сделал шаг. Санки были слишком тяжёлыми. Пёс обернулся, заворчал, схватил зубами потяг.

Светел обежал санки. Чтобы упереться руками в задник, понадобилось почти лечь. Меховая харя съехала на глаза, стало понятно, что в одиночку ему санки из ямы не вытолкать.

– Зыка, миленький... ну пожалуйста...

Кобель, не иначе, понял его отчаяние. И то, что двигаться вперёд было почему-то необходимо. Он чихнул и наконец как следует влёг в упряжь. Полозья скрипнули. Санки выехали по откосу, одолели несколько протоптанных сажений, снова остановились. Светел отлепил руки от задника, вышел вперёд.

К середине дня он перепробовал уже всё. Приминал снег лапками и раскидывал сугробы лопатой. Брал таском, впрягаясь вместе с Зыкой. Толчком двигал сзади...

Когда место ночлега скрылось за подъёмком, стало казаться, будто пройдено необычайно много. Тогда Светел доел строганину, чтобы не угасал костёр в животе.

Несколько раз он устраивал себе передышку. Бросал тропить, принимался теребить отца, разминать ему руки и ноги. Даже обталкивал бока кулаками, обутыми в рукавицы. Чего не сделаешь, чтобы разогнать кровь. Самому Светелу было и без козуха жарко.

Когда Жог завозился, начал поднимать голову, сердце радостно взлетело: очнулся!.. Вот теперь всё будет хорошо. Сейчас отец встанет и...

– Атя, я сейчас, сейчас... – Он начал было развязывать верёвку, но отец смотрел на него, не узнавая.

– Куда в обрыв правишь, дурень, я тебя!.. – захрипел Жог, пристально разглядывая впереди что-то незримое остальным. – Лево, Зыка, лево!..

Пёс так обрадовался хозяйскому голосу, что вскочил и усердно поволок влево, даже с тора сошёл.

– Зыка, право!.. – заорал Светел, до смерти испугавшись, что санки сейчас застрянут на целине.

– Я тебя, дурня, – повторил Жог и уронил голову.

Зыка посмотрел на одного, на другого... отвернул голову, улёгся.

Светел подошёл к нему, хромя на обе ноги.

– Зыка... вставай...

Кобель приоткрыл один глаз, с неодобрением глянул на бестолкового щенка, опять отвернулся.

Светел беспомощно смотрел на него. Хотелось лечь рядом, уткнуться лицом в снег и не вставать больше. Тащиha-позёмка небось скоро все следы заметёт...

В мохнатый бок с силой въехал твёрдый нос снегоступа.

– А ну вперёд, дрянчуга!.. Вперёд, говорю!..

Кобель оскорблённо вскинулся, рывкнул, зубы лязгнули. Светел бросил посох, припал на колени, обнял грозно ворчащего пса.

– Вперёд, маленький... Ну давай, давай...

Зыка встал. Серdito вытряхнул шубу. Нагнул голову. Сделал шаг...

Светел побежал к задку саней, торопясь, покаме Зыка не перерешил. При мысли о том, что завтра всё повторится... и послезавтра... у него начали отниматься руки и ноги. Поэтому он оставил думать и просто толкал.

– Зачем меня взяли? – в сто первый раз спрашивал Ознобиша. – Ведь Ивень... Второго сына прежде не забирали...

Ветер выполнил обещание. Подстёгин сирота ехал в санях. Иногда он вылезал из болочка и шёл сам. Потом уставал, тогда Сквара подсаживал его обратно.

В голосе Ознобиши звучала такая тоскливая тревога, что Сквара сказал ему:

– Я Ивеня всего раз и видел... плохо помню его. Он добрый был? Раньше?

Ознобиша ответил с трепетной убеждённоcтью:

– Он лучше всех был.

– Значит, и сейчас лучший, – сказал Сквара. – Может, он так мораничам полюбился, что младшего брата в котёл решили забрать.

Это была, конечно, неправда. Два нагих тела посреди кровавого пятна, замаравшего чистый снег. Пепельные косы тётеньки Дузыи... Вот от кого Ознобиша унаследовал серебристую голову. А от дяди Деждика – серо-голубые глаза и способность слово в слово повторить рассказ, услышанный полгода назад.

Сюда не добралась метель, прошедшая полосой. Сани ехали по своей полозновице, оботурам было легко. Никто не гнал мальчишек тропить. Вчера они думали только о том, как отстоять черёд впереди и не упасть от усталости. Сегодня, переведа дух, вновь начали гадать о будущем и бояться.

Ознобиша всхлипнул.

– Плакса, хнюня, рёвин сын, – немедленно раздалось сзади. – Проглотил горелый блин!

Вместо того чтобы окончательно повесить голову, Ознобиша вдруг улыбнулся, вытер нос.

– А я и есть рёвин сын, – сказал он, обернувшись. – Мне можно. Мой отик от людей зовётся Деждик Подстёга... косой дождь.

– Подстёга!.. – захохотал дружок Хотёна, Пороша. – Ну ты башка осетровая! Подстёгами знаешь кого ругают?

Одно и то же слово от зеленца к зеленцу имеет разное бытование. Там, где вырос Пороша, подстёгой именовали непотребную девку.

– На себя оборотись, – фыркнул Сквара. – Порошица!

Жители Конового Вена этим словом поминали самое заднее, сорное отверстие тела. Пороша глядел вначале недоумённо, потом вспомнил, покраснел, сжал было кулаки. Однако кругом смеялись, и Хотён всё-таки удержал прихвостника, не стал портить веселье. На самом деле Сквара и для Хотёна держал про запас гадкое назвище: Похотень. Но оно, означая дитя прелюбы, срамословило не самого гнездаря, а скорее родителей, поэтому Опёнок оставил его пока при себе.

– Вот бы блина проглотить, – размечтался Дрозд. – Хоть горелого.

У Сквары тоже сосало в животе. Жирные лепёшки давали силу идти, но не как строга-нина.

Сани между тем катились всё веселее, приходилось надавать шагу. Время от времени оботуры поднимали косматые головы, нюхали воздух, глухо ревели. Было ещё светло, когда впереди показалась хорошая оттепельная чисть. Горячие подземные токи здесь не рвались на поверхность бурлящими кипунами, но летом снег стаивал. Посреди леса лежала широ-

кая поляна, заросшая пупышем. Оботуров распрягли пастись. Они тут же скрылись в низком тумане, только слышно было, как хрустят на зубах стебли хвощей. Ребяшня уже ползала на четвереньках, жадно обламывая и жуя толстые красноватые побеги. Ветер не стал отзываться новых ложек, позволив лакомиться вволю. Взрослые обозники сами растянули шатёр. Принесли пилу, начали кряжевать на дрова большое дерево, поваленное тяжестью инея.

Сквара сидел в пупышах и блаженно улыбался. Было тепло, травяная сладость щеколтала язык. Он не пошёл далеко в туман, зная из опыта, что у края оттепелей хвощи бывают сочнее. Вот бы набрать их с собой, пожевать завтра в дороге. С утра можно и не успеть. Нарвать сегодня – завянут. В снег положить?..

Лихарь принёс из оболочка два деревянных меча, с поклоном протянул один Ветру. Тот взял, чинно поклонившись в ответ. Каждый сделал по шагу назад, мечи встретились концами, очень похоже на то, как встречались их руки в приветствии возле входа в Житую Ростоць.

Из тумана выполз объевшийся Ознобиша. Устроился подле Сквары, приткнулся к нему, начал икать.

Меч Лихаря свистнул. Сквара невольно вздрогнул: он знал, легко ли заставить деревяшку так рвать воздух. Ветер отвёл удар, устремив его в землю. Ещё раз и ещё. Котляр не пёр силой на силу, он уклонялся и танцевал – легко, красиво. Потом они снова поклонились один другому. Теперь удары стал наносить Ветер. От ноги, из-за плеча, сверху вниз... Лихарь не зря называл его учителем, разница в умении была очевидна даже бестолковому дикомыту. Ветер ещё и берёт ученика. Мог забить, но не делал этого, не унижал. Просто учил.

– Смотри... – тихо сказал Сквара. – Мы тоже так плясать будем.

Ознобиша не ответил. Сквара посмотрел на него и увидел, что сирота заснул, разомлев от сытости и тепла. У него даже брови были измазаны в зелени. Сквара хотел вытереть ему лицо рукавом, но раздумал: пусть спит.

Ветер и Лихарь последний раз поклонились друг другу. Ученик подал источнику полотенце и не без робости о чём-то спросил. Ветер, только поднёсший утирник к лицу, вдруг швырнул его наземь. Отвернулся, сжав кулаки. Лихарь виновато подобрал ширинку, унёс оба меча.

Скваре попался на глаза сухой стебель хвоща. Дотянувшись, он сорвал его, устроил между пальцами, попытался крутить. От шиша к мизютке и обратно. Получалось медленно, неуклюже. Стебелёк то вываливался, то съезжал наось и застревал. Зато сразу стало понятно: чтобы лихо управляться с тяжёлым боевым ножом, пальцы требовались железные. Сквара нахмурился, вздохнул. Как-то Светел там... Атя... Небось уже Светынь переходят...

Подошёл Лыкашик. Сел наземь.

Сквара смотрел на свою кисть, стараясь сообразить, как правильнее скрещивать пальцы.

– Не сидится тебе руки сложа, – сказал Воробыш. – Ничего ведь не получается.

Сквара буркнул в ответ:

– А персты торчат, работать мешают.

Занятно: он ждал помехи от сломанного шиша на левой руке, а хуже управлялась почему-то правая.

Лыкаш спросил, помолчав:

– Что с нами будет-то, а?..

– Будет что будет, – кивнул Сквара. – Даже если будет наоборот.

Раньше бабкина присказка не казалась ему такой мудрой и верной. Иные слова только поймёшь, когда самого в один синяк избыют.

Воробыш шмыгнул носом и на всякий случай сказал ему:

– Я тебя тогда не пинал. Это Хотён с Порошей и...

– Да я знаю.

Лыкаш искоса посмотрел на него:

– Я всё как есть вызнал... Нас знаешь куда ведут? В какую-то Пятерню!

Сквара никогда прежде не слышал такого названия. Сразу представилась огромная лапа, которая всех сграбастает и утащит. Стало жутко.

– Это где?

– Не знаю. Я только понял, там башня есть. Наклонная. И вертепы.

У края снега мальчишки затеяли кидаться снежками.

– А с пальцем что сделал? – спросил Лыкаш.

– Кривым веретеном прищемил.

Воробыш засмеялся. Сквара осторожно подложил крепко спавшему Ознобише под голову свой кожух. Встал, тоже побежал перекидываться снежками.

Вечером, проглотив лепёшку, он снова взялся за стебелёк. Движение казалось чуть более привычным, но ненамного.

– Ух ты, – сказал Дрозд.

Все придвинулись ближе.

Сквара старательно и неловко переставлял пальцы:

– А ты возьми тоже попробуй.

– Ну-у... Я так не смогу.

Сквара фыркнул, тотчас вспомнил Кербогу:

– Нет такого слова «я не могу». Сперва попробуй.

Подошёл Лихарь, некоторое время смотрел.

– Сам ничего не умеешь, а других взялся наставлять, – бросил он неодобрительно.

Сквара поднял голову:

– А покажи, как надо.

Лихарь вытащил нож, блестящий и острый. Клинок замелькал, поди что-нибудь разбери. Со старшим котляром ученику было не равняться, но против Сквары Лихарь глядел великим умельцем.

– Ветер всем учитель, – сказал Лыкастик. – Источник. А ты нам кто?

– Господин стена, – ответил Лихарь и спрятал нож. – Ты, дикомыт, только не думай, будто в один день всему выучишься.

Сквара буркнул:

– Был бы ты источник, а не подобие, других бы под ноги не топтал.

Лихарь усмехнулся, глаза стали как шилья.

– У тебя, случаем, зубов не многовато во рту? А то можно поубавить...

Сквара пожал плечами:

– Зубов не станет, болеть нечему будет.

Ребята неуверенно засмеялись.

Появился Ветер, немного послушал, сел перед Скварой на корточки. Глазу радостно было смотреть, как двигался. И не только в любопытном бою, а и самым простым обыком: повернулся, встал, сел...

– Показывай, дикомыт, чему научился.

Сквара сосредоточенно свёл брови, зашевелил пальцами.

– Молодец, – коротко похвалил Ветер.

– А можно мне с оботуров пуха пощипать? – спросил Сквара.

– Пуха? На что тебе?

– Тут один варезжки потерял.

– Вязать-то умеешь?

– Умею.

– Щипли.

Поднялся, ушёл. За ним убрался и стена.

Когда все улеглись и стали шушукаться, Ознобиша ткнулся носом в ухо правобережнику:
– Страшный он... Ветер этот...

Сквара вздохнул:

– Ты ещё не видел, как он с Лихарем на любки воевал.

Ознобиша содрогнулся:

– Да и так видно, что хоть кого одним ногтем убьёт...

– Убьёт, – согласился Сквара.

Ознобиша помолчал и тоже вздохнул. Шмыгнул носом:

– Домой бы...

– Не, домой нам ходу нет, – хмуро пробормотал Сквара.

– Потому что убьёт?

Сквара промолчал.

– А ты его не боишься, – сказал Ознобиша.

Скваре хотелось сказать: ещё как боюсь! Вслух он ответил:

– Страх много, смерть одна... Толку-то прежде смерти помирать.

Он очень хорошо запомнил, как переворачивался в полёте острый клинок. А ещё сегодня он наконец рассмотрел следы лапок, благо теперь котляры, не скрываясь, подвязывали каждый свои. У зимовья, тогда ещё безымянного, под крайними соснами стоял и наблюдал Ветер. А убивал – Лихарь. Рано или поздно придётся рассказать малышу, но как открыть рот, вытолкнуть наружу слова?..

Ознобиша посопел, сказал:

– А нравно ты на кугиклах. Я вот сколько ни пробовал... Оботур на ухо наступил, говорят...

На третий день огонёк Жога Пенька ещё трепетал, хотя заметно ослаб. Светел долго баюкал руку отца, ставшую похожей на подгнившую репу. Пытался ободрить, очистить, поддержать его огонёк... Беда только, у самого сил почти не осталось. Зыка тоже это чувствовал. Кобель артачился, дичал. Неохотно ел, ещё неохотнее впрягался в работу. И совсем не желал слушаться.

Одно утешение – кончилось проклятое левобережье. Под ногами был добрый речной лёд. Ещё немного, и в сером тумане явят себя заледенелые кручи. А там-то уж...

Светелу упорно казалось: вот выбраться на Коновой Вен – и всё станет хорошо. Дома стены помогут.

Трезвый рассудок напоминал: где тот дом, где те стены! Ещё потратишь самое меньшее день, разыскивая тропинку наверх!.. Да каково-то санки взопрёшь!.. А не взопрёшь, только останется совсем Зыку распрячь. Может, догадается домой побежать. А и догадается, всё равно никто уже не успеет...

Тем не менее Светел дрался к родному берегу так, будто вправду выручки чаял.

Около полудня он увидел Арелу. Кудрявая девочка невесомо стояла на ледяном черепе, почему-то босая, в тонкой рубашке, по-андархски перехваченной их со Скварой пояском о семи цветах. Светел обрадовался, побежал к ней, с треском расшибая наракуй.

– У меня жених есть, – строго сказала Арела.

И развеялась облачком тонкой морозной куржи.

Светел очнулся, обнаружил, что убежал далеко в сторону. Шагов на пятнадцать, если не больше. Нужно было поворачиваться, тащиться обратно. От этой мысли он едва не завыл. С него и так уже, невзирая на туго затянутый гашик, норовили съехать штаны. Каждый переход сжигал так много сил, что потраченное не восполняла и жирная строганина. Светел просто не мог столько съесть.

Он высоко задрал ногу в лапке, разворачиваясь на следу. Зацепился пяткой за ледяной край, не удержал равновесия, упал.

Судьбы пишутся на скорбном листе... Светел немного побарахтался, отчётливо понимая: если не встать сразу, желание шевелиться очень скоро совсем оставит его. А потом к нему, замершему, склонится и одарит последним теплом Та, Которую принято было величать Незваную Гостьей.

Светел лежал. Даже мысль об отце, беспомощном и неподвижном на санках, поднять его уже не могла. Всё начало уплывать в печальную белизну.

«Сквара. Я с тобой не простился. Я обидел тебя. Я тебя обязательно разыщу. Может, через много лет. Ты уже старый будешь, седой, но я тебя всяко узнаю. Возьму за руку, домой отведу...»

Жаркая пасть сомкнулась на завернувшемся куколе. Жутко рыча, Зыка тряс его и возил, как нашкодившего щенка. Светел заскулил, попробовал перевернуться. Руки и ноги ещё не успели зайтись. Он уцепился за Зыкин алык, кое-как поднялся на колени.

По снегу волочился перегрызенный потяг. Светел оскалил зубы, посмотрел на север. Туда, где вроде бы уже выступали из мглы далёкие громады утёсов.

Неужто сдаться у порога так долго снившейся земли...

Светел вернулся к саням. Хотел размять Жога, но убоился, что свалится опять, на сей раз окончательно. Нет уж.

Как бы ещё нагнуться, надвязать потяг, не ткнувшись в снег головой...

– Вперёд, Зыка. Вперёд...

Когда на пределе видимого возникла чёрная точка, Светел решил было, что это опять шутила шутики усталость. Однако точка знай росла, быстро превращаясь в резвые санки.

Светел вскинул руки, размахивая посохом и крича.

Санки приближались на удивление скоро. Трое походников вихрили лыжами снег, саженными шагами дыбая через Светынь. Сзади, вывалив язык, попевал прилежный кобель. Светел узнал сперва рослого, широкоплечего Жога, потом Сквару, Зыку... последним – себя самого. Походники весело разговаривали и смеялись, только слов разобрать Светел почему-то не мог. И трое встречных тоже его не слышали, сколько он ни кричал.

«Следь моя – смерть моя...»

Увидеть обычно незримого двойника – это предупреждение и предвестье.

«Значит, смерть?.. Всем?..»

Горькая вроде мысль принесла чуть ли не облегчение. Жаль было Сквару, Зыку и отца, да и то... уже как-то не очень. Всё имеет предел, и свой предел Светел, кажется, перешагнул. Санки пронесли мимо, не потревожив сугробов, так близко, что снежком можно было добросить... Растаяли в морозном тумане левобережья.

Да и нам бы не изгаснуть вконец... Так он дошёл, что ли, дядя Кербога?.. Светел уставился на неясные очертания впереди, заковылял через реку. Снег ласково увивался в ногах, стелился пуховыми перинами, сулил отдых.

Шагов через десять Светел оглянулся. Зыка сидел.

– Вперёд!.. Убью!..

И опять он тропил, возвращался, срывал голос, поднимал недовольного Зыку, толкал санки. Падал... Вставал...

«Аодх, брат, что с тобой? Отзовись!..»

Светел понял, что ему опять чудится. Голос шептал в оба уха сразу, перекатываясь в голову. Светел вскинул глаза. Серое небо было пустынно. Хотя... Погодите...

Крохотная золотая искра над далёкими обрывами Вена...

Она разгоралась...

У неё мало-помалу обозначились крылья...

Зыка вскинулся на дыбы, завыл, дёрнул потяг, сдвинув санки.
Этого не могло быть.

Искра падала из-под облаков прямо на Светела. Могучие крылья подняли такой вихрь, что обессиленный мальчишка не устоял на ногах.

И уж это ему точно не примерещилось.

– Рыжик... – простонал он куда-то в шею припавшему к нему на грудь симурану.

Кое-как поднял руки, запустил пальцы в густой огненный мех. Рыжик царапал передними лапами его кожу, горячий язык вылизывал запавшие щёки.

«Аодх, что случилось? Где Сквара?... Почему...»

Светел мог только распахнуть перед ним свою память и беспорядочным потоком выплеснуть всё случившееся на левом берегу. Благо в таких потоках симураны умеют разбираться гораздо лучше людей.

Рыжик зашипел от горя и бешенства. Отпрянул от Светела. Ударил крыльями. Отлогий летящий прыжок сразу перенёс его к санкам. Зыка смиренно опрокинулся перед ним на спину, ведь против симурана самый грозный матёрый пёс беспомощен, как котёнок. Рыжик навис над ним, вновь жутко зашипел. В его шипении звучали слова, но это были пёсьи слова, Светел не понимал их. А вот Зыка понял, и очень хорошо. Вскочив, упёрся лапами в снег, натужно сгорбился – поволок санки.

Симуран, испускавший, казалось, собственное золотое сияние, легко перебежал назад к Светелу.

«Садись. Я тебя домой отнесу».

– Ты меня не поднимешь...

«Подниму».

Голова закружилась. Светел оглянулся на Зыку. На недвижимого Жога. Когда он ему руки последний раз оттирал?..

– Нет. Лети, брат. Скажешь, отцу плохо совсем...

Рыжик снова прильнул к нему, развернул широкие крылья. Светел провалился в его золотой огонь и некоторое время знал только родной спасительный жар. Потом симуран взял короткий разбег, ушёл в небо.

Что стремительному летуну расстояние, которое бодрые походники одолели за две седмицы, а Светел никак не надеялся проползти в одиночку!..

Светел провожал его глазами и не мог поверить, что помощь придёт, что будет всё хорошо.

Верёвка

Чем дальше на юг, тем чаще попадались населённые зеленцы. Мальчишек туда не отпускали, но днёвки, когда котляры пополняли съестные припасы и обменивались с жителями новостями, им выдавались.

– Говорят, там, впереди, есть места, где совсем снег не лежит, – сказал Ознобиша. – Там пупыши круглый год растут. И текуны, и папоротник... Мама как-то на торгу солёного папоротника купила. Сколько пряжи отдала... Мы его по ниточке разделяли, чтобы не кончался подольше...

Пока до благодатных мест было, похоже, ещё далеко, хотя поход продолжался никак не менее месяца. Долго ли оставалось шагать, котляры не говорили, а спрашивать как-то не хотелось.

На руках у Ознобиши красовались светло-серые варежки. Оботуров щиплют ранней весной, а теперь стояла середина лета, но много ли пуха на одни варежки нужно! Всего горстку длиннющих, волнистых, неощутимых ладонями паутинок. Сквара всё-таки ненадолго выпросил у Ветра свой нож: вырезать веретёна да вязальные иглы. Варежки получились красивые и тёплые невероятно. Ознобиша их очень берёт.

После стоянки на оттепельной поляне Сквара повадился наблюдать за потешными боями Ветра и Лихаря. Близко, конечно, не подходил, но полюбоваться случая не упускал. Однажды он снова увидел, как, подавая учителю деревянный меч, Лихарь о чём-то спросил его. Ветер нахмурился, он не хотел отвечать, но стень пристал вдругорядь. Тогда Ветер ответил. Да не словом – клинком. Погнал Лихаря так, что тот не знал уже, куда деться. Учитель достал его в бедро и по рёбрам, сшиб с ног, замахнулся так люто, словно убить возжелал... Всё-таки удержал руку. Коротко кивнул, давая на что-то согласие... бросил меч Лихарю под ноги, чего прежде не делал... ушёл.

Сквара остался думать о том, будет ли он сам когда-нибудь хоть вполовину так же хорош. Даже попробовал повторить некоторые движения Ветра. Собственное тело казалось тяжёлым и неуклюжим.

На другой день Лихаря нигде не было видно.

Хотён было предположил, что стень ещё не натешился в последнем зеленце с красивой девчонкой, – догонит небось. Они уже двигались пределами Андархайны, дороги были довольно наезженные, не то что в левобережной глуши. Однако Сквара всё же рассмотрел и узнал следы беговых лыж.

– Ветер его вперёд выслал, – сказал он Ознобише. И усмехнулся: – Чтобы там горницы светлили, пироги ставили...

Так они догадались, что поход приблизился к концу.

– Пироги?... – переспросил Ознобиша и вновь испугался. – Что с нами теперь будет?

– Поглядим, – сказал Сквара. – Может, что занятное.

Ознобиша обречённо поднял глаза:

– Ты, наверно, в воинскую учельню пойдёшь, ты вона какой. А я куда?

– А ты меня от ран лечить станешь. Или андархской грамоте подучишься, у богатого купца товары возмёмшься считать. Помнишь, сам хвалился, как матери нитки для браного узора на умах держал и не глядя подсказывал?

Они третий день шли густым лесом, не встречая селений. Ближе к вечеру в воздухе повеяло оттепельной влагой, а впереди показался большой купол тумана. Он сразу притянул к себе все взгляды. На самом верху, там, где сидячее паоблако рвалось клочьями, возносясь в серые тучи, заиндевелой каменной пятернёй проглядывала вереница чёрных полуразрушенных башен. Над каждой вился хвост пара, казалось, башни дымили, как исполинские трубы.

Одна, самая высокая, торчала неестественно косо, ещё две, обломанные судорогами земной тверди, утратили зубчатые макушки. Тем не менее башни стояли. Что-что, а строить андархи умели.

– Крепость... – прошептал Ознобиша.

Остальные сразу притихли, жадно и тоскливо глядя вперёд. Каждому помимо воли хотелось, чтобы дорога свернула и ставшая привычной неизвестность продлилась ещё несколько дней. В то же время все чувствовали нутром: вот оно. Прибыли.

Ещё поворот. Сани выехали из-за последних деревьев. Стало видно, что дорога упирается прямо в туман, а по эту сторону уже стоит народ, выбежавший встречать.

Это всё были крепкие парни помладше Лихаря. Очень подвижные, с глазами беспощадных и бесстрашных стрелков. Лыкаш уже вызнал, что этих ребят, ради отличия от взрослых мораничей, называли межеумками. Сам Лихарь тоже был здесь. Сквара невольно остановил на нём взгляд... Стень ещё издали как-то со значением кивнул Ветру, а почтительно поклониться подошёл уже после.

Мальчишки боязливо сбились в тесную кучку. Взгляды межеумков были пристальными, оценивающими: дельные ли души пришли Справедливой Матери послужить?

Сквара нахмурился, выставил челюсть, упрямо наклонил голову.

– Они все на меня смотрят!.. – прошептал перепуганный Ознобиша и что было сил вцепился в его руку.

Сквара ничего не ответил, но на всякий случай притянул сироту плотнее к себе. Ему эти парни отчётливо напоминали хищную стайку, жадную и хмельную, разгорячённую не только появлением новеньких. Потом Сквара заметил на утоптанном снегу пятна. Кто-то наследил кровью. Дрались, нос разбили? Кабана резали к пиру?..

Оботуры вдруг заартачились, заревели и встали.

Сквозь туман осязаемо наплывала безымянная, какая-то запредельная жуть.

Сквара ощутил мёрзлый ком в животе. Как он ни крепился, ноги стали чужими. Но на руке у него висел Ознобиша, значит, показывать страх было нельзя. Сзади всхлипнул Лыкастик и тоже, кажется, ухватился за кожух, но Сквара едва заметил его.

Межеумки с хохотом облепили оботуров, схватили их за кольца в носках, повернули, увели в сторону. Новых ложек погнали прямо вперёд.

Они погрузились в туман, вышли с той стороны и увидели то, что им назначено было увидеть.

У дороги росла большая сосна, простёршая над обочиной длинную и толстую ветку. Через ветку была переброшена тугая верёвка. И на ней, почти касаясь ногами земли, висел человек.

Если бы крепостные башни прямо сейчас начали падать, мальчишки, пожалуй, не заметили бы. Остолбенев, они смотрели только на висящего человека.

Он был вздёрнут за вывернутые руки, словно на дыбе. Рывки верёвки и вес тела выбили мышелки из суставов, беспомощно исковеркав когда-то сильные плечи. Ему позаботились обмотать запястья шерстяной тряпкой, чтобы петли не прорезали плоть, но кисти выглядели раздробленными. Половины пальцев не было вовсе, оставшиеся торчали как попало. А что самое страшное, человек ещё жил. Он дышал, раны сочились кровью. Ещё не поздно было обрезать верёвку, возвеселить в настрадавшемся теле огонёк жизни, залечить раны. Только миловать вздёрнутого вряд ли кто собирался. Его ждали последние муки и смерть.

Ветер прошёлся перед новыми ложками туда и сюда, вглядываясь в белые лица.

– Вот так, – сказал он, – у нас во имя Справедливой Владычицы карают отступников. Этому несчастному понадобилось оплевать материнский подол и предать наставников, пытавшихся вложить святые умения в его злостные руки... Вот ты! Да, ты! Кого ты, не заслуживший имени, видишь перед собой?

Вытянутый палец котляра указывал на Хотёна.

Тот еле выдавил онемевшими губами:

– От... ступ...

– Ты? – Палец указал на Дрозда.

Дрозд лишь открыл рот... и снова закрыл. Ветер досадливо шагнул мимо.

– А ты?

– Стойного человека вижу, – сказал Сквара. Подумал и добавил: – Красивого.

Ветер даже руку опустил.

– Стойного? Это с чего?

Сквара ответил:

– Вас тут вон сколько, и все страшные, а он против не забоялся пойти. И на пытке молчит.

– Молчит, – засмеялся Лихарь. – Голос искричал потому что.

И ткнул смертника концом посоха в рёбра.

Тот судорожно дёрнулся. Начал поднимать голову. За потёками крови ни цвета волос, ни черт лица было не рассмотреть. Густые капли кропили какие-то листки, валявшиеся в снегу под ногами.

Ознобиша вцепился в Сквару что было мочи, его колотило.

– Правда красён, – хмыкнул Лихарь. Шагнул вперёд и вдруг сцапал Ознобишу за ворот: – Иди-ка сюда, Подстёгин младший сынок. Пора увидеть наконец, к чему ты у нас годен.

В свободной руке он держал заряженный самострел.

Остальные ложки на всякий случай шарахнулись прочь.

Смертник открыл глаза. Всё ещё разумные и живые. И внезапно рванулся, насколько для него это вообще было возможно. Он пытался говорить, но обезображенный рот не мог произнести внятного слова.

Сквара вдруг догадался о чём-то и, ещё толком не осознав, о чём именно, сам схватился за Ознобишу.

– Помилуй его! – крикнул он Ветру.

Опёнка мгновенно отбросил и распластал крепкий удар кулака, он понять не успел, кто ему поднёс – Лихарь? Ветер? кто-то из межеумков?.. Сквара хотел вскочить, но увидел сразу несколько самострелов, глядевших в лицо. И замер, точно Жог Пенёк у Звигурова забора.

– Отчего ж не помиловать, – сказал Ветер. – Пестунчик твой и помилует. Увидим сейчас, годё ты на себе пёр или говно.

Ознобишины варежки валялись на земле, он топтался по ним и не замечал. Лихарь вкладывал ему в руки самострел, чуть не упираясь головкой стрелы смертнику в грудь, но малыш, бессильный от ужаса, мог только смотреть казнимому в подплывшие кровью серо-голубые глаза.

– Хватит бавить, стреляй! – пугающе грозным голосом рывкнул вдруг Ветер. – А то велю сейчас костерок под ним развести!

Как-то так это у него получилось, что Сквара наяву увидел голодное пламя, лижущее босые ступни. Кровавые листки показались растопкой. Ознобиша подпрыгнул, вцепился в самострел и надавил на крючок.

Толстым голосом отозвалась тетива. Болт, сорвавшийся с лонца, пробил листок, приколотый прямо к телу, высунулся из спины. Тело вытянулось словно бы с облегчением. Пузырями вырвался вздох, глаза начали гаснуть. Отступник обретал выстрадавший покой.

Ветер вышел вперёд и ещё раз оглядел новых ложек. Прозрачного Ознобишу. Сквару с разбитым ртом, наконец-то поднявшегося.

– А теперь я вам скажу, кого вы на самом деле видели. – Ветер смотрел только на Ознобишу. – Это был твой старший брат, Ивень.

Ознобиша ахнул, бросился, обхватил беспомощно вытянутые ноги. Он силился приподнять Ивеня, облегчить боль, которой тот уже не чувствовал. Голова мёртвого вяло свешивалась на грудь. Теперь было заметно, что волосы, где их не склеила кровь, отливают пепельным серебром.

– Срежьте его, – каким-то чужим голосом приказал Ветер.

Лихарь с надеждой спросил:

– Воля твоя, учитель... Кому позволишь верёвку забрать?

Сквара потом только узнал, что верёвка казнённого почиталась у андархов счастливой.

Ветер пожал плечами:

– Мальчишке, кому ещё? Его выстрел, ему и честь.

Некогда крепость высилась на мысу, господствуя над длинным, почти пресноводным морским заливом, удобным для кораблей и торговли. В те времена от матёрой суши её отделял ров с водой и острыми кольями. Когда землю корёжило после Беды, залив сперва превратился в озеро, потом стал снежной равниной. Мост не поднимали давным-давно – чего для? Он и прирос льдом к земле, теперь уже не поднимешь.

Пришибленных мальчишек втокнули в передний двор и велели скидывать кожухи, ненужные внутри зеленца. Ознобиша, застыв лицом, смотрел в никуда, только стискивал руками смотанную верёвку. Сквара снял с него кожушок, а верёвку обвязал кругом пояса. Ознобиша поднимал руки и поворачивался, как восковой. Он не противился, даже не плакал, но Сквара не сумел поймать его взгляд. Потом он заметил, что межеумки разбирают палки, лежащие у стены.

Первый удар, неожиданный и жестокий, обжёг сквозь рубашку Порошу, Хотёнова дружка. Тот взвыл от обиды и боли... И понеслось.

Межеумки били так, чтобы не покалечить, но вот помучить, напугать и унижить – сполна. Сквара отскочил, увернувшись от назначенного ему тычка, получил сзади по ноге и увидел, как палка опустилась на руку Ознобиши немного ниже плеча.

Тот даже не попробовал увернуться или прикрыться. Рука отнялась и повисла, но Ознобиша не изменился в лице. Сквара успел испугаться, что несчастный малыш так и даст ошалевшим от крови детям забить себя насмерть. Он подскочил к сироте, схватил его в охапку и под градом ударов потащил следом за всеми, туда, куда их, кажется, направляли, – в низкую дверь под каменной перемычкой.

После двора внутри было непроглядно темно. Сквара сразу подвернул ногу, полетел по шербатым ступеням вниз, в кучу таких же неловких барахтающихся тел. Сверху в него напоследок запустили палкой. Дверь захлопнулась. Лязгнул засов.

– А ты – пироги, – отряхиваясь, зло буркнул Пороша. – А уж горницу-то огоили...

Сквара промолчал. Что тут ответишь. Он торопливо ощупывал Ознобишу – живой ли. Сирота не отзывался, но, во всяком случае, дышал и глазами моргал.

Немного привыкнув к скудному свету, Сквара стал озираться.

Они сидели в просторной палате с высоким сводом и каменными стенами. Сквара ещё никогда в такие хоромы не попадал. Что здесь было прежде, когда крепость кишела воинской жизнью, господствуя над большим торгом? Может, молодецкая, а может, холодница для припасов. Что делалось в отдалённых углах, разобрать покамест не удавалось. Ни печки, ни свечки, ни плохонькой лучинки в светце.

Единственный свет вливался сквозь маленькое окошко высоко на стене. Сквара долго смотрел на него, потом бережно уложил Ознобишу и подошёл.

Стоя на полу, до окошка было не дотянуться, но стародавние сотрясения нарушили кладку. Одни камни всунулись внутрь, другие подались наружу; ещё чуть, и стена рухнула бы

совсем. Камни были скользкими от влаги, но Сквара, цепляясь, влез на самый верх. Ухватился за поеденную ржавчиной решётку, посмотрел наружу.

Окошко выходило в тот самый двор, где их приняли в батоги. Сквара против воли искал глазами тело несчастного Ивеня. Его, конечно, здесь не было. Оно и понятно. После такой-то казни кто ж ему даст честное погребение. Небось уже отволокли в лес, зверям на поживу.

Зато посреди двора стоял Ветер. Каменный чертог был, оказывается, порядком заглублён в землю. Голова Сквары торчала в окошке вровень с ещё не обтаявшими сапогами котляра. Ветер рассеянно слушал мужчину, вышедшего из внутренних покоев. Этот человек выглядел ему ровесником, но в отличие от жилистого походника тешил своё брюхо явно охотнее, чем трудил мышцы. Оно, это брюхо, обидно и некрасиво свисало через ремень, мужчина стыдился и втягивал его, потом забывал. Светлые волнистые волосы, скоблёное рыло, длинные ухоженные усы... Вот он дружески хлопнул Ветра по плечу, словно подбодрить хотел. Тот, хмурый, смотрел в сторону, не отзывался. Однако толстяк не отставал, беседа понемногу пошла.

Ветер называл мужчину «державцем», «высокостепенством» и ещё Инберном, – наверное, это было имя. Оба вначале говорили по-андархски, потом Инберн спохватился, перешёл на смешанную молвь Левобережья, не иначе из уважения к Ветру. Он поздравлял котляра с благополучным прибытием, звал подкрепиться с дороги. Дескать, с ночи не давал роздыху варям и сам не выпускал из рук скалку и нож. Зато какие расстегайчики удались!..

Ветер недоумённо и болезненно смотрел на него: расстегайчики?.. Сквара вдруг понял, что видит самое настоящее горе. Всего лишь показавшееся из железного кулака, в коем Ветер замкнул его на время похода. Не с одним Ознобишей сегодня случилось могущее кого угодно сломать... У Ветра тоже сидела в сердце стрела, почему?..

Инберн не унимался. Рассказывал он о своих трудах не то чтобы многословно, но до того вкусно, что в животе тоскливо заныло. Тут Сквару заметил кто-то из межеумков. Подкрался, ткнул батогом сквозь решётку, угодив как раз в негнущийся палец. Спасибо толстенной стене: возбранила достать в полную силу. Тем не менее Сквара охнул, шарахнулся, едва не упал, поспешно ссыпался вниз. Во дворе засмеялись.

– Что там? – негромко спросил Лыкаш.

– Двор, – сказал Сквара. – Ветру окормыш какой-то здравствует, боярин вроде... Инберном зовут. Пир ладить хотят.

– Эх, – вздохнул кто-то.

Без кожуха спине и плечам уже делалось отчётливо холодно. Гораздо холодней, чем снаружи. Было, однако, столь же отчётливо понятно, что никто не собирался ни выпускать их, ни кормить.

Мальчишки стали сползаться ближе друг к дружке. Спустя недолгое время самые наглые полезли в середину, выталкивая робких и слабых. Повторялась та первая ночь в походном шатре, только тогда все были одеты для ночлега в голом снегу. И если не сыты, так каждому хоть лепёшка брюхо грела. В мозглой каменной холоднице уже зуб на зуб не попадал.

– Меняться надо, – сказал Сквара.

– Надо, – отозвался Лыкастик. И не двинулся с места.

Сквара повторил громче:

– Слышь, гнездари! Меняться надо, а то утром ни рук, ни ног не найдём!

Данникам Левобережья обычно нравилось это прозвание, как бы приближавшее их к настоящим андархам, но Хотён внезапно озлился:

– Много воли взял, дикомыт! Покажу сейчас, где раки зимуют!

Кулаки сжались сами собой. Захотелось начистить рожу обидчику, а заодно выплеснуть всё беспомощное зло этого дня.

– Где ваши раки зимуют, мы весь год живём!.. – зарычал в ответ Сквара.

Начал подниматься... вдруг опаматовался. Остыл.

На Коновом Вене тоже подчас и ссорились, и дрались. Но безрассудной, слепящей ярости в людях там ох не жаловали. Поди позлился так-то в уединённом зимовье, пережидая затяжную метель...

Сквара выдохнул, расцепил кулаки, просто сказал:

– Кто правски меняться хочет, ползи все сюда.

Сначала к ним с Ознобишей, как тогда в шатре, подобралась малышня. Потом – Воробыш, другие постарше... Наконец – Хотён с Порошей, сопящие, недовольные, а куда денешься? Говорят, голод не тётка, так и холод не бабушка...

Спал Сквара урывками. То через него кто-то полз, в середину или обратно, и обязательно упирался острой коленкой в живот, то самому приходил черёд меняться, тащить с собой Ознобишу: тот после гибели брата ни слова не произнёс и не двигался, смотрел в пустоту...

В какой-то миг Сквара подхватился, как от удара, рывком сел и понял, что сироты рядом нет.

Сразу стало жарко.

Сквара завертел головой, успев единым духом передумать и вообразить всё самое скверное, что с малышом могло произойти без присмотра.

Ночное летнее небо было далеко не таким светлым, как дома, но уловить движение позволило всё равно. Сквара вскочил, запнулся о чьи-то ноги, бросился к стене и, настёганный страхом, проворно вскарабкался наверх.

Так и есть!.. Ознобиша догадался пустить в дело удачную верёвку казнённого. Обмотал одним концом прут решётки, показавшийся ему самым надёжным, на другом конце сделал петлю и как раз надевал её через голову. Сквара перво-наперво схватил сироту, чтобы не спрыгнул. Стал растягивать и снимать с него петлю. Ознобиша отбивался, молча, с неожиданной силой, но Сквара был сильнее и верёвку у него в конце концов отобрал.

Спустился вниз, мало не свалившись. Утащил сироту в глубину обширной холодницы, чтобы не переполошить всех.

Здесь было устроено какое-то посрамление правильного очага, смахивавшее на полуразбитую печь. Каменная пасть в стене, предназначенная для огня, мазаная труба вверх... Когда-то по ней весело уносился жаркий дым и мелькали светлые искры, но дров в эту пасть давно уже не бросали. Сверху невозбранными волнами накатывал холод.

– Я всё равно жить не буду, – чужими губами выговорил Ознобиша. – На мне... Ивеня кровь... Я к нему... припаду лучше...

Сквара спросил его:

– Так ты что, не видел?

Даже в плотных потёмках глаза Ознобиши были круглыми, белыми и незрячими.

– Как он кивнул тебе, – продолжал Сквара. – Чтобы ты стрелял.

Ознобиша молчал.

– Мне бы вот так самострел сунули и сказали убить кого, я бы тоже правость всю растерял, – сказал Сквара. – Ивень тебя узнал, я точно видел. Ты прежде маленький был, но у вас же волосы одинаковые... глаза... Его правда ещё взяли бы стругать, а потом всяко убили. Ивень тебе свою жизнь с рук на руки отдал... Он хоть умер, родное лицо видя... Не всякому так везёт. А ты в петлю? Будто он обрадуется, если трусишь?

Ознобиша всё молчал, только в глазах что-то постепенно менялось.

– Мама... – проговорил он затем. – Отик...

Настал черёд Скваре молчать.

– Они... – тяжело сглатывая, продолжал Ознобиша. – Если Ивень... против Мораны... они... они же семьян... Сами нам говорили... Они... когда уводили меня... Ветер, Лихарь...

На самом деле что-то в нём догадалось уже давно. Только верить не хотело.

– Твои обнимают Ивеня на Звёздном Мосту, – прошептал Сквара. – Их примет светлый ирий, и камни не покатятся из-под ног. Мы их нашли путём в Житую Росточь. Валунками покрыли...

Ознобиша не завыл, не заплакал. Как плоть вспухает и немеет под слишком лютыми батогами, так душа просто не может поднять сразу всей боли. Он тихо спросил:

– Их... как Ивеня?

– Нет... их сразу. Если не врут следы... Лихарь стрелял.

– Лихарь, – повторил Ознобиша.

Сквара между тем рассучил верёвку на тонкие пряди и теперь плёл, ошупью творя и стягивая узлы.

– Они Ивеня мучили, – тихо проговорил Ознобиша. – Пальцы рубили. Руки вязали... А я с ними... под одним кровом спать стану? Слово приветное молвить? Из одной мисы хлебать?

Он даже не всхлипывал. Правду люди говорят: по полугорю не плачут, а целого и плач неймёт.

Сквара сказал:

– Ветер моему ате кровь отворил.

Зря сказал, наверное. Ознобиша промолчал, не стал мериться с ним несчастьями. Сквара попытался думать о том, как-то раненый Жог и маленький Светел добрались домой. Думалось плохо.

Ознобиша вдруг спросил:

– А нам если велят... вот так кого?

Холод в подвале стоял не то чтобы жестокий, а хуже... подлый. Он не накидывался в открытую, как честный мороз. Брал исподволь, незаметно проникая сквозь штаны и рубашки. Пора было идти к остальным.

– А друг друга если?.. – прошептал Ознобиша.

Сквара вздохнул. Ответа не было.

– Страх много, смерть одна, – повторил он. – Что загодя бояться? Придёт пора помирать, тогда и помрём.

Ознобиша спросил по-прежнему шёпотом:

– Каково отомщу?..

Сквара долго молчал. Думал.

– Отомстить можно по-разному, – сказал он наконец. – Ты умный, доищешься. И я мозговать стану.

Закончив плести, он перехватил пряди зубами. Взял правую руку Ознобиши, надел на неё плетёжок, затянул, закрепил – не сбросить, не снять, разве только обрезать.

– Это что?

– Это памятка тебе. Ради Ивеня наручень. Захочешь опять в петлю, на него поглядишь.

Ознобиша вздрогнул, сказал:

– Ты себе своей такой же... буду тебе меньшей побратим...

– Мёртвый не без могилы, живой не без доли, – сказал Сквара и снова взялся плести. – Завтра день встанет, братейко... живы будем, посмотрим, разберём... а там, глядишь, сами кому в разбор поднесём... за все обиды разведемся... и честь свою возьмём...

Доля вторая

Последний приказ

Старенькое бёрдо было заправлено на непростой трёхцветный узор – для опытной ткахи. Светловолосая девочка поглядывала на клочок берёсты с нанесённым рисунком, напряжённо хмурила брови, боясь ошибиться.

– Зелёная вниз... Красная вверх... Ой... Опять пропустила!

И досадливо выдернула бральницу, чтобы начать ряд сначала.

– Дай я попробую? – переступила с ноги на ногу вторая девочка, державшая бёрдо.

Девки-полугодьё выглядели ровесницами и были похожи, как сёстры, только вторая обещала подняться настоящей красавицей. Может, поэтому и считала, что всё у неё должно получаться лучше, чем у других.

– погоди, – отмахнулась первая. – Сама хочу.

Было уже далеко за полночь, у неё отчаянно слипались глаза, но она не сдавалась.

– Я рядок всего, – сказала красёнушка.

Ткаха снова сбилась с узора:

– Ты братца Аро попроси другое бёрдышко сладить, если терпежу нету! Сладишь ведь, братец?

Круглолицый мальчик подумал, хмуро отозвался:

– Почему уж не сладить...

Ему под ноги на чистый пол слетали прозрачные стружки. За стружками добычливо бросалась резвая кошечка, пушистая, нежной облачной шерсти. Она то валялась на спине, теребя пойманный завиток, то запрыгивала мальчику на колени, желая проследить, как являлись игрушки. Неулыба кошку не гнал, только следил, чтобы не лезла под ложкорез.

Дом выглядел полупустым, зато все сидели обутыми по-уличному и у каждого под рукой лежала толстая одежда. Так ведут себя люди, которые уже сложили в путь вещи и только ждут слова, чтобы поклониться порогу и идти со двора. Но слово мешкает, и они маются в повалуше, коротая ожидание за рукодельем.

Поджарый седоватый мужчина, сидевший на лавке, поднялся на ноги, беспокойно заходил из угла в угол. Из-под рукавов кожаного чехла выглядывала кольчуга, сбоку в потёртых ножнах висел прямой меч.

– Ещё и Серьга вот запропастился, – пробормотал он вполголоса. – Ну, пусть догоняет как хочет... Ларец куда уложили?

В сенях зашуршало. Сероглазая ткаха уронила разом и бральницу, и берёсту с узором, братец Аро подхватил на руки кошку, мужчина мигом оказался возле двери.

Та приоткрылась. В щель сунул вихрастую голову молодой парень. Заметив, какой переполох вызвало его появление, он подмигнул девкам, смущённо заулыбался:

– Да тихо всё, дядя Космохвост... Я так просто.

Мужчина убрал руку с меча:

– Серьга-то появился?

– Нет, дядя. Не появлялся.

Дверь снова закрылась.

– Шапку вздень, олух! – рявкнул вслед Космохвост.

В сенях прыснули смехом. Шаги удалились.

– Ещё вот и Серьга как в прорубь свалился, – проворчал Космохвост. Проходя мимо резчика, подгрёб ногой стружки, строго велел: – Станем насовсем уходить, подметёшь тут.

Мальчик, не поднимая глаз от работы, послушно кивнул:

– Подмету, дядя Космохвост.

Как и сестрица, он брал ремесленную снасть левой рукой.

Перепутный дом, выстроенный ещё прежде Беды, был просторным. В большой избе, где прежние хозяева витали семьёй, теперь была чистая повалуша. В малой, некогда предназначенной для гостей, стучали горшками стряпей. Решив перебраться за море, хозяева оставили двор двум вольноотпущенницам, старой и молодой. Женщины взялись домостройничать, дело пошло неожиданно споро. Не пожалели небось, что решили остаться. Проводят нынешних жильцов и с теми же поклонами выйдут новых встречать.

За стеной слышались голоса, потом дверь снова открылась. Вошёл крепкий мальчишка, принёс шаечку да деревянное ведёрко. Над горячей водой перебежал пар.

– Полночи осталось, – проговорил мальчик с надеждой. – Может, хватит уже мне голову светлить?..

Волос у него был по концам в точности как у белобрысого Аро, возле корней проступала природная русость.

Космохвост кивнул, думая о своём, проворчал:

– Верно, хватит. А ты светли знай.

Красёнушка взяла у паренька шайку, посыпала на дно горсть колючего порошка из лубяной коробочки, залила водой. Изошёл такой дух пареного сена и летних цветов, что даже братец Аро оставил работу и потянул носом, а на губах обозначилось что-то вроде улыбки.

Ткаха пересела, оттягивая привязанные к поясу нитки, свободной рукой подняла бёрдо, напряжённо зашевелила губами, глядя на берёсту. В таком положении считать узорные нитки было ещё тяжелей.

Русый мальчишка обречённо вздохнул, усевшись, низко наклонился над шайкой. Из-под ворота стёганки явили себя железные звенья.

– Шею вытяни, – велела девочка.

Стала привычно плескать ему на голову душистое зелье, с тщанием втирать в корни волос. Он что-то бормотнул ломким голосом, недовольно. Остаток ночи ему предстояло маяться в старом полотенце, намотанном словно бабий повойник, и терпеть шуточки по этому поводу.

Братец Аро вдруг сказал:

– Дядя Космохвост, может, лучше меня под него луковой шелухой красить? Я небось терпеливый...

Страдалец погрозил ему кулаком. Девки засмеялись.

Космохвост не ответил. Он смотрел на кошку. Та, оставив играть стружками, подбежала к двери и напряжённо выслушивала за ней что-то, ускользавшее от косного внимания людей. Когда кошка вдруг распушилась, став в три раза больше обычного, поставила веретеном хвост и яростно зашипела, Космохвост принял решение. Обернулся к четверым подопечным, увидел, что все они тоже смотрят на кошку, резко выдохнул:

– Прячься!

...Ребята на миг замерли. Или наоборот – не они замерли, а время продлилось. Ткаха медленно-медленно резала маленьким ножиком привязанные к поясу нити, они утекали в щели и отверстия бёрда, знаменуя неворотимый конец. Космохвост накануне услышал, как шептались названные сестрицы: пояс, если выйдет хорош, предназначался ему. Мокроголовый парнишка отряхивался по-собачьи, не дожидаясь рук с полотенцем, а у вдумчивого Аро падал из-под резака последний завиток стружки. Ложка, и это Космохвосту тоже было известно, предназначалась дядьке Серьге. Всё равно больше нечем было отблагодарить за верную службу, а ложки получались сущее загляденье...

А потом они все разом сорвались с мест, потому что он крепко научил их, как поступать, если однажды он вот так велит прятаться.

Братец Аро только оглянулся в поисках кошки, но любимица успела исчезнуть, недосуг было искать, куда подевалась. Брат с сестрой мигом закатились под лавку, юркнули в узкую дыру, съехали в тёмное подземелье. Съёжились, притихли возле дощатой стены. Рядом зияло отверстие бокового лаза, оттуда тянуло морозом.

Двое оставшихся задвинули на место тяжёлую западню, оклеенную берёстой. Горстями бросили мусор. Не догадаешься, где пол нарушали.

Со двора донёсся крик, звучавший последним предупреждением и последней болью.

– Эх, – горестно зарычал Космохвост.

Выдернул из вторых ножен кинжал, бросился в сени. Мальчик с девочкой переглянулись, побежали за ним. Настала пора сделать то, к чему он их готовил несколько лет. А сделав – скорее всего, умереть, как уже умер старший воспитанник Космохвоста.

Наружная дверь распахнулась навстречу, со двора проникла хищная тень... Соприкосновение с мечом Космохвоста заставило тень обрести плоть, залиться кровью, рухнуть им под ноги.

Выскочив вон, Космохвост мгновенно метнулся в сторону. В мёрзлую притолоку на полладони вошли сразу два болта.

– За спину! – громко приказал он подросткам. – Прорубимся!..

– Эльбиз, не отставай! – крикнул мальчик.

– Братец Аро... – жалобно, как учили, пискнула девочка.

Страх изображать не пришлось, ей и так было страшно. Она выхватила из-под плаща маленький самострел. Разрядила туда, откуда прилетели первые болты. Из темноты послышалась ругань. Игрушечное с виду оружие с двадцати шагов разило без шуток.

Они выполнили приказ Космохвоста, но намерение прорубиться оказалось куда проще высказать, чем исполнить. Толком не отойдя от крыльца, их наставник уже отбивался сразу от двоих в удобных короткополых одеждах цвета снега в ночи. Люди казались гибкими и проворными, но надо было видеть, что творил Космохвост. Меч и кинжал пели на голоса, выводя любому, кто совался, жуткую погребальную песню.

Не только для двоих подростков это был самый главный бой, а скорее всего, что и последний...

Мальчишка ахнул, споткнулся, сломался в поясе.

Девочка с перепугу чуть не назвала его настоящим именем, однако выучка взяла своё.

– Братец Аро!..

Он пытался говорить, но только хрипел.

За углом клетки послышался злой крик, кого-то приложили о брёвна.

– Сказано, ососков не трогать!

Наказанный жаловался: «ососок» только что проткнул ему болтом ногу, да и брать непременно живьём никто вроде не велел. Стрелка приложили вдругорядь. Живого всегда убить можно, а вот мёртвого поди оживи!

Космохвост оглянулся посмотреть, что там с воспитанником. Не надо было ему этого делать. Чужой быстрый меч тут же вскрыл на нём кожаный чехол, проскрежетал по кольчуге. Воин досадливо зарычал, убил слишком шустрого нападавшего, схватился с другим.

Подбитый парнишка мотал головой, силился разогнуться. Названная сестра обхватила его поперёк тела: хоть собой прикрыть. Их защитник, понемногу теснимый обратно к двери, вновь оглянулся. Хотел, наверное, выкрикнуть последний приказ, но в этот раз не довелось.

– Во имя Владычицы! Погоди, Космохвост, – поднял руку вражий вожак.

Голос оказался молодым, звонким, совсем как у погибшего Бранко. Все налётчики были в меховых рожах, что надевают в крепкий мороз. Щель для глаз да круглый продух у рта. На этой личине были нарисованы ещё и усы, не иначе в знак старшинства.

Космохвост опустил меч, поглядел на раскиданные тела, хмыкнул:

– Плохо учит вас Ветер. Нас в своё время строже учили!

Вожак не остался в долгу:

– Сам в сапогах, да след босиком! Бранко так натаскал, что он нас мало не проворонил...

Лучше скажи, кого за спиной прячешь? Правских царевичей или подставу?

– Мальчишка – заменок, – уверенно сказал стрелок. – Ишь, корчится! Царевича он сразу на руках бы унёс!

– Зато девка точно царевна, – сказал другой. – Хороша-а! Вот бы её...

Девочка ахнула, испуганно и стыдливо, хотя на языке висело ругательство. За неё, с натугой разогнувшись, выбранился парень.

– Нешто и Эрелис настоящий? – удивились из темноты.

– А подстава где же?

– Заместки в доме сидят, – догадался стрелок. – В царских ризах. Он истовиков поплоче одел и вырваться думал с ними, нас обмануть!

Вожак вновь поднял руку. Стало тихо.

– Ты добрый пёс, Космохвост, – сказал он спокойно. – И дом сгорел, и хозяина давно нет, а всё стережешь!

Воин засмеялся.

– Плохо учит вас Ветер! – повторил он. – Откуда тебе знать, Белозуб, сколько у меня подстав и куда я правских царят дел?

Тени засмеялись в ответ.

– Знаем уж, – отмахнулся вождь. – Сдавайся, рында. И нам лишнего не мёрзнуть, и тебе меньше ран принимать.

Космохвост пожал плечами:

– Боялся бы я ран, вовсе тут не стоял бы.

Вожак насмешливо покивал. Из-под нарисованных усов вырвалось облачко пара.

– Сеггара на подмогу ждёшь? Так не жди, не придёт. Мы о том позаботились.

– Сеггар придёт, – спокойно сказал Космохвост. – Моё дело дожидаться.

Вожак покосился на своих:

– А нам тоже спешить некуда. Сейчас дом-то подпалим...

– С твоих гроз я велик возрос, – сказал Космохвост. – Не подпалишь. Тебе доказать надо, что сущих царевичей погубил.

Человек в меховой харе переступил с ноги на ногу. На это движение из сеней вылетел шипящий клубок и, взмыв, шарахнул когтями прямо в глазную скважину.

– Кошка!.. – закричали во дворе. – Царская дымка! Это истовики у него!..

Космохвост резко обернулся к подросткам:

– Бегите!..

Вот он и прозвучал, последний приказ, послушаться которого было нельзя... Девочка снова обхватила названного братца. Оба повернулись, молча юркнули обратно в сени.

Вожак нападавших метнул руки к лицу, но сорвал только личину. Кошка уже исчезла, бесследно растворившись во мгле.

– Так я и знал, что это ты, Белозуб, – сказал Космохвост. – Поделом тебе, дураку! Разбойников нанять ума не хватило? Сам решил славу взять? Или Ветер денег не дал?

– Вперёд!.. – зажимая лицо ладонью, рявкнул вождь.

Охромевший стрелок и его товарищи вновь выхватили оружие.

Мощный голос рынды был хорошо слышен в погребѣ. Стало понятно, что наверху дела совсем плохи. Тогда брат с сестрой нащупали и сдвинули вторую западную, тайную, о которой не знали ни служанки, ни даже дядька Серьга. Отворилась ещё яма, совсем тесная, только-только вжаться вдвоём. Ребята спустились в нижний погребишко и затворились. Коленки, поджатые к груди, не давали вольно дышать.

Братец Аро вдруг начал шарить кругом себя, не нашёл искомого, потянулся к западне, пригнетавшей им волосы:

– Тесличку сверху покинул...

Вот ведь как. Привелось от смерти скрываться, и что с собой унесли? Небось не ларец с дорогими памятками родителей, оставшийся в мяготи дорожного выюка.

Сестрица Эльбиз поймала руки брата, крепко сжала.

– И добро, что покинул, – шепнула она. – Станут смотреть, скажут: были, ушли...

Сестра говорила дело. Царевич опустил голову.

Наверху лязгало, громыхало, там ревели жестокими голосами и что-то падало так, что с западни сыпалась пыль. Потом всё начало затихать.

Брат с сестрой ухватили друг дружку, слиплись в один комок. Они знали, что вот теперь нужно ждать самого страшного.

Кто-то не вошёл – ворвался в хоромину, затопал над головами, рубанул дверку голбца, с грохотом опрокинул скамью... Эрелис и Эльбиз втиснулись пуше. Долетел девичий крик. Надсадный, беспомощный, полный страха.

– Нерыжён... – стуча зубами, выдохнул мальчик.

– Нет, – тряским голосом возразила сестра. – Нерыжён бы им с три короба наплела и мною сказала.

Крик стал совсем нестерпимым. Захотелось сотворить всё равно что, лишь бы он прекратился. Эрелис всхлипнул, завозился впотьмах:

– Её же... они её... выйду...

Эльбиз что было мочи вцепилась в его руки:

– Дядя Космохвост не для того им путь заступал! И Нерыжён с Косохлёстом под стрелы шли! И Бранко...

Она была на год старше, поэтому сразу вырваться он не смог. В доме взывала ещё и старуха. Толком разобрать из погреба не получалось, лишь то, что она велела молодой прикусить язык, не брать на душу срама.

– Тебе помнить, как за тебя умирали, – глотая слёзы, шептала брату сестра. – Тебе праведно царствовать ради их чести...

Раздались удары топора, треск дерева. В повалуше корчевали лавку. Потом со стуком отвалили верхнюю западёнку. Царевичи разом уставились вверх, замерли в темноте, прикрывая лица ладонями. Когда в погреб, прямо им на головы, спрыгнул человек, дети судорожно дёрнулись, стукнувшись лбами. Однако тяжёлая крышка не выдала, не оказала себя среди других половиц. Человек заметил сперва ложкорез под ногами, потом дыру бокового лаза. Торжественно заорал, начал втискиваться в нору. Его сапоги скребли и скользили по доскам.

За первым полез второй, остальные побежали наружу.

Тайный лаз, устроенный ещё прежним хозяином перепутья, выводил в дровник. И поди разбери в снегу слабенького зеленца, вылезал ли кто оттуда недавно.

Довольно долгое время наверху ничего не происходило. Потом в погребишко начал проникать спирающий дыхание чад, а слуха достиг тяжёлый глухой треск.

– Запалили всё-таки, – сказала Эльбиз.

Эрелис отозвался:

– Само могло, от лучины...

– Так и так гибель, – закашлялась сестра.

Она держала в руках никому теперь не нужное бёрдо. Резные углы оставили глубокие следы на ладонях.

Западня, плотно всевшая от тяжести и возни, поддалась через великую силу. Приподняв её наконец, царята увидели над собой тучу плотного дыма и сквозь неё – багровые сполохи. Дышать сразу стало нечем. Как раз когда они высунулись, что-то начало рушиться. Пришлось снова прятаться. Второй раз они поднимали крышку уже вкупе с большой горящей доской, порывавшейся упираться и застревать. Стало ясно, что в третий раз может не получиться. Эрелис сжал в кулаке подобранный ложкорез и, понукаемый сестрой, полез через ход.

Крышка в дровнике, которую берегли и никогда не заваливали тяжёлым, оказалась прижата. Сколько ни пыжились брат с сестрой, она едва подалась, только дерево чуть слышно постукивало о дерево. Случайно раскатилась поленница или в ней что-то искали – какая теперь разница. Сзади подбирался гибельный чад. Немного подышать таким, и сперва тело разучится двигаться, потом душа забудет, как ей в теле держаться.

– Покричим? – спросила Эльбиз.

– Нет, – принял решение Эрелис. – Кому надо, те знают, а кто не знает, те нам не друзья. Девочка еле слышно заспорила:

– Дядя Космохвост ради нас...

Мёрзлые поленья над ними затеяли дробную торопливую пляску.

Царевич устроился перед ходом, где таилась сестра. Поудобнее перехватил нож... Сердце колотилось во рту.

Крышка лаза откинулась. Эрелис выдохнул. Сверху на него смотрели оба заменка. Зря ли они в этом доме прожили целых полгода? Тайная хоронушка поблизости у Космохвоста была далеко не единственная...

В раскрытых дверях гибнущей избы метался огненный свет, пожар уже подгрызал изнутри тяжёлую крышу. Скоро она обрушится, станет погребальным костром девушке, замученной подручными Белозуба. Молодой Бранко, всё ладившийся к ней с поцелуями, метался в углу двора. Он так и не надел шапки. Его убили длинным ножом в шею: он не должен был кричать, но как-то сумел. Другие тела все исчезли. Бабка, простоволосая и босая, сидела на колоде, качалась, плакала. Рубаха на ней была разорвана донизу, попятнана кровью. Подростки едва успели заскочить в стряпную, где бросили женщин. Теперь девки пороли тёплый плащ, ладили старухе какие-никакие опорки.

И никто даже не поминал о драгоценном ларце, то ли сгинувшем в пожаре, то ли украденном. О нём ли печалиться!

– Дядя Космохвост... – глядя на пылающий дом, тихо выговорил царевич.

– До места, где сани стояли, кровяной след, – ответил юный рында. – Чей, не разберу.

Он горбился, прижимал руку к груди. Добрая кольчужка выдержала удар, но ребро было сломано. На волосах болтались шарики льда.

Подошла сестрица Эльбиз.

– Не так-то долго искали, – тревожно поделилась она. – Решили, мы все дымом задохлись? Али спугнул кто?

Ребята переглянулись.

– Значит, Сеггар близко уже, – рассудил царевич. – Навстречу пойдём или дядьку Серьгу обождём? Твоё слово, Косохлёт.

И чинно поклонился, свидетельствуя, что верен зароку и помнит, кто отныне главный защитник.

– Ждать некогда, – сурово, сквозь зубы ответил тот. – Бабку...

– Ступайте налегке, детушки, – утёрла слёзы старуха. – Я-то пожила.

– Мы повезём, – одним голосом взмолились девчонки. – В дровяных саночках, вон стоят...

– Бабушка Орпея нас не выдала, – добавил Эрелис.

– А ещё слушать обетовались, – голосом, какой наверняка был в юности у прежнего рынды, проворчал Косохлест.

Скоро о том, что в разгромленной избе погибли не все, говорила только узкая полозновица, протянувшаяся к дороге. Да и та от жара огня уже оплывала.

Растрёпанные рукавицы

– Вот тебе ещё вот так! И вот так! Что, получил, Ветер?.. Щады тебе? А не пощажу! Ты моему ате кровь отворил! А ну говори, таракан, куда брата увёл?! Не то сейчас доказню!..

Кулаки Светела крушили невидимого врага. Он не замарает меча, меч против таких ему не потребен. На руках у него не нагольные дельницы, а сущие латные рукавицы, пластинчатые, со злыми выступами на костяшках. И сам Светел – рослый, бородатый и гордый, с блёстками серебра по вискам, в доспехе на широких плечах.

– А тебя, Лихарь, я и спрашивать не стану, я тебя сразу ногой в землю втопчу!

И Лихарь распростёрся рядом с Ветром, униженно моля взмиловаться.

– Живо говорите, дрянчуги, где брат?!

Под снегом пробудились бурлящие кипуны, поверженные враги стали биться, проваливаясь в клокочущий вар. Светел разжал грозные кулаки, повернулся в другую сторону, туда, где был Скварко. Брат стоял на коленях у каменной стены, заморённый голодом и закованный в тяжёлые цепи, потому что его хотели заставить служить жестокой Моране, да не на такого напали.

– Пойдём домой, братёнок, пойдём домой, – зашептал Светел и могучими руками разорвал цепи, поднял брата, обнял, повёл...

Сквара с самого начала называл его «братищем», а он Сквару – «братёнком», хотя надо бы наоборот, но уж так у них повелось.

«А если он меня, взрослого, не узнает? Если ему там вообще глаза выкололи за смелость?..»

Он всего на миг представил Сквару слепого... нутро стиснула холодная лапа. Светел крепко зажмурился.

– Брат за брата, встань с колен...

Это он выговорил одними губами, но с такой жаждой и мечтой, что, отзовись ему Сквара прямо сейчас, дивиться было бы нечему.

Сквара не отзывался...

Светел тяжело вздохнул, открывая глаза. Кругом было пусто. Только Зыка, задравший ногу возле сугроба, да снежный горб дальнего амбара, куда их послали за куском сала.

Мечтать было весело. Одна беда – сидя на полатах, до дела не домечтаешься. Перво-наперво Светел взбежал на самый верх амбара, огляделся: не идёт ли великая тётушка Шамша Розщепиха, вдовья сестра большака. Её ещё называли Носыней, за длинный нос и привычку всюду его совать. Удостоверившись, что старухи не видно, Светел зашёл в амбар, открытый ради обновления воздуха. Вытащил наружу мешок.

Это был его мешок, который взрослые считали потешным. В нём хранилась порядочная чушка льда, вырубленная на спускном пруду, обложенная сухой травой и хвойными лапками, завернутая в рогожу, повитая верёвкой. Светел поднял мешок на уступ в плотном снегу, утвердил его там и стал бить. Спихнулся, скинул с ног поршни и продолжил битьё, прыгая по снегу босиком. Когда жгучая боль в ступнях начнёт делаться глухой и далёкой, пора будет прятать мешок, возвращаться домой. Так он отмерял время. Мать всё чаще бранилась, что в амбар его хоть не посылай: уйдёт – не дожидаться. Это ей лишь бы поворчать. Мороз-то здесь с приближением зимы знай усиливался.

Светел молча колошматил мешок, бросал кулак вперёд не рукой, не плечом – особым слитным движением, которое они со Скварой подсмотрели когда-то у взрослых стеношников. Оно рождалось глубоко в животе, продолжалось разворотом бёдер, всего тела – и лишь в последнюю очередь выхлёстывало кулак. Зато и летел тот боевой гирей, разогнанной на ремне.

«Вот тебе, шашень. Вот тебе, гнида. За атю. За брата. Уж приду, не спущу...»

Верно ли у него получалось, Светел не знал. Сладят потеху на корочун, тогда поглядим. Вконец перестав чувствовать ноги, он обулся, стащил мешок обратно в амбар, камнем отбил от мёрзлой груды нужный ему свёрток, заложил дверь, пошёл по тропинке в зеленец. Подошвы горели, медленно отогреваясь, а дельницы выглядели так, что мать уши оборвёт, если увидит.

Их с отцом спасла чужая упряжка. На Коновом Вене было принято чтить симуранов, поэтому двое охотников не на шутку перепугались, когда золотой кобель со злым рыком упал на них из-под туч, погнал собак куда-то к реке. Эти люди не умели говорить с симуранами и не понимали, отчего рассержен благородный летун... Пока не увидели под скалами обросшего инеем угрюмого Зыку и вымотанного Светела, пытавшегося обогреть отца, оживить его правую руку.

Мать потом кланялась в ноги братьям Синицам. Обещалась им верно служить до старости лет. Целовала Рыжика, гладила Зыку, впервые допущенного в избу. Бабушка Корениха молча растирала в ступке вязовую кору на припарки, бережно делила луковку, грела в горшочке козий жир с солью для спасительной мази...

Даже куклы, выстроенные свадьбой возле божницы, словно пригасили веселье.

«Те люди, котляры... даже Звигуры не вступились... – тихо всхлипывая, пересказывала мать принёсшей луковку свойке. – А Светел, он же что, мал ещё...»

Скоро вся Твёржа прослышала, как негодные Воробьи прятались за углами, пока Жог давал неравный бой котлярам, силясь отстоять первенца. И как после Пенёк уже раненым, с помощью верного Зыки дошёл почти до своего берега. Довёл младшего приёмного сына...

Светела никто вслух не корил, но он чувствовал себя виноватым.

Отец уже ходил, когда у Светела поползла по швам старенькая рубашка. Мать решила примерить на него братнину. Вытащила из скрыни одежды старшего сына, стала было раскладывать... Вдруг сгребла всё в охапку, зарылась лицом, охнула, взялась баюкать, припевая и приплакивая, как по мёртвому.

Завлекло избушку тьмой,
Измерцался яхонт мой.
Развязался поясок,
Отзвенел твой голосок.
Ты привстань, моё дитя,
Вновь дыханье обрета.
Резвы ножки распрями,
В ручки бавушку возьми.
Мой сынок, на твой помин
Кружевной спекла я блин.
Все едят, покуда свеж,
Только ты один не ешь...

Светел хотел сказать ей, что Сквара живой и обязательно вернётся, но не посмел. Ему стало страшно. Он увидел, как нахмурилась Корениха, уже кроившая старую тельницу на лоскуты. Повернулся к отцу... Жог, сидя на лавке, тёр здоровой рукой живот, кривился, точно от боли. Когда бабушка бралась за жгучую мазь, он терпел крепче. И губы у него были какие-то синие... Светел подрос к нему, сел рядом.

«Атя?...»

Огонёк отца бился и трепетал над пустотой. Светел в ужасе приник к нему, подхватил, обнял... Жог закашлялся, с облегчением перевёл дух...

«Не моги реветь, Равдуша! – велела матери суровая Корениха. – Сказано тебе, живой он! Живой! – И шуганула внука: – А ты что расселся, дела нету руки занять? Поди светец воскреси, совсем, вишь, загас...»

Прежде это Сквара всё был у неё и белоручка, и лодырь, и праздный шатун. И младшенького прижать норовил, если бабка с матерью недоглядят.

Светел вскочил. Жог взял его за плечо, тоже встал, ни дать ни взять опираясь.

«Пошли, сынок. Поможешь...»

Вернувшись из амбара, Светел ещё в сенях услышал голоса бабки и матери, звучавшие за дверью. Мальчишка на всякий случай притих, прислушался: наверное, это его ругают? За то, что слишком долго ходил?

– ...Да засмотрелся он поди на котляров этих!.. – безутешно всхлипывала Жига-Равдуша. – И тётя Розщепиха сказала... Они ж вон какие! Сильные да страху не знают! К ним захотел...

Светел не сразу и сообразил, что речь шла о Скваре.

Бабушка осведомилась вроде даже насмешливо:

– А ты, значит, Розщепихе веришь больше, чем сыну? Что ж так? Не сама ль растила, кормила?

– Так своевольник он! – в голос вскрикнула мать. – Неслуш! Ему говори, а он всё по-своему!

– А ты бы хотела, чтобы он мягким воском у тебя в руках гнулся? – спросила Ерга Корениха. Когда Светел уходил, она обувала в крохотные поршеньки новую куклу, кудельные волосы были окрашены сажей. – Воск тебе кто угодно снова растопит и по-своему перелепит. Податливый да мягкий вышел бы отца с братом заслонять? – Помолчала, добавила: – Гордись, дура.

Она ведала небось, что говорила. Дедушка Единец Корень тоже не за так своё прозвище получил. Знали в нём люди негибкий нрав и упрямство. А кто не помнит, что внуки удаются все в дедов!

– Я бы не гордилась, а кашей его лучше кормила!.. – вконец расплакалась мать.

– Ты Розщепиху слушай больше, – посоветовала бабушка. – Уж она-то лучше всех знает, как детей нужно растить.

Мать вдруг вскрикнула:

– На себя оборотись! Кто его поленом тогда... за кугиклы... Скварушку... сыночка моего...

Светел снял со стены лапки, со стуком бросил на пол. Голоса немедля примолкли. Светел повесил лапки на место, вошёл:

– Вот... Сало принёс... Благословите, к ате пойду?

Мать отвернулась, пряча мокрые глаза. Корениха, стоявшая поджав губы, строго оглядела избу. Дрова сушатся, воды натаскал...

– Ступай.

Светел выскочил обратно в сени и уже не слышал, как бабушка негромко сказала невестке:

– И меньшому ты не веришь, а зря. Он кровей хоть и пришлых, а кремлёвым мужиком будет.

В ремесленной Жога Пенька пахло смолистой елью, черёмухой и берёзой, дёгтем, маслом и воском, дымом, шкурами, клеем из рыбьей кожи, кипятком. Ждал дела станок для выпиливания лыж, рядом стояли распаренные заготовки... а сам Жог сидел на скамейке, ссутулившись и повесив голову. Руки лежали на коленях, замерев в непривычной праздности. Вот жил-

был человек, вершил хорошее ремесло, радовал себя и людей... а потом содеялось зло, и гордый промысел, никого не сумевший защитить, оказал себя бессмысленным и никчёмным. Страшно это, если подумать. Светелу бросилась в глаза обильная седина, побившая волосы Жога, ещё недавно такие же чёрно-свинцовые, как у старшего сына.

Он, вообще-то, хотел попросить лоскут ненужного камыса, подлатать рукавицы, но посмотрел на отца и сказал совсем другое:

– Атя, благослови, я бы лыжи гнутья поставил?

Жог медленно поднял глаза. Впрозелень голубые, Скварины. Только какие-то... пыльные, что ли. Совсем потускневшие.

Светела как ударило. «А если я Сквару где-нибудь в темнице такого же отыщу... Погасшего... Безразличного... Стану по имени называть, а он и не встрепет...»

– Атя?..

Жог молча кивнул. Снова уронил голову.

Светел взял заготовку, устроил в станке, начал бережно забивать клинышки, чтобы носок точно улёгся в «лесенку» из брусков. Обретались чудные лыжи с гребнями для упругости, с узкими носами и широкими прямыми пятками, на весенний оттепельный снег. Жог бережно выколол заготовки из мелкослойного елового кряжа, взятого от комлевой части ствола. Обратил сердцевинную сторону кверху, где будут падласы. Когда лыжи высохнут, утвердятся в красивом изгибе, источник ещё укрепит их над углями, промаслит, обошьёт лосиным камысом – станут они служить и служить, год от года бегая лишь вернее и легче...

Сын взялся за вторую заготовку. Жог наконец поднялся, подошёл проверить, всё ли он правильно делает.

– Атя, – с большим облегчением сказал Светел. – Можно, я вон тот обрезок возьму дельницы подлатать?

И показал Пеньку изодранные рукавицы, счастливо избежавшие материнского глаза.

Жог даже удивился:

– Где растрепал-то так?

Мальчишка смутился, ведь отцу его воинские намерения могли не понравиться. Но куда теперь денешься, пришлось всё рассказать.

– Убью их... Ветра с Лихарем. – Подумал, dokonчил: – Если Сквара наперёд не убьёт.

Услышь Жига-Равдуша, ведро слёз пролила бы. Куда дитяtko разлетелось, будто одного горя ей мало? Услышь Корениха, тут же задала бы внучку всяких дел, чтобы разом не до придури стало. Пенёк, сам былой стеношный разбивала, сперва только хмыкнул. Прошёлся туда-сюда. Неожиданно погладил усы... И наконец снова посмотрел на сынишку. Светлые камни верилы как будто обрели блеск. Жог мотнул головой:

– Вон кожи висят... Показывай, каково бьёшь.

И Светел показал. Въехал по кожам с левой и с правой, поднёс в разбор, всем телом вкладываясь в удары. У Ветра тотчас осиротели сусала, у Лихаря глаза уплыли под лоб, из носу потекла красная юшка. Ужо вам! Шутил волк с жеребцом, да зубы в горсти унёс!..

Он почти ждал, что Пенёк похвалит его, но тот лишь головой покачал:

– Руки разуй.

Светел стащил рукавицы. Костяшки были красными, распухшими и болели.

– Ты их, значит, как честный стеношник бить намерился? – спросил Жог. Невольно посмотрел на свою правую кисть с белеющим рубцом. – Дадутся они тебе сам на сам, как же. У них чести нет, они тебя издали стрелами утычут... Или как меня вот... – Он сжал кулак, поморщился, разжал. – Да сами будут не в тулупах овчинных с толстыми воротами, а в железных рубашках. А ты руки так-то разобьёшь, ни лука, ни меча, ни ножа толком взять не можешь, о гусях я вовсе молчу.

Светел слушал его, насупившись, упрямо наклонив голову. «А я всё равно мешок бить буду», – говорил его вид, но глубоко внутри он уже знал: отец прав. Жог давным-давно понял, как справляться с упрямыми сыновьями. Мальчишки удались таковы, что ломать, запрещать – без толку. Он сам был той же породы. Зря ли прозывался Пеньком.

Он прошёлся туда-сюда по ремесленной, тронул заготовки, стиснутые в станке. Вдруг спросил сына:

– Ты чего вообще хочешь? Себе чести? Или им смерти?

Светел подумал, ответил:

– Сквару вызволить хочу. А котляров примучить, чтобы больше не встали.

Жог прошёлся ещё. Взял кожевенный нож, пальцем испытал остроту.

– Был бы жив твой первый отец, – сказал он затем, – он бы посмотрел, что творят крапивники-котляры, и совсем их извёл бы. Ты мал был, не помнишь небось, как крапиву на репищах изводили...

Светел прошептал:

– Помню, атя...

– Её до последнего корневища если не выдернуть, не изживёшь, – продолжал Жог. – Вот будет праведный царь, да с верными вельможами, да с неприступной дружиной...

У Светела аж зачесалась правая половина груди, где пониже ключицы являлись в банном жару отчётливо различимые знаки. «И дядя Кербога то же самое баял. О праведном царе, пожалевшем сирот. А потом крапива завелась. Мораничи...»

Жог вздохнул.

– А то будто не думал я, как тебе жизнь жить, – проговорил он глухо. – Всяко не в Твёрже век вековать... Да вот... поторопили малость. А твоя судьба гордая... Чтобы Сквара... не зря...

Он запнулся, на лбу выступили холодные капли. Светел тут же подскочил к нему, схватил за руки:

– Атя, ты не надо про Сквару, живой он, я его домой приведу. Ты меня научи! Как мне их бить, чтобы не поднялись!

Жог перевёл дух, сел на скамеечку, но голову, как прежде, не свесил. Поставил перед собой сына. Положил ему ладони на плечи.

– Будет что будет, даже если будет наоборот, – повторил он присказку бабушки Коренихи. – Ты вот что послушай. Младших царевичей, сказывают, в Андархайне много витает, и каждый вперёд других кичиться горазд. Кто к жрецам с подарками, чтобы лестницу подправили, кто старших наследников извести норовит... Станут важные вельможи ещё одного слушать, если он, никто и звать никак, из лесу постучится? – И сам ответил: – Небось и до ворот не допустят.

Светел подумал было о Рыжике. О том, что люди, так несправедливо и страшно живущие, поди, не захотят слушать даже симурана. Он тихо спросил:

– Как мне быть, атя?

– Если хочешь, чтоб слушали, сильным стать надо. Ты того прогони, у кого за плечами дружина.

Светел смотрел на него, молчал, напряжённо хмурился. Он видел заходящую дружину в Торожихе, на прошлогоднем торгу. Спокойные такие, не задорливые мужики. Девки им улыбались наперебой, парни косились, но предпочитали не ссориться, это Светел крепко запомнил. А ещё взрослым витязям служили отроки. Ребята чуть постарше, чем он сам сейчас был. Они со Скварой тогда на дружинных смотрели издали... точно севляжки на симуранов...

С той разницей, что обычным псам летать никак не судьба, а толковые отроки сами однажды могли встать на крыло. Принять воинское достоинство. Иные – и воеводское.

А как они играли на гусях!..

– Вижу, разумеешь, – сказал Жог.

Светел ещё не всё себе уяснил, только то, что дорога впереди обозначилась ухабистая и тёмная. Он очень тихо спросил:

– Благословишь ли, атя?

У Жого снова полыхнула в глазах боль, но не такая беспомощная, как по Скваре, а какая-то гордая.

– Благословлю, – пообещал он твёрдо. – Когда время придёт.

И некоторым образом было понятно, что срок измерялся не вёснами, не снегопадами, а его, Светела, упорством. Да не в колотушках безответному мешку, не в затрёпанных дельниках, а кое в чём поболее.

– Атя, – сказал он. – Теперь-то что делать мне, научи...

Жог притянул его к себе, обнял. Потом сказал:

– Воин неистомчив быть должен. На ногах крепок и станом надёжен, чтобы не свалили в бою. Чтобы раненого побратима нести. Возьми-ка на плечи... – И указал сыну черёмуховый кражик возле стены. – Присядь с ним да под потолок выпрыгни. Возможешь?

– Возмогу, – нахмурился Светел. – Атя... а гусли что?

Жог улыбнулся:

– Так куда воину без гуслей. Они, если хочешь знать, главнее даже меча. Изначальные гуслиры рождение мира приветствовали. Белый свет не остановится, пока гусли поют... Несика дедушкины сюда!

Семья Жого Пенька жила в сильном зеленце. Не таком большом, чтобы держать своё купилище, но и не в каком-нибудь едва теплящемся хуторке. После Беды сюда собрались шабры из трёх лесных деревень, разошедшиеся потомки одного давнего праотца. Заново свели родство, назвали одним именем: Твёржа – и стали жить дружно, потому что иначе было не уцелеть. Прежние деревни теперь стали концами.

Избы полумесяцем выстроились по берегу кипунов, с наветренной стороны, чтобы тёплая сырость поменьше лезла в дома. Дымящийся вар истекал в пруды, из них в другие и третьи. Были пруды с питьевой водицей, были банные и для стирки, были целебные, где горячие воды точились сквозь россыпь чёрного камня. Зелёные заводи с болотником, озёрной капустой и другими водорослями, годными в пищу. Влажные камни над ними обрастали мхом вроде того, из которого бабки делали горлодёр. Было длинное проточное озеро, где кормились утки и гуси, плавали коропы и жирел на придонных рачках тот самый шокур, которого Пенёк с сыновьями стружили в походе. Старикам кормлёная рыба казалась не так вкусна, как когда-тошняя, из вольных притоков Светыни. Верно или нет, но рос озёрный шокур уж точно быстрее дикого, и на торг везти его не стыдились. Лишняя вода из озера бежала в спускные пруды, где замерзала.

Чтобы она могла течь, пруды чистили. Это была всем работам работа. Мужики сокрушали прозрачные наплывы тяжёлыми пешнями с железками как топоры, бабы подгребали, ребятня оттаскивала битые пешенцы, сперва на саночках, потом на себе. В сильные морозы вроде нынешних подводили по желобам кипятков, потому что каменный лёд без него было не одолеть.

Светел, как все мальчишки, примеривал руку к тяжелой пешне и с обидой понимал, что не дорос. То есть поднять-то мог, но работать, доколе не покажется дно...

«Какое тут мечом в битве махать!..»

Выручало опять же мальчишеское, нутряное, природное понимание: не в эту зиму, так на следующую он с пешней непременно поладит. Жого было обидней. Его всегда хвалили среди самых ломовитых работников. А в этот раз дядя Шабарша, большак, приставил Пенька чуть не к стариковскому делу – направлять желоба. Да ещё нарядил к нему в помощники двоих дюжих парней, чтоб не сам колоды переставлял.

Светел видел: отец восстал было, но Шабарша лишь строго зыркнул на него из-под кустистых бровей, и отец покорился. Кто от сыновей послушания ждёт, должен сам уметь слушаться, иначе никак.

– Ой-ёй, понамёрзло льду-то!.. – взлетел над струями пара, над перестуком пешней задорный девичий голос.

– Да и мы с лопатами тут!.. – дружно отозвалось твёржинское женство.

Сколько голосов, но материн возносился отдельно от всех, слышимый ясно и внятно. «Крылатый...» – вспомнилось Светелу. Он давным-давно уже не слышал, как поёт Жига-Равдуша.

Дедушка Игорка пробежался пальцами по гусельным струнам. Руки у него сильно обгорели в Беду, лишились ногтей, но чудесная снасть вернула им ловкость. Внучка Ишутка подняла рогатый бубен, стукнула колотушкой в растянутую козлину.

– Ой-ёй, груди да комки! – вновь воззвала слава деревни. – Где ж вы, наши мужики?

Те – сила деревни! – слаженной застучали тяжёлыми лезьями, точно плясовой шаг задавая. Грянули в ответ:

– Кыште, девки, тресни, лёд! Рать могучая идёт!..

Битое крошево бросали лопатами в кожаные кузова. Ребячьи ватаги ставили их на санки, впрягались и наперегонки везли к ледяным валам. Там с внутренней стороны были давно отлиты и забросаны песком ступеньки наверх. По ним кузова втаскивали на плечах. Вываливали с наружной стороны, спешили за новой насыпкой. Младшие девки ведёрками носили тёплую воду, поливали откосы, чтобы оставались скользкими и крутыми.

Спускных прудов в деревне было достаточно, валы кругом зеленца намерзали уже восьмой год. Скоро и места не узнать будет, где бегал с кузовом Сквара.

– Кто хлабоня, кто у нас только ложкою горазд? – вопрошали девки.

Парни отзывались, ухая в лад ударам пешней:

– На таких наш норов крут! Вмиг загоним в бабий кут!

– Кто не яр, не спор, не дюж, не жених нам и не муж! – обижались неугомонные девки. – Лень работе не указ, забери таких от нас!

Пенёк стоял на самом верху, поправлял то один рычаг, то другой, посылал дымные струи туда, где лёд уступал всего неохотнее. Может, ему казалось, будто девки пели о нём, хотя, конечно, это было не так. Светел всё оглядывался на отца, втаскивая на вал очередной кузов и сбрасывая, куда указывала палкой большуха.

«Если чем занят, будь там весь, – наставлял Жог. – Нет на свете дела важнее...»

Светел брался за кузов потяжелей, не давал себе никакой щадя и чувствовал, что, кажется, не зря приседал с увесистым кряжиком на плечах.

«А не запрошу передыху! Смогу! Я раненого побратима несу!» Опорожнял кузов и всякий раз смотрел на дорожку, по которой они тогда ходили за реку. «Вот гляну сейчас, а там Скварко идёт...»

Сквара не шёл.

«Ничего. Я сам туда приду, где его мораничи неволят. Я все их двери с петель снесу. Все стены на дрова разберу, всю крапиву повыведу. Сквара меня узнает... И обнимет... Я ему на гусях стану играть... Мы домой вместе пойдём...»

Братскому труду – братская трапеза! Внутри зеленца работников ждали столы, заботливо накрытые старухами. Взрослые шабры стали чинно рассаживаться, ребятня болталась кругом – подхватывать, что останется. Светел ещё немного послушал, как пели струны деда Игорки, но к сверстникам не пошёл, хотение пропало ещё со Звигуровых застолий. Побыл немного, поплёлся домой, начиная чувствовать, насколько устал. Не гордый будущий витязь – глупый малец, сам себя ухотивший невмерным трудом. Потрепал по ушам Зыку, толкнул дверь, при-

вычно покосился на полицу... Из рубашечных лоскутов родились новые куклы, они сидели вплоть братины. Одна темноволосая, другая жарая и растрёпанная. Светел скинул кожух, уселся на тёплом припечке, сомкнул глаза...

Он уже спал, свесив голову на плечо, когда появилась бабушка Корениха. Светела разбудил запах. Бабка тихо открыла заслонку и рогачом, поставленным на деревянный каточек, вывела из вчерашнего жара толстостенный горшок.

Двигаться не было мочи, но мальчишка сразу поднялся:

– Бабушка, благослови, помогу?

Корениха чуть не сказала ему, что спросонья он, чего доброго, вывернет посудину на пол, но не сказала, отдала ухват. Светел перенёс тяжёлый горшок сперва на хлопот, после на стол. Пахло из-под крышки – голова кругом: кашей из рогульника с салом и зеленью!..

Корениха заметила, как проглотил слюну внук, сказала с усмешкой:

– Погоди чуть... Придут сейчас.

Она как в воду глядела. Почти сразу в сенях послышались шаги. Пригнувшись в дверях, ввалился хмурый Жог, за ним перелезла порог чуть не плачущая Равдуша. Корениха только кончила раскладывать ложки.

– Садись, сынок, садись, государыня невестушка, вечерять пора.

Светел смотрел на отца, беспокоился. Может, кто не думавши брякнул, дескать, прежде Жог всё пешней махал, что ж теперь? Куда, мол, такому бессильному сына было сбересть!.. Или атя сам напраслину выдумал и на себя осерчал? А то просто смекнул, кто шепнул большаку: мужу-де с той несчастной поездки всё нездоровится, ты уж побережь бы его...

Вот был бы Сквара, небось совсем скоро встал бы в пешни со взрослыми молодцами, да и сейчас учинил бы всё равно что, лишь бы отец не грустил...

Мать вдруг щёлкнула Светела звонкой деревянной ложкой по лбу:

– Куда не в черёд!

Размечтавшийся Опёнок уронил ложку, виновато заморгал. Бабка и мать строго смотрели на него, Пенёк молча жевал. Когда оказалось, что Светел без уважения крошит на пол лепёшку, да к тому ж норовит подцепить лишнюю толику сала, Жог вдруг встал и по-прежнему молча вышел за дверь. В стену ремесленной с силой грохнули тяжёлые, ещё не обтёсанные заготовки.

Равдуша вскочила, всплеснула руками, громко, со стоном, заплакала, принялась хвататься за какие-то дела, но чего не упустила, сама тут же бросила. Светел по вершку передвигался на край скамьи: куда бы деться?..

Бабушка толкнула его локтем:

– Ступай к отцу, утешь.

Повторять не понадобилось. Светела сдуло прочь. Жог бродил из угла в угол, натёкался то на верстак, то на станок. Мотал серой головой, икал, тёр ладонью живот... Светел рванулся к нему. «Ну даст подзатыльника... Ну прибьёт, пусть...»

– Атя!..

Подскочил, уцепился, ткнувшись лицом прямо в руку со шрамом, прижимавшую подложечье. Кажется, Жог был вправду готов оттолкнуть его... не оттолкнул. Выдохнул, сел и сам притянул сына к себе. Светел привычно ощутил его огонёк, обхватил, взялся храбрить. Как же он хотел сказать Жогу, что тот всех лучше, что ни у кого больше нет такого отца... Не сумел, да, по сути, и не надо было ничего говорить.

Дверь снова открылась, в ремесленную робко сунулась мать. Посмотрела на них, вытерла слёзы, подошла. Погладила мужа по волосам: отстранится ли?.. Жог не отстранился. Выпростал одну руку, обнял Равдушу за пояс.

Светел почему-то смутился, почувствовал себя лишним. Огонёк отца стоял крепко. Светел сполз со скамейки, убрался за дверь. Внутри тихо заговорила мать. Жог прогудел что-то

в ответ. Светел не разобрал слов, только то, что в голосе отца прозвучало неожиданное лукавство. Потом дверь заложили изнутри.

Светел вернулся в избу.

– Садись, – велела Корениха. Заново сняла крышку с горшка. – Ешь.

Он ковырнул почти нетронутую кашу. На самом деле ему хотелось только спать. Вот бы опять устроиться на припечке... На полатах хорошо, если рядом, но что-то подсказывало – нынче мать с отцом не скоро объявятся. А брат, у которого пригреться бы под боком...

– Ешь давай! – повторила строгая бабка. – А то в плечах моченьки не будет!

Светел нахмурился, зачерпнул полную ложку. Куклы смотрели на него с поллицы.

«Я силу наберу. Я велик поднимусь. Я Сквару пойду искать...»

Так он и задремал, поникнув на столешницу головой.

Рында

Прежде Беды крепость звалась Царским Волоком, потому что здесь кончался залив, а дальше торговые пути шли надвое: болотными речками к югу или через волоки в Левобережье. Старое название до сих пор бытовало, но теперь больше в ходу было новое: Чёрная Пятерь. Со времени Беды успело повзрослеть племя, которому прежнее название требовалось объяснять. Нынешнее и без толкований было понятно.

Сквара таких больших построек никогда раньше не видел. Только избы в два жилья в купеческой Торожихе, где держали торг и витали богатые люди. Да и то внутрь не входил. Светел ему рассказывал о просторных каменных лестницах, о сводчатых палатах, открытых тёплому солнцу и свежему ветру с моря... Теперь Сквара лучше представлял себе, о чём вспоминал брат.

Старшего Опёнка снедало любопытство, он рад был бы всё здесь облазить – от подвалов до смотровых площадок на башнях, но покамест новые ложки мало куда ходили одни. А открытого глумления над запретами мораничи не прощали, это он тоже успел себе уяснить.

Выпустив из загаженного подвала, мальчишкам для начала почти под корень обкромсали овечьими ножницами волосы. После чего, окончательно униженных и несчастных, повели – почему-то крича и подгоняя, как на пожаре, – в другую хоромину, чуть менее зябкую, по крайней мере без потёков сырости на стенах. Здесь несколько самых робких и безразличных облюбовали себе уголок, где и засели. Другие обнаружили нестроганные доски, сваленные под стеной. Тут же разгорелась драка из-за самых широких, годившихся для настила. Ознобиша первым сообразил, что на полу валяются не просто доски, а разобранные топчаны.

– Всё пытаются нас, – тихо сказал он Скваре, когда они вдвоём воздвигли первый лежак и взялись за следующий. – Смотрят на каждого... И в дороге, и здесь...

Топчанов хватило на всех. Они были не очень устойчивыми и могли держаться только упираясь один в другой. Скоро деревянные подвасы рядком выросли вдоль стен, ещё восемь заняли середину хоромины.

Двоим строителям достались уже привычные места возле двери.

– Значит, тут жить будем, – сказал Сквара.

Похлопал по занозистым доскам, улыбнулся.

– Весело тебе?.. – хмуро спросил Лыкаш.

Без кудрей у него мёрзла голова, топчан казался ненадёжным, а будущее – вовсе безрадостным.

– Не, – сказал Сквара. – Чтоб весело, так не очень. А больше толку нос вешать?

В тот день их ещё заставили чистить холодницу. Для уборки туда внесли свет. Сквара увидел по стенам кольца со свисающими цепями. Цепи заканчивались ошейниками. Сквара с Ознобишей только переглянулись. Может, Ивень тут перед казнью сидел? Ознобиша взял в руки один из ошейников, показавшийся менее ржавым с внутренней стороны, долго не выпускал...

Когда с работой было покончено, их накормили. На чёрном дворе, у порога поварни, какими-то остатками, вполсыта... но накормили. Не иначе – корками с пира, что любовно готовил к возвращению котляров толстый державец Инберн.

– Больше даром ничего не получите, – насмешливо предупредил Лихарь.

Новые ложки испуганно тарасили на него глаза.

– Это как? – спросил Сквара.

– Господин стень!

– Это как, господин стень?

– А так, что из лука станете стрелять, кто попал, тот и съел. На шест лазить начнёте, а лепёшки наверху будут висеть!

Ознобиша сразу загрустил. Метко выстрелить или влезть куда-то вперёд других он не надеялся.

Лихарь добавил:

– Грамоте возьмётесь учиться, кто прочёл, тот и сыт!

Тут уже Сквара наклонился к уху братейки, решил подбодрить:

– Со мной-то поделишься?..

Когда их вели обратно, навстречу вдруг проплыла волна одуряюще сдобного запаха. Потом донеслось шарканье шагов, неровный стук сошки. Наконец из-за поворота каменного коридора вышла сгорбленная старуха. Она несла под мышкой опрятный лубяной короб. Из него-то и распространялся упоительный запах.

Мальчишки так и потянулись на дивный дух. Каждый немедленно вспомнил самую вкусную перепечу, когда-либо пробованную дома. Избяное тепло, ласку родных рук...

Одна нога у старухи была согнута то ли давней хворью, то ли увечьем. Тем не менее ковыляла древняя карга на удивление шустро.

– Здравствуй, бабушка, – уважительно поздоровался Сквара.

Он никак не чаял её осердить. Еле увернулся, когда старуха вдруг зло зашипела, развернулась и со всего маху треснула по нему костылём. Мальчишки влипли в стены, освобождая ей путь. Сквара заметил, как опасливо посторонились межеумки.

Позже они узнали, что склочная бабка звалась Шерёшкой. Она обитала на дальних выселках, где её дружно ненавидели и боялись шабры. Грозна она была, конечно, не сама по себе, а потому, что ей благоволил Ветер. Межеумки знали причину благоволения, но мелкой шушели не рассказывали. Знай оттопыривали губу: мол, сведаете в свой черёд. Скваре было любопытно, но что поделаешь, если не говорят. Да и не самое насущное, чего они ещё не знали про Пятерь.

Ветер не показывался уже несколько дней. Лыкаш, обладавший, кажется, способностью всё как есть вызнать, от кого-то услышал, будто господин учитель уехал по важному и даже опасному делу. Так было или нет, а новыми ложками без него распоряжался Лихарь. Когда их в одних рубашках выгнали в передний двор, все ждали, что вот сейчас придётся лезть на шесты или сбивать стрелами лепёшки. Но в углу двора виднелся всего один столб примерно в человеческий рост. Толстый, чёрный от времени и смолы. Наверное, он и прежде там был, только они мимо смотрели. Стоёк выглядел мало подходящим для лазанья, не нёс отметин от метания и стрельбы.

– Столб видите? – спросил Лихарь.

Ложки посмотрели в угол, а стень с удовольствием пояснил:

– Там ленивых и непослушных наказывать будем. Чтобы оставляли у столба либо свою вину, либо свою честь!

Ознобиша споткнулся на ровном месте. Сразу вспомнил вывернутые руки Ивеня. Да, кажется, не он один.

Сквара присмотрелся к столбу. Ни кольца, ни рассошины, чтобы перебросить верёвку. Он спросил:

– А как наказывать будут, господин стень?

Лихарь покивал головой:

– Уж тебя-то длинный язык первого туда приведёт. Тогда и узнаешь.

Вместо луков им вручили широкие лопаты, окованные железом, велели подвязать ледоходные шипы к валенкам. Недавно прошёл снегопад – нужно было чистить дорогу.

В крепостные ворота упиралось много путей. Новых ложек погнали на тот, по которому собирались вывозить поганные бочки. С высокого берега была хорошо видна белая равнина залива и подползавшее с юга тёмное пятнышко. Кто-то ехал в Пятерь. Может, Ветер возвращался?

Ознобиша поднял голову:

– С чего взял, что Ветер?

– Дозорные на башне уже давно небось разглядели, а войско не всполошилось, – сказал Сквара. – И нас вот за ворота ведут... Значит, Ветер не Ветер, но всяко свои.

Ознобиша вдруг спросил:

– Ты что, соскучился по нему?

Сквара подумал, ответил:

– Его спросишь, он хоть объяснит. А Лихарь только гвоздит, какие мы дураки, да язык отрезать грозит.

– А тебе спрашивать охота...

Сквара нахмурился:

– Я сюда не хотел. Но коли попал, толку-то притворяться, что сейчас дома проснусь.

За пределами зеленца дорога некоторое время тянулась по гребню, где почти не было снега. Потом ныряла вниз и довольно скоро превращалась в этакий ров между двумя гладкими льдистыми стенами. Здесь уже пошли в ход лопаты. Оплавленные оттепелями стены стояли высокие, в хорошую косую сажень, поди ещё приноровись, чтобы выброшенный снег перелетал край и не валился обратно. Половину мальчишек, тех, что были поменьше, с самого начала загнали наверх – отгрести, перекидывать дальше. Иначе к концу зимы будет и не добросить.

Сквара поддевал снег, зашвыривал туда, где переступали обшитые кожей валенки Ознобиши. Привычное, но натужное дело требовало усилия всего стана. Здесь было ещё не так холодно, снег садился на лопату сплочёнными глыбками, работа шла споро. Дальше, где снег станет сыпучим, будет труднее.

Рядом топтался недовольный Пороша.

– Пускай бы дикомыты лопатами и махали! – зло сказал он подошедшему межеумку. – Вон, ему нравится! А мы воинской учельне обязывались!

В ответ он получил подзатыльник. Очень сильный и такой быстрый, что парень не успел ни увернуться, ни даже сообразить, с какой стороны прилетело. Лишь бестолково взмахнул руками, сплющил нос о ледяную стену, оставил на ней ярко-красную кляксу.

– Воин должен слушаться и терпеть, – спокойно сказал межеумок.

Пороша сразу перестал спорить. Подхватил лопату, начал бросать, зло шмыгая и время от времени осторожно сморкаясь.

Сквара смотрел на взрослых парней, пытаясь поверить, что всего через несколько лет они с Ознобишей станут такими же. Верилось плохо.

Уже к сумеркам дорога повернула последний раз. Стал виден ещё один зримый след стародавних корчей земли. Снежный ров упирался в широкую трещину с отвесными и почти чистыми стенами. Судя по тому, что снег до сих пор не заполнил её, трещина была невероятно глубокой. Возле самого края позаботились устроить бортик и в нём слив, чтобы опорожнять бочки.

Последние рассыпающиеся сугробы спихнули прямо в обрыв.

– Домой! – велел Лихарь.

Новые ложки устало потащились обратно.

Лихарь посмотрел на их понурые головы:

– А хвалу петь я за вас буду?

Что петь, они уже знали.

– Славься вовек... – уныло, враздражку затянули мальчишеские голоса.

Петь было велено по-андархски. Не все верно выговаривали трудные чужие слова, не все их и понимали.

Господин стень отвесил ближайшему отроку сокрушительную затрещину, швырнув на соседа:

– Я петь сказал, а не скулить! Порадуйте Владычицу, не то я сам вас порадую! К столбу захотели?

Угроза была непонятной и от этого особенно страшной. Испуганные ложки заголосили по-прежнему нестройно, зато во всё горло:

Славься вовек, Мораны справедливость!
Праведный суд и верность навсегда!
Будем служить мы Ей, покуда живы,
Разум наш ясен, и рука тверда!
Мы расточим врагов Её державы,
Трепет и ужас до скончанья дней
В них мы вселим – и Ею будем правы,
Гибель неся любому, кто не с Ней!

На втором круге песни они даже начали попадать в лад.

Сквара больше впустую открывал рот, потому что песня ему не нравилась. Под неё удобно получалось шагать, но и только, стихотворец был далеко не дядя Кербоба. Вот кто песни слагал – заслушаешься! Даже та неправильная колыбельная краше была. А уж мораничам он такое бы сочинил, чтобы они со злости в поганую трещину сами попрыгали...

Сквара жгуче пожалел, что лишь мимолётно соприкоснулся с ремеслом скомороха.

«Царица... удавиться... провалиться...»

Новые ложки топали валенками по плотно убитому снегу и блажили:

Славен разящий гнев Твой, о Царица!
Славен котёл и братья за спиной!
Круг Мудрецов, что выучил молиться
Приснодержавной Матери одной!

И как бы отдельно от всех плыл один голос, в восторге выводивший совсем другие слова.

Если мы вдруг прогневаем Царицу,
Свяжут верёвкой руки за спиной.
Бросят в котёл, чтоб до смерти свариться,
Или запрут в подвале за стеной...

– Молчать!.. – не своим голосом заорал Лихарь. Вмиг стало тихо. Тогда он зловеще, с нешуточным бешенством выдохнул: – Кто?!

Хотён и Пороша одновременно вытянули руки, указывая на Сквару.

Тот успел только зубы оскалить. Межеумки единым духом завернули ему за спину руки, поступив в точности по его песне. Согнули пополам, поддёрнули за штаны – и быстрым шагом потащили вперёд, прикладывая по дороге о каждый выступ стены. Ознобиша заплакал, побежал следом. Лихарь поймал его за ворот, швырнул к остальным, едва не снеся голову оплеухой.

Напуганные ложки сбились в кучку, молча затрусили дальше. Каждый представлял себе столб и то тёмное и ужасное, что возле него сейчас сделают с виноватым.

Сквара тоже думал о столбе, насколько ему вообще удавалось думать между сыпавшимися тумакami. Когда добрались до ворот, он исполнился решимости затеять последний бой и погибнуть, но к столбу не даваться. Беда только, ловкие межеумки никак не позволяли ему крепко стать на ноги, а как без этого задерёшься? Сквара отчётливо понимал: что захотят над ним, то сотворят, и не вдвоём, а каждый поодиночке. Как Лихарь и Ветер в Житой Росточи...

По счастью, его протащили мимо столба. Спустили в уже знакомый подвал. Только не оставили спокойно отлёживаться на полу, а поволокли в глубину, нацепили ошейник. Дали ещё по пинку. Захлопнули за собой дверь...

Немного проморгавшись, Сквара разжал кулаки, утёр лицо рукавом, начал было думать, как пересидеть ночь раздетому... и неожиданно понял, что в покаянной он не один. У противоположной стены, ближе к каменной пасти, кто-то дышал.

Насторожившись, Опёнок притих, стал ждать, пока глаза привыкнут к скудному освещению. И наконец различил взрослого мужчину, сидевшего на такой же цепи, только в дополнение к простому ошейнику на нём была какая-то треугольная снасть из железных прутков: ни руки вместе свести, ни нос почесать. Мужчина молчал и в свою очередь пытался рассмотреть Сквару. Было видно, как блестели глаза.

– Ты кто, дядя? – сипло спросил Сквара.

Человек не ответил. Тогда он повторил по-андархски:

– Ты кто?

– Всё тебе скажи, – проворчал низкий голос. Мужчина передвинулся, на ногах звякнули кандалы. – Сам кто таков?

– Я-то?.. А я с Конового Вена, меня в котёл сильно забрали... Скварой люди ругают.

Мужчина подумал, отозвался:

– Тогда меня ругай Космохвостом.

– Ух ты!.. – восхитился Сквара и на время забыл даже про холод. – А у тебя, дядя, правда, что ли, хвост есть? Косматый?..

Человек негромко засмеялся:

– Рассветёт, тогда увидишь. – Помолчал, спросил: – Ты-то здесь за что, малый? Лихарю не так поклонился?

– Не, – сказал Сквара, забыв удивиться, откуда неведомый узник знает Лихаря и его нрав. – Нам хвалу велели петь ихней Моране, а мне слова не полюбились, я и давай свои складывать.

Космохвост вдруг помрачнел:

– Полно заливать-то, парнишка. Ведь врёшь...

Сквара нахмурился:

– А вот не вру!

– А не врёшь, спой, что сложил.

Сквара с готовностью набрал воздуха в грудь:

– Если мы вдруг...

– Тихо ты!.. – сразу щунул его Космохвост. – Придержи голосину! Допоеёшься, что отступником назовут! А с отступниками знаешь что здесь творят?

– Знаю, – вздохнул Сквара. – Видели.

– То-то, олух... Тихонько петь можешь?

Сквара кивнул и шёпотом повторил свою крамолу.

Узник расхохотался – громко, от души. Тут же охнул, настигнутый болью, смолк. Обождал, успокоил дыхание, опять засмеялся, уже осторожнее.

– Ну, парень!.. Если снова не врёшь...

Теперь Сквара лучше видел его. Этот человек выглядел настоящим воином, плечистым и крепким. Когда-то он брил бороду по-андархски, но теперь скулы облепила щетина. Голову охватывала повязка, запёкшаяся кровью возле виска.

Сквара хотел спросить Космохвоста, за что тот к мораничам в холодницу угодил, но его отвлекла тень, мелькнувшая наверху. Во дворе горели факелы. Мимо окна прошёл Ознобиша.

Узник заметил его взгляд, тихо спросил:

– Что там?

– Дружок мой, – сказал Сквара. – Братейко.

– Небось пожрать тебе сунуть хочет? Самого дурака сюда же запрут, да ещё откулачат...

– Не, – мотнул головой Сквара. – Не запрут. Умный он, не попадётся.

Ознобиша прошёл снова, в другую сторону, не глядя на окно, и пропал.

Космохвост потянулся к повязке на голове, но жестокая снасть остановила его. Он усмехнулся:

– А я, выходит, дурак, коли попался.

Сквара обождал, потом спросил:

– Ты, дядя, что им сделал-то?

В трубе над каменной пастью негромко зашуршало. Вылетела туча сажи, на дно очага шлёпнулся узелок.

– Спасибо, братейка, – пробормотал Сквара.

Третьего дня они с Ознобишей мыли пол наверху и увидели дверку в стене. Она ржаво закрипела, когда её отворили. В чёрной трубе обнаружилась железная перекладка. «Лодырей коптить», – насмешливо пояснил межеумок...

Космохвост с любопытством спросил:

– Как добывать будешь?

Сквара потёр ладонями озябшие плечи. В ту дверку человека нельзя было пропихнуть, даже мальчишку. А вот откуда тянулся дымоход и как мог пригодиться, они быстро смекнули.

– Ты, дядя, если под стену достанешь, там палка припрятана...

Мужчина завозился, привстал на колени, сгребая кандалами каменный бой на полу. Рукой не сумел, повернулся, ногой выудил палку. Не с первой попытки перекинул в ладонь – и выгреб свёрток из очага.

– Лови, малец.

– Не, дядя, стой! Пополам...

На битых камнях не очень-то разоспишься. Особенно в холоде, под урчание несытого брюха... Временами узники замолкали, клюя носом в ошейниках, потом опять начинали разговаривать.

К полуночи Сквара узнал, что Космохвост был рындой. Этим словом, звонким, словно удар колокола, андархи называли телохранителей. Да не тех подобранных по статьям праздных красавцев, что во время великих приёмов стоят в белых кафтанах возле трона властителя. Стоят, маются, щиплют себя, боясь выронить золочёные топоры... Космохвост обходился без жемчугов и шитья. Был просто хранящей тенью за плечом Эдарга, царевича одной из младших ветвей. Тенью неприметной, но грозной.

Однажды господин с госпожой собрались из родного Шегардая в столицу: Эдарга пожелал видеть царь Аодх. Венценосные супруги отправились в самый дворец... а лучшему своему, самому доверенному рынде велели остаться в дальнем загородном подворье, побережь двоих дыбушат – годовалого царевича Эрелиса да старшенькую Эльбиз. Недовольный Космохвост остался ругаться с няньками и кормилицами. Тогда-то грянула Беда с победушками. Жар, плавивший южные склоны холмов, дотла сжёг подворье. Вот так скромный телохранитель в одно-

часье стал для венценосных сироток и воспитателем, и защитником, и едва ли не единственным другом...

– Это почему? – спросил Сквара. – Куда ж окольные подевались?

Он помнил рассказы Светела о многолюдье высоких палат. Царедворцы, воины, слуги...

– А ты представь, тебя бы целая деревня баловала и любила, а потом явился медведь, и все растеклись.

Сквара попробовал вообразить. Не получилось.

Космохвост понял его недоумение:

– Каждый, кто уцелел, к своей семье побежал. А у меня семьи не было, только господин да дети его.

В первые, самые страшные годы, когда ласковая зелёная страна оказалась под снегом и люди изо всех сил чаяли протянуть ещё день, маленького Эрелиса считали седьмым наследником трона. Это, может, было и хорошо. Кому нужна жизнь или смерть захолустного царевича, который никогда не станет царём?.. Потом что-то начало происходить. Один из первых наследников заблудился во время охоты, замёрз насмерть. Другого в лютую метель нелёгкая потянула на башню, откуда сильный порыв швырнул его наземь. Ещё один выбрал неудачное место для переправы, канул под лёд вместе с санями... В общем, Эрелис довольно скоро вместо седьмого стал третьим.

Космохвост, не веривший в совпадения, нашёл где-то на улице других двух сирот, мальчика с девочкой. Выучил одеваться в узорочье, носить чужие волосы, ладить с царскими кошками...

Сквара сразу догадался зачем, но догадка была такой страшной, что верить не захотелось. Он спросил:

– На что, дядя?

Космохвост ответил без затей:

– Не каждый рында бьётся оружием. Иные просто умирают вместо господина и госпожи.

Сквара представил себе, как взрослый мужчина объясняет двоим голодным оборвышам, что их отдадут подосланному убийце. Стало ещё страшнее. Но с тем и любопытнее.

Цепь не позволяла ему лечь у стены, спасибо на том, что удавалось подняться. Он встал, сунул руки под мышки, начал быстро приседать, пытаясь согреться.

– А дальше что было, дядя?

– Дальше... – Рында вздохнул. – Так тебе скажу, парень: боялся за своих царят я не зря.

– Нешто убили?

Космохвост пожал плечами:

– Надеюсь, что нет.

– А... тех других ребят? Заменков?

– Я всех спрятал, как почуял, что злыдни настали. – И усмехнулся: – Пускай за многими зайцами бегают.

– А сам ты?

– А я бой дал, чтобы скрыться успели. Благо ваши мораничи без хитростей обошлись, просто в дом влезли.

– Ну тебя, дядя... Скажешь тоже, наши!..

– А меня кто, по-твоему, сюда приволок?

Сквара долго молчал.

– И вовсе они не мои, – пробурчал он затем. – Слышь, дядя... Теперь-то что с тобой будет?

Узник зябко пожал плечами. Цепь звякнула.

– А что гадать... Ветер небось про царят выпытывать станет. Потом убьёт.

– Ты и Ветра знаешь?

– А как мне его не знать? – удивился Космохвост. – Я сам ложкой в котле был. Только при праведном царе первые ученики становились телохранителями. Теперь мы, рынды, – второй разбор, а лучшие убивают.

Сквара стал думать о маленьких сиротах, вряд ли толком помнивших солнце. И как они, прижавшись, тихонько сидели в тесной и тёмной скрыне, пока их защитник отбивался от страшных людей в короткополых одеяниях котляров. И как теперь брат с сестрой шли, взявшись за руки, по ночной снежной дороге, держа путь в тайное место... о котором Ветер станет выпытывать, но дядька Космохвост нипочём ему не расскажет...

Почему-то он очень зримо представил кошку облачно-голубой шерсти за пазухой у девушки.

Рында вдруг тоскливо проговорил:

– Хорошо вы живёте там у себя, на Коновом Вене. Я слышал, у вас до сих пор двери не запирают... Правда, что ли, или всё врут?

– От кого запирать? – удивился Сквара.

Космохвост снова вздохнул:

– Вот и живите так ещё тысячу лет да счастьем своему радуйтесь...

Сквара худо-бедно заснул только под утро. Приснилось ему всякое непотребство. То он убегал из подвала, таща на себе Жога, одетого и закованного, точно Космохвост, то рвался отбивать Светела, которого собирались вздёрнуть, как Ивения...

Проснулся он от лязганья засова. В холоднице было почти светло. Сквара увидел, как у противоположной стены зашевелился рында. Дверь отворилась. Вниз сошёл Лихарь.

– Утро доброе, – весело сказал ему Космохвост. – Пожрать принёс или сразу пальцы обрубил?

– Нужен ты мне, – буркнул стень. – Тебе Ветра ждать.

Узник поудобней устроился возле стены, подобрал ноги:

– Так я и знал, что он тебе до сих пор никакого веского дела вверить не хочет. Ты небось ещё крови-то не видал.

Сквара чуть не взялся рассказывать ему про Подстёгин погост, но увидел, как Лихарь сжал кулаки, и что-то остановило. Космохвост отвернулся, бросив:

– Жалко мне тебя, Дудырь.

Почему это рекло так взбесило молодого котляра, Сквара не понял, а задуматься или спросить не стало времени, поскольку дальше всё произошло очень быстро. Стень шагнул к узнику, желая то ли припугнуть его, то ли пинка дать...

Космохвост метнулся навстречу движением, больше всего напоминавшим прыжок, хотя в его-то веригах какие вроде прыжки? Тело рынды выхлестнуло вперёд, распрямившись над полом, ноги оплели ноги Лихаря, подрубили их цепью. Стень заорал от неожиданности и свалился прямо на пленника. Космохвост, успевший перевернуться, метил схватить его за волосы или за шею, но снасть помешала – не достал. Правая рука лишь вцепилась в плечо, Лихарь сумел вырваться. В кулаке рынды остался порядочный клочок сукна. Котляр откатился, вскочил, в два прыжка скрылся за дверью. Сквара только заметил, какое белое у него было лицо.

– Эх, – досадливо проворчал Космохвост.

Бросил лоскут, устроился на прежнем месте возле стены.

Сквара отклеился от камней, снова начал дышать.

– А ты его, дядя, убить мог...

Язык почему-то заплетался.

– Жаль, не убил, – сказал Космохвост. Помолчал, непонятно добавил: – Прости, парень, если и на тебе отыграются.

Пока Сквара соображал, что имел в виду рында, вернулся Лихарь. Красный вместо белого, трясущийся от ярости и унижения. Он даже каменную крошку не выбил из одежды, зато в руках держал небольшой самострел. Едва сойдя со ступеней, стень молча навёл его на Космохвоста, спустил тетиву. Рында охнул, потянулся к бедру, к торчащему древку... обмяк. Свесил седоватую голову в заскорузлой повязке.

Следом за Лихарем в подвал ввалилось с полдюжины старших и межеумков. Космохвост потерялся у них под ногами. Только было слышно, как били.

Сквара шарахнулся и закричал. Это небось не сверстника, одетого в толстый кожух, ногами в мягких поршеньках отпинать. Сейчас Космохвоста убьют. Растопчут по полу.

– Лихарь, вонючка! Дудырь несчастный! Отлезь от него, короста! Чтоб тебя Морана твоя сосулькой прибила!..

Он во всё горло выкрикивал поношения, одни других опаснее и страшнее, каким-то уголкем разума уже ощущая верёвку Ивеня у себя на запястьях. Но не умолкал – просто потому, что иначе было совсем невозможно.

Как позже утверждал Ознобиша, Сквару стало слышно по всей Пятери. Меньшой побратим сразу понял, что старшего пришла пора выручать. Ветер в нетчинах, к кому плакать?.. И Ознобиша бросился на чёрный двор, в поварню, – Лыкаш наверняка вызнал, что именно там видели Инберна.

Строго говоря, державец был над Лихарем не начальник. Он гоил крепость: следил, чтобы на головы не сыпались камни, чтобы содержались в порядке пруды и ухожи и люди не сидели голодными. Однако межеумки ему почтительно кланялись, Ветер разговаривал как с равным... Значит, оставалась надежда, что как-нибудь со стеном управится. Если пожелает, конечно. Если же нет...

Страшно сидеть и гадать, как всё будет. Когда начинаешь действовать, становится не до боязни. Ознобиша влетел в поварню, не спросившись возле порога. Седобородый припешник заподозрил в нём воришку, потянулся схватить, но не поймал юркого мальчика, с маху сел на пол.

В стряпной было почти ничего не видно из-за едкого дыма: в горячие угли пролилось жирное. Зато было хорошо слышно, как ругался державец, костеривший растопыр за испорченную подливу.

Подстёгин сирота припал к самому полу, спасаясь от удушливой пелены. Почти вслепую устремился на голос. Выкатился под ноги Инберну, обхватил сапоги:

– Господин, не погуби!.. Добрый высокоимён... высокодержав...

Следом на четвереньках выполз старик, снова попытался схватить отрока. Штаны у припешника от волнения успели некрасиво промокнуть, подтверждая презрительную кличку: Опура.

– Добрый господин! Там Лихарь Сквару в холоднице убивает!..

Державец чуть не дал мальчонке пинка. Тоже успел решить, что бесстыдник посягал на хозяйский кусок. Потом начал кое-как разбирать, о чём тот верещал. Нахмурился. Новые ложки все были ему бровь в бровь, а дикарское слово «холодница» заставляло вспомнить о драгоценных погребах с припасами. Возможно ли, что ненасытные пролазы и туда добрались?..

– Доброе высокостепенство, там ещё пленник и...

Наконец всё стало понятно. Пленник, на которого у Ветра имелись особые замыслы, был важен. Державец стряхнул Ознобишу. Устремился к выходу из поварни, кашляя, ладонью разгоняя перед лицом чад. Он-то собирался неспешно, со вкусом обсудить с главной стряпухой, в чём способнее душить вепревину: в жидком отходе горлодёра, в масле с водорослями или в пряном вине. От какого дела, злыдари, оторвали!..

Лихарь вдруг услышал Скварины вопли. Оставил Космохвоста, повернулся и подошёл, тяжело дыша.

Дикомыт перестал кричать, лишь смотрел на него зло и отчаянно и понимал, что погиб.

В это время снова открылась дверь. На пороге появился Инберн.

– Лихарь, – громко сказал он. – погоди, ты чего хочешь, чтобы Ветер нам обоим головы оторвал?

Сквара вскинул глаза. Успел увидеть Ознобишу, мечущегося за спиной у державца. Ещё кого-то из ложек...

Лихарь ударил без предупреждения, наотмашь. Мальчишка всё-таки вскинул руку, но это ему не особенно помогло – отлетел обратно к стене, ударился спиной и затылком, повис на цепи.

Лихарь указал на него межеумкам:

– Этого спустить. Воды принесите. Пусть за вторым ходит.

Столб

– Дядя!.. Дядя, ты живой, что ли?..

Космохвост целую вечность не открывал глаз. Однако дышал, ресницы вздрагивали. Сквара всё протирал ему мокрой ветошкой то лицо, то ладони, окликал, тормозил и не знал, что ещё сделать. За руку поддержать, как Светел его самого, когда палец лечил?.. Только Светелко вправду боль отзывал...

Он уже ощупал узника с головы до пят, завернул драный кожаный чехол, рубашку и убедился: повязка на голове была не единственная. Кое-где сквозь тряпки проступала новая кровь.

«Иные просто умирают вместо господина и госпожи...»

Повязки выглядели очень несвежими. Сквара начал их разматывать, промывать раны и повивать заново, благо стиранных полос ему дали в достатке. Вот только как быть с правой рукой, сломанной в локте? Поди вправь, чтобы зажила и снова работала. Если бы хоть эту железную штуку от ошейника отстегнуть...

Космохвост вздрогнул, зарычал:

– Хорош лапать! Не девка...

– Дядя! – обрадовался Сквара. – Живой!

Рында отозвался не сразу. Говорить ему, кажется, было больно.

– Зря ты, – прошептал он затем, – ему помешал...

– Что?.. – переспросил Сквара... и вдруг понял.

Космохвост в самом деле знал опальный нрав стена. Он решил укунить Лихаря, добыть огня. Доискаться скорой расправы. Пока не приехал Ветер да не взялся выпрашивать, где скрылись царята.

– Ладно, малый, не плачь, – сказал Космохвост. – Что ж теперь... Не свезло.

– Дядя, нам тут по одеялу принесли, – виновато хлопотал Сквара. – Я одно постелил, дай тебя перекачу и сверху укрою?

Узник кое-как переполз на тощую мякоть, с облегчением вытянулся.

Некоторое время оба молчали, потом Сквара спросил:

– Дядя, а кто такой Сеггар?

Рында сразу открыл глаза. Зоркие, холодные, колючие.

– Чего врешь! Знать такого не знаю.

– Сам не ври, – обиделся Сквара. – Ты, пока лежал, три раза просил: «Сбереги, Сеггар...»

– А ещё кого я просил?

– Я тебе помню? Какого-то Косохлеста...

Узник подумал, помолчал, сказал:

– Вот что, парень... Если я опять без ума что сболтну, сразу кулаком тычь, добро?

Сквара опустил голову:

– Не буду. Жалко.

Рында усмехнулся:

– Себя пожалей, олух. Тебя Ветер тоже спросить может, что от меня слышал. А врать ты не умеешь.

Оба снова умолкли. Сквара горестно прикидывал, как бы изловчиться разомкнуть на нём железные путы, утешить и выпрямить руку. А потом Ознобиша со свёртком еды закинул бы им маленький нож. Такой, что сможет просунуться в дверную щель: небось до утра поладили бы с засовом. А там метель, да посвирепее, пусть не только разину с башни – дозорных сдует со стен. Только до леса бы дохромать, уж тогда-то...

Космохвост вдруг начал смеяться. Сквара удивился, поднял глаза. Худое избитое лицо рынды впрямь светилось весельем. Может, он догадался, как ему спастись, и сейчас расскажет об этом?

– Дядя, ты что?..

– Чужой беде радуюсь, – фыркнул Космохвост. Охнул, сморщился, но смеяться не прекратил. – Ветер сведает, Лихаря по головке погладит?.. Кабы не пожалел ещё, что у меня из рук увернулся...

От беспокойства и наползающей жути Скваре не сиделось на одном месте. Он вскакивал, метался туда и сюда, в сто первый раз обшаривал холодницу, ища ход на волю. Заглядывал в очажную пасть. Пытался двигать расшатанные вроде бы камни внешней стены. Куда там! Едва сбитые с места силами, отворявшими земную твердь, они собирались держаться ещё не один век. А уж если рассыпаться, то всяко не от жалких потуг какого-то мальчишки. Сквара переходил к двери, пробовал дёрнуть или толкнуть, но больше с отчаяния, уже понимая, что не помог бы и ножичек. Когда Инберн уходил, с той стороны не просто засов щёлкнул – ключ в замке проскрипел.

Космохвост наблюдал за ним, терпеливо щуря глаза.

– Не мельтеши, – сказал он затем. – Сядь!

Сквара сел. Поднял щепочку, стал крутить.

– Не так, так этак, лишь бы голова вкруг! – проворчал рында. – Чего ради пальцы ломаешь?

Сквара ответил:

– Они так ножи вертят. Я тоже хочу.

– Зачем?

Сквара пожал плечами:

– Я сюда не просился. Но коли попал, надо все умения превзойти.

В это время со двора послышался шум, громкие голоса. Рында тотчас насторожился, даже вскинулся на левой руке, но боль уложила.

– Что там?

Сквара мигом взлетел к окошку. Неужели Ветер? Так скоро?.. Посмотрел, оглянулся, с облегчением сообщил:

– Старшие с Лихарем на деревянных мечях пляшут.

Космохвост прикрыл глаза. Некоторое время лежал молча, потом сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.